

Том 5 · # 2 · 2020

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2020

Vol. 5 · # 2 · 2020

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW · 2020

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«**ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ**»

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

**Адрес редакции
фактический:**
101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 13,
стр. 4, оф. 416
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
тел.: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90*15298,
e-mail: id@hse.ru

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 5 • # 2 • 2020

Главный редактор
АНАШВИЛИ В. В. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Научные редакторы
ДАНИЛОВ В. Н. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)
СМИРНОВ А. А. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редакторы-составители
ТАРАСОВ И. А. (Российская Федерация)
ФЕДОРОВА М. С. (УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация)

Редакционная коллегия
ВАРШАВЕР Е. А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
ГАВРИЛОВА С. А. (Институт региональной географии им. Лейбница, Германия)
КОТОВ Е. А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А. Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
КОДЗОКОВА Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет
БЛИНКИН М. Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е. В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д. Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О. Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И. Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н. В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А. Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С. Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В. А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н. Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А. В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В. Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А. С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г. И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М. Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С. Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э. К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджии, США)
ШОМИНА Е. С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заведующая редакцией — Лаврик А.А.
Литературный редактор — Писарев А.А.
Редактор английских текстов — Конноли Д.
Корректор — Редькина Т.В.
Верстка и обложка — Меерсон А.В.
Дизайн обложки — Зиновьев С.Д.
Фото на обложке — Григоренко М.Г.

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position
does not necessarily
reflect the authors views.
The reproduction of materials
without permission of the
editorial office is prohibited.

The journal is registered
July 21, 2016 in the Federal
Service for Supervision in the
Area of Telecom, Information
Technologies and Mass
Communications. Certificate
of registration of mass media
PI No. FS 77 - 66568

RSCI
EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

FACULTY OF URBAN AND REGIONAL DEVELOPMENT

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 5 · # 2 · 2020

Editor-in-Chief
VALERY ANASHVILI (*RANEPA, Russian Federation*)

Science Editors
VYACHESLAV DANILOV (*MSU, Russian Federation*)
ARTEM SMIRNOV (*RANEPA, Russian Federation*)

Compiling Editors
IVAN TARASOV (*Russian Federation*)
MARIA FEDOROVA (*UrFU, Russian Federation*)

Editorial Board
ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)
EGOR KOTOV (*HSE University, Russian Federation*)
EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)
SOFIA GAVRILOVA (*Leibniz Institute for Regional Geography, Germany*)

Executive secretary
DIANA KODZOKOVA (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial Council
MICHAEL BLINKIN (*HSE University, Russian Federation*)
EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)
NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)
IRINA ILINA (*HSE University, Russian Federation*)
NIKOLAY KICHIGIN (*HSE University, Russian Federation*)
ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE University, Russian Federation*)
SIMON KORDONSKY (*HSE University, Russian Federation*)
NADEZHDA KOSAREVA (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)
VITALY KURENNOY (*HSE University, Russian Federation*)
VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXANDER PUZANOV (*HSE University, Russian Federation*)
GRIGORY REVZIN (*HSE University, Russian Federation*)
BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)
MARIYA SAFAROVA (*HSE University, Russian Federation*)
ELENA SHOMINA (*HSE University, Russian Federation*)
SERGEY SIVAEV (*HSE University, Russian Federation*)
EDOUARD TRUTNEV (*HSE University, Russian Federation*)
DMITRY ZAMYATIN (*HSE University, Russian Federation*)
OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial management — Anna Lavrik
Editor — Alexander Pisarev
English language editor — David Connolly
Proofreader — Tatyana Red'kina
Layout and cover — Anastasia Meyerson
Cover design — Sergey Zinoviev
Cover photo — Maxim Grigorenko

СОДЕРЖАНИЕ

7/ ИВАН ТАРАСОВ

Создание городской среды: разногласия в множественном объекте

24/ МАРИЯ ФЕДОРОВА

Военные госпитали в городской среде

34/ МАРИЯ РЕНТЕЦИ

Настройка идентичностей посредством промышленной архитектуры и городского планирования: греческие табачные склады в конце XIX – начале XX века (перевод)

50/ НИКОЛАЙ РУДЕНКО

От забвения до камней преткновения и обратно: анализ controversy вокруг калининградской брусчатки через призму прагматической социологии

71/ ИВАН ТАРАСОВ

Адольф Лоос: архитектор другого модерна

75/ АДЛЬФ ЛООС

Два очерка и дополнение о доме на Михаэлерплац

80/ АДЛЬФ ЛООС

Правила для тех, кто строит в горах

81/ АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ, ВИКТОР ВАХШТАЙН

Город как континуум границ. Дискуссия

CONTENTS

7/ IVAN TARASOV

Creating an Urban Environment: Controversies in Multiple-Object

24/ MARIIA FEDOROVA

Military Hospitals in Urban Environment

34/ MARIA RENTETZI

Configuring Identities through Industrial Architecture and Urban Planning: Greek Tobacco Warehouses in Late Nineteenth and Early Twentieth Century

50/ NIKOLAY RUDENKO

From Oblivion to the Stumbling Rocks and Back: A Pragmatic Sociological Analysis of the Controversies Around Kaliningrad Cobblestones

71/ IVAN TARASOV

Adolf Loos: An Architect of Another Modern

75/ ADOLF LOOS

Two Essays and a Supplement on the House on Michaelerplatz

80/ ADOLF LOOS

Rules for Those Who Build in the Mountains

81/ ALEXEI NOVIKOV, VICTOR VAKHSHTAYN

The City as a Continuum of Borders. Discussion

ИВАН ТАРАСОВ

СОЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: РАЗНОГЛАСИЯ В МНОЖЕСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ

Тарасов Иван Анатольевич, социолог, независимый исследователь; тел.: +7 950 963 53 17

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

В начале 2010-х годов в России возрос интерес к городской среде, ее качеству и комфортности. Велись масштабные работы по благоустройству крупнейших городов, в первую очередь Москвы, открывались новые учебные заведения, образовательные программы и общественные организации, сфокусированные на этой тематике. Этот тренд не ограничился центральными городами и к середине десятилетия распространился по территории всей страны, помимо прочего приведя к появлению групп новых городских активистов. В 2016 году в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу был разработан и запущен масштабный приоритетный федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». В ходе его реализации обнаружилось разногласия по поводу способов создания такой среды, ее критериев и в целом необходимости/приоритетности такой среды.

В статье эти разногласия анализируются при помощи концепта «множественный объект», который был разработан в Ланкастерской школе акторно-сетевой теории, представленной в основном работами Джона Ло и Аннмари Мол. На примере благоустройства в Архангельской агломерации мы последовательно разберем основные процессы, формирующие реальность обустройства городской среды: реализацию приоритетного федерального проекта, процессное благоустройство и деятельность активистов. Выделив значимых акторов, мы покажем, что сегодня городская среда задействуется как минимум в двух противоречивых гетерогенных сетях отношений.

Ключевые слова: множественный объект; северный город; благоустройство; акторно-сетевая теория

Цитирование: Тарасов И.А. (2020) Создание городской среды: разногласия в множественном объекте // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5220207-23>

Введение

В статье «Что не так с единым миром» Джон Ло призывал изучать, как множественные объекты пересекаются и дают о себе знать на Севере, на территории победившей западной метафизики [Law, 2015]. Конечно, он имел в виду глобальный Север и развитые страны, но мы последуем этому совету радикально (так же, как и сам Ло) и попробуем найти множественный объект в одном из наиболее северных регионов России.

Мы попытаемся сделать это, исследуя процесс создания новой среды в городах России на примере Архангельской агломерации. В течение последних десятилетий состояние городской среды в стране привлекало внимание в основном узких специалистов, но со стартом приоритетной федеральной программы «Формирование комфортной городской среды» в 2016 году эта тема стала привлекать значительно больше внимания в публичной сфере. У этой программы амбициозные цели — создание условий для устойчивого повышения качества городской среды. Выражаясь словами акторно-сетевой теории, это значит, что проект должен собрать новую сеть акторов под названием «Комфортная городская среда», которая будет повышать качество среды и после его завершения. Он не просто направлен на устранение технических проблем, будь то безопасность на дорогах или обветшание советской дворовой инфраструктуры, но призван реформативировать всю сеть отношений, составляющих города России. Масштаб проекта соизмерим с его целями. В этом году завершается третий цикл его реализации, и мы можем видеть промежуточный результат — несколько тысяч благоустроенных дворов и сотни обновленных территорий общественного пользования. Но это только одна сторона. С другой — мы находим разногласия и дискуссии как по поводу качества этого благоустройства, так и по поводу целесообразности его проведения.

Именно разногласия по поводу объекта являются признаком его множественности [Мол, 2017]. Это сигнал о том, что есть нестыковки между тем, что подразумевается в программе

под городской средой и ее комфортностью, и чем-то еще. Если это так, то необходимо найти и описать элементы этой множественности, найти, кто/что действует в каждой ее части, даже если действующие будут не только социальными, но и природными/техническими акторами. Это позволит выявить зоны, в которых происходит «трение», стратегии, которыми объект (рас)согласовывается, и другие возможные варианты. Для этого мы проследим и опишем основные события, происходящие вокруг реализации федеральной программы, и ограничения, с которыми она сталкивается. Кроме того, рассмотрим процессное благоустройство, отчасти являющееся фундаментом нынешнего состояния городской среды, и деятельность активистов.

В программе нет каких-либо особых условий или предпочтений для северных городов, хотя обычно такие территории и финансируются, и оцениваются иначе из-за удаленности и сложных климатических условий. Таковы обстоятельства краш-теста программы, за которым мы проследим. Эмпирический материал статьи был собран преимущественно в Архангельской агломерации в 2018–2019 годах и относится именно к ней. Однако дальнейшие наблюдения показывают, что федеральная программа работает по таким же принципам во многих региональных столицах, за исключением наиболее богатых, привилегированных или специфичных городов.

Теория множественного объекта

Что значит, что объект является множественным? Почему он множественный и что из этого следует для него самого? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к той версии акторно-сетевой теории, которая была предложена ее основателями и дополнена исследователями Ланкастерской школы.

Кратко реконструируем релевантные для нас базовые положения этой теории. Во-первых, все является объектами, причем объектами однопорядковыми. Во-вторых, — и это касается понятия действия, — однопорядковость заключается в равной возможности действовать. Действовать не в веберовском смысле деяния, недеяния или претерпевания, а исключительно в смысле возможности опосредовать действие. Действовать — значит опосредовать действие другого [Латур, 2006, с. 190]. Это не значит, что «брусчатка имеет намерение сломать каблук» [Трубина, 2017, с. 94], но только то, что она проявила себя как объект и, сломав определенный каблук, подействовала, заявила о своем существовании определенным образом. То, что практика хождения на каблуках относится к социальному миру, не помешало брусчатке сделать это. Но действовать могут не только материальные объекты. Стандарты укладки брусчатки также действуют, определяя, будет ли зазор между кирпичиками опасным для каблуков. Действуют и вкусы идеологов городской политики благоустройства, предписывая использовать именно брусчатку для главных пешеходных зон и общественных пространств городов. В некоторых случаях может подействовать и тип почв под покрытием улицы, от которого зависит, будет ли брусчатка разъезжаться или станет устойчивым элементом благоустройства. И только все эти действия вкупе создают сеть отношений под названием «мощная улица». Эта сеть отношений может измениться, например, при изменении стандарта укладки брусчатки или погодных условий в момент укладки покрытия.

Для такого анализа действие — это предикат существования. Дорожка, проложенная не там, где удобно ходить людям (или созданная не из того материала), не существует для них, она вытеснена кратчайшей козьей тропкой. Но для дворника, чья задача — содержать дорожку в чистоте, наоборот, существует только она, а тропка является для нее угрозой, поскольку угрожает существованию чистой дорожки.

Как видно из примера с брусчаткой, социальное, природное, техническое, материальное и нематериальное могут переплетаться. Однопорядковыми для объяснения причин и следствий благоустройства оказываются экономические стимулы строителей и особенности флоры региона независимо от того, к какому «миру» они принадлежат. Важно лишь влияние, оказываемое на исследуемый объект.

Переплетение флоры, идеологии, экономических отношений, материальной брусчатки, климата и межличностных отношений (или любых других составных элементов) может являться как задуманной, так и (чаще) спонтанной констелляцией уже предсуществующих акторов [Астахов, 2019]. Например, чтобы появился феномен «газелей-маршруток», необходимо,

чтобы предсуществовал протяженный город, чьи районы были бы недостаточно связаны друг с другом основной транспортной сетью, необходимо существование пассажирских «газелей», необходима сеть частных автосервисных и заправочных станций [Кузнецов, 2017]. Чтобы существовала транспортная система TransMilenio, необходимы высокие посадочные платформы, особые автобусы, сеть дорог с выделенной полосой и отсутствие метро [Pineda, 2010]. Все это Джон Ло определяет как хинтерленд: окружение объекта, от которого он зависит.

Кроме того, любой объект (а значит, и элементы хинтерленда, который его формирует) состоит из обязательного устойчивого ядра и периферии, которая может изменяться [Ло, 2006]. Замена, исчезновение или появление нового актора в периферийной зоне не изменяет объект полностью. Так замена одной доски на палубе галеона или болезнь части команды не делает из него чайный клипер. Однако бунт на корабле или столкновение с рифами произведет негоморфное преобразование: в первом случае португальский галеон станет пиратским кораблем, а во втором — затонувшими руинами.

Итак, задействуя хинтерленд, состоящий из элементов ядра А, В, С и элементов периферии х, у, z, мы реализуем определенную практику и имеем объект №1 в качестве эффекта сети отношений АВСхуz. Меняем один элемент и получаем объект №2. Тогда неукоснительное повторение практик — это то, что делает мир единообразным. Так работает пастеризация. Так работает большая часть нововременной естественной науки.

Но что происходит, когда мы собираем объект №1, задействуя другие или отчасти другие практики? Что происходит в случаях, когда нет возможности использовать идентичные практики? Именно этим вопросом и задается Аннмари Мол в своем исследовании практик обращения с атеросклерозом [Мол, 2017]. Отличается ли атеросклероз, с которым имеют дело хирурги, от атеросклероза, выявленного терапевтом, а оба они — от препарата на стекле микроскопа в патологоанатомической лаборатории? Ее ответ — отчасти да, а отчасти нет. Это один и тот же объект, но его «больше, чем один, но меньше, чем два» [Там же, с. 127]. Практики хирургов, патологоанатомов и терапевтов задействуют несколько версий одного и того же атеросклероза. Но в каких-то случаях они просто разносятся по разным частям больницы, потому их нестыковка невидима, иногда одна версия полностью игнорируется и т.д. Но когда они встречаются, возникают разногласия и противоречия.

По конфликтам и некоторой «шероховатости» мы и можем обнаружить замаскированный множественный объект. В интересующем нас виде предположение о множественной природе объекта делает Аннмари Мол. Она «открывает» множественность, изучая практики диагностики и лечения атеросклероза в голландской больнице. Ранее Хелен Верран обнаруживает несвязность на материале историй о территории Австралии у аборигенов и геологов [Verran, 1998], что позволяет Джону Ло сначала, исследуя Британскую систему помощи больным циррозом печени, говорить о наличии нескольких версий одного события [Ло, 2015], а позднее, видоизменив концепт, о конфликте норвежского природоохранного законодательства и традиционных практик природопользования саамов [Østmo, Law, 2018].

Что ценного можно найти в тезисе о множественности объектов и его следствии о множественности реальностей? Для постколониальных способов мышления это будет важный стартовый пункт, но в общем случае это значит, что все объекты и вся реальность контингентны — они могут быть другими. Реальность не является судьбой [Law, 2015]. Законы экономики «сделаны» так же и из того же материала, что и законы природные [Латур, 2019]. Расплетая траекторию появления объекта в нынешнем его виде, мы обнаружим задействованные элементы хинтерленда, ограничения, которые делают его именно таким. Одновременно обнаружатся и другие возможные версии объекта. Именно ради этих других версий реального все затевается. Они дают возможность выбирать те реалии, которые мы посчитаем более удачными.

Кроме того, сейчас объект «новая городская среда» еще не полностью выкристаллизовался, не привел себя к единому знаменателю, не схлопнулся в нечто самоочевидное — дискуссии вокруг него являются признаком этой онтологической незавершенности. Собранный объект значительно хуже разбирается на составные элементы, он «заметает» следы своего создания [Ло, 2015]. Конечно, можно последовать за Латуром в пастеризации Франции [Латур, 2015] или посмотреть на историю строительства здания Чикагской биржи [Zaloom, 2010], то есть заняться некоторым видом археологии. Но куда полезнее анализировать объект, сборка которого еще не завершена, что и было сделано, например, в исследовании «лабораторной жизни» в Инсти-

туте Солка [Латур, 2013]. Это вдвойне полезно для тех, кто хочет что-то изменить в текущей ситуации, ведь уже завершённый объект будет для своего «развоплощения» требовать значительно больших усилий [Duineveld, 2013].

Вот вопросы, на которые нам предстоит ответить: какие акторы задействованы в работе по созданию городской среды? Связываются ли они в непротиворечивую сеть, можно ли здесь говорить о множественном объекте? Если да, то какие множественные реалии он нам открывает?

Городская среда в современной России: краткая история

В новейшей истории России до последних лет, по сути, не существовало городской среды как объекта интереса властей и общественности. Присутствовали скорее ее фрагменты — дискуссии и проекты о качестве дорожного покрытия, земельные споры, проекты по благоустройству отдельных городов (например, Казани, Владивостока, Грозного или Сочи), существовали отдельные земельные споры, отдельные региональные, муниципальные или даже районные инициативы. Но в целом такого объекта, как городская среда или политика в ее отношении, — или тем более разговоров о ее комфортности, — не было. На этом фоне несколько выделялись крупнейшие и наиболее богатые города, но существенно это не меняло ситуацию.

За несколько десятилетий такого отношения из-за возросшего количества автомобилей дворы приобрели черты стихийных парковок, элементы советского благоустройства износились, а инфраструктура подверглась дополнительной нагрузке от точечной застройки; тополя, высаженные еще в середине XX века, достигли зрелости и начали представлять угрозу, а низкие, излишне водянистые и поэтому полузаброшенные участки заросли сорным ивняком.

Вдобавок институт главных архитекторов, которые в советское время были «патриархами проектировщиков», в новых экономических условиях потерял свое значение. Во многих городах эта должность может пустовать годами или быть полностью упраздненной. Более того, во многих городах начал расти зазор между генпланами, которые теперь стали создаваться не на местах, не в городе, а в относительно небольшом кругу организаций, и фактической застройкой [Мокрушина, 2016].

В этих обстоятельствах можно выделить несколько процессов. Они связаны между собой, но проследивание их генеалогии до общего корня не входит в задачи данного исследования. Впрочем, с некоторой долей уверенности можно сказать, что их общее начало — масштабные проекты по благоустройству Москвы, запущенные при мэре города С. С. Собянине [Фадеева, 2016]. Именно в этих преобразованиях впервые значимо проявилась идеология хипстерского урбанизма [Вахштайн, 2014], до этого отсутствовавшая в публичном поле. Были созданы значимые в будущем элементы — обновленный парк Горького (а впоследствии и парк «Зарядье»), приложение «Активный гражданин», карта «Чего хочет Москва», проект «Моя улица», произошли такие события, как, например, «Ночь длинных ковшей», и многое другое. Примерно в тот же период была создана Высшая школа урбанистики при НИУ ВШЭ (2011), фонд «Городские проекты» (2011), а незадолго до этого был открыт знаковый Институт «Стрелка» (2009). Все это так или иначе связано с темой благоустройства городской среды, которая появилась в Москве в тот период, а затем проникла в остальные города страны. С этого времени можно отсчитывать историю движения нового городского активизма, широко распространившегося в 2014 году.

Другой процесс проявился позднее, но связан с уже описанным. При подготовке к выборам в Государственную Думу РФ 2016 года партией «Единая Россия» был инициирован проект «Комфортная городская среда», позднее ставший федеральным проектом «Формирование комфортной городской среды». Благоустройство общегородских мест — это если не традиционная, то, как минимум, регулярная сфера деятельности местных и региональных депутатов. Сложно сказать, насколько это связано с реакцией на описанные выше процессы ухудшения городской инфраструктуры и объектов общего пользования или с успехами благоустройства Москвы. Но на исследуемой здесь территории представители партии власти и до этого инициировали небольшие подобные проекты. Это не было новой темой. Важно здесь то, что проект, запущенный как предвыборный, смог стать приоритетным федеральным проектом с соответствующим финансированием и масштабом преобразований.

Проект «Формирование комфортной городской среды»

Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» начался в 2016 году и рассчитан на период до 2021 года¹. Его цель — создание условий для систематического повышения качества и комфорта городской среды на всей территории РФ. В паспорте проекта в разделе «Результаты» можно обнаружить длинный перечень того, что подразумевается под этими условиями, — от благоустройства дворовых территорий и создания пешеходной инфраструктуры до создания инфраструктуры для спорта и отдыха, от благоустройства пустырей до поощрения проектов, инициированных горожанами. Проект подразумевает взаимодействие федерального, регионального и местного уровней власти, участие жителей городов, взаимодействие с частными проектировщиками и строителями, а также учет интересов бизнеса. Кроме того, в проектной документации федерального уровня есть акцент на вовлечении жителей благоустраиваемых территорий и предложен широкий спектр технологий по вовлечению. Так, для дворовых территорий обязательным условием является софинансирование проекта жителями, а для прочих мест предложены рейтинговые голосования, фокус-группы, практики партисипаторного планирования и т.д.

Любопытны для нашего исследования и представления о горожанине и городе, заложенные в проекте: «Современный горожанин воспринимает всю территорию города как единое пространство и ожидает от него безопасности, комфорта, функциональности и эстетики... Сегодня горожанину важно, как обеспечено освещение улиц, обустроены тротуары и общественные пространства, его интересует качество уборки улиц, современная и безопасная утилизация коммунальных отходов»², «локальные сообщества — это необходимый элемент развития города»³. Мы вернемся к этому пункту позднее, а пока обратимся к практике реализации программы.

Реализация приоритетного федерального проекта: финансирование и проектирование

Анализируя то, как программа воплощается в жизнь, мы начинаем обнаруживать расхождения и ограничения практик. Начнем с финансирования проекта. Год от года оно меняется, но общая схема остается прежней — основные средства выделяются из федерального бюджета, на региональном и муниципальном уровнях добавляется некоторая часть, и небольшую долю должны внести жители благоустраиваемых территорий (если речь идет о дворах).⁴ Однако, по словам информантов, есть ряд ограничений элементов благоустройства, на которые можно потратить федеральные деньги. Выделяются четыре «обязательных» элемента: проезды, освещение, урны и скамейки. Все эти элементы должны присутствовать в проекте, чтобы получить федеральное софинансирование. Любые другие элементы — от детских и спортивных площадок до тротуаров во дворах — считаются дополнительными, и для их реализации доля софинансирования остальными участниками должна быть значительно выше. Такой механизм уже на предпроектной стадии отдает предпочтение одним элементам среды перед другими, выстраивает их в иерархию. Независимо от потребностей конкретного места уже задан перечень того, что мы точно встретим на каждом благоустроенном объекте.

Пропустим этап принятия новой нормативной документации на региональном и муниципальном уровнях — он подробно прописан в документах федерального уровня и уже анализировался [Деменев и др., 2018].

Следующий этап — проектирование. По словам информантов-проектировщиков, при разработке проектов к программе «Формирование комфортной городской среды» они сталкиваются с рядом ограничений и сложностей, причем нередко им приходится ограничивать свое участие в этом проекте. Попробуем описать этот процесс и указать на сложности, выделен-

1 Продленный позднее до 2024 года.

2 Паспорт приоритетного федерального проекта, раздел «Обоснование». <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/337/pasport-prior-proekta-i-gorsreda.pdf>.

3 Основные принципы благоустройства дворовых территорий, слайд 16. http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/7d5/170118_kb_strelka_dvory.pdf.

4 Именно финансовое или трудовое соучастие граждан является одной из форм вовлечения в создание среды. Однако, как показывают мониторинги Общероссийского народного фронта, в ряде случаев эта последняя часть не исполняется вовсе или исполняется иным образом.

ные информантами. На первом этапе в администрации муниципалитета принимают соответствующую документацию или вносят изменения на очередной год реализации проекта. Это является условным стартом проекта в муниципалитете. После появления документов, регламентирующих порядок и сроки конкурса, размер финансирования и прочее, жители дома должны провести общее собрание, на котором принимается решение о вхождении в программу. Затем жители заказывают проект благоустройства своего двора. Далее должно происходить следующее: проектировщик готовит эскиз проекта, согласовывает его с жителями, разрабатывает на его основе проект, согласовывает проект с необходимыми инстанциями (от главного архитектора до владельцев инженерных сетей и организаций, контролирующих расход бюджетных средств), сдает проект на руки жителям-заказчикам, которые подают этот проект на рейтинговую оценку в муниципалитет. На все это отведено порядка двух месяцев. По словам работающих проектировщиков, два месяца — это достаточный срок для разработки хорошего проекта двора, но за вычетом всех остальных этапов — согласований, эскизов. Иными словами, это время, необходимое только на работу проектировщика.

Сложность же заключается в том, что из-за обилия инфраструктурных сетей под дворами и большого количества нормативов по размещению тех или иных объектов проектирование становится ювелирным занятием. Соблюдение всех нормативов часто идет вразрез с желаниями жителей видеть на территории двора парковку на N машиномест определенной формы или сложные объекты благоустройства. Даже запроектировать тротуар во дворе становится нетривиальной задачей. А согласование проекта с Водоканалом, Горгазом и прочими организациями занимает продолжительное время. Все это в совокупности приводит к тому, что проектировщики вынуждены одновременно разрабатывать и эскиз благоустройства (согласовывая его с жителями-заказчиками), и проект со всеми рабочими документами, включая бюджет (одновременно согласовывая его с владельцами инженерных коммуникаций и проверяющими органами). Логично, что это значительно затрудняет процесс проектирования. Кроме того, сложности с проектированием приводят к тому, что жители не видят возможностей реализации своих пожеланий и потому отказываются от софинансирования дополнительных объектов, кроме проездов, освещения, урн и лавочек. Именно поэтому благоустройство большинства дворов одинаково и состоит из сходных базовых элементов. Ситуации могла бы помочь модерация, но массово нужными для нее компетенциями не обладают ни активисты домов, ни проектировщики, ни сотрудники муниципальных администраций. В некоторых случаях активистам от жителей дома удается работать в связке с проектировщиками (чаще в тех случаях, когда проектировщик сам живет в этом доме или среди актива жильцов есть те, кто разбирается в программе, — депутаты, сотрудники администрации).

Кроме того, как проектировщики, так и исполнители работ отмечают, что есть сложность с финансированием работ — они оплачиваются только после сдачи объекта. Это значит, что фирмы-проектировщики и исполнители работ должны иметь некоторый запас средств для выполнения работ и что далеко не все конторы могут позволить себе участвовать в реализации таких проектов благоустройства⁵.

Информанты из числа проектировщиков, подрядчиков и проверяющих органов отмечают отсутствие связи между некоторыми проектами и фактическим положением дел на месте. Один из информантов рассказал, что видел проект дворовой территории, в котором детская площадка была размещена прямо над трубами с горячей водой, а в другом проекте тротуар должен был проходить прямо по существующей аллее. Чтобы понять причины таких ситуаций, необходимо обратиться к процессу проектирования и согласования. Дело в том, что в идеальном случае проектировщик, получив заказ на проектирование на той или иной территории, первым делом должен обратиться в соответствующие департаменты муниципалитета и за небольшую плату получить копии схем и карт расположения всей под- и надземной инфраструктуры, высотные отметки, в некоторых случаях результаты дендросъемки и некоторые другие документы, отражающие положение дел на территории. Но зачастую качество этой документации не соответствует требованиям — в этом сходятся во мнениях и проектировщики, и подрядчики, и другие задействованные в этом процессе информанты. Она бывает устаревшей

5 Показателен случай, когда главный инженер компании-подрядчика на одном из объектов благоустройства до и во время интервью занимался тем, что сам проводил геодезическую съемку местности, хотя обычно такую работу выполняют либо специально нанятые геодезисты, либо опытные работники из числа бригадиров, мастеров и т.д.

(и тогда, например, высотные отметки территории будут совершенно иными), в ней может отсутствовать инженерная инфраструктура, созданная в последние десятилетия, она может быть просто неполной. При этом каждый участок города, и в частности двор, испещрен трубопроводами, кабелями, канализационными трубами и прочими элементами⁶. Подобная ситуация уже была описана для инженерных сетей Череповца [*Хархордин и др., 2013*]. Нехватку этой информации в документации можно восполнить сравнительно быстро и дешево (например, данные дендросъемки) или учесть при осмотре территории проектирования, однако это дополнительно усложняет работу проектировщиков.

Отдельным фактором, влияющим на качество проектов, является нехватка в регионе узких специалистов для проектирования — архитекторов-генпланистов, ландшафтных дизайнеров и т.д. Дело в том, что рынок проектирования в небольших и удаленных городах специализирован под определенный вид работ. У проектных компаний нет необходимости держать в своем штате узких или редких специалистов. В какой-то мере приоритетный федеральный проект изменил эту отрасль. А наем подобных специалистов или команд со своими специалистами из других городов экономически нерационален из-за удаленности — все-таки для такой работы требуется частое присутствие: осмотр территории на месте, согласования с заказчиками, внесение корректировок.

Респонденты отмечают и влияние климатических условий на возможности строительства и проектирования. Период, когда возможно проведение строительных работ, значительно короче, чем в средней полосе России, и при наиболее благоприятном сценарии длится с мая по октябрь. То же относится и к работе проектировщиков — в зимнее время предпроектный осмотр территории невозможен или, скорее, малоинформативен. Хотя информанты указывали на случаи, когда, судя по косвенным признакам, он проводился именно в это время. В таком случае погода еще больше сжимает и без того регламентированное время производства работ. Любопытно, что главные архитекторы из числа информантов, имеющие представление о работе проектировщиков, но находящиеся по другую сторону «баррикад», в большинстве моментов согласны с проектировщиками.

Отдельный вопрос — вовлечение жителей в реализацию программы. Как уже говорилось, на уровне федеральной документации это важная часть проекта. Мы можем найти тут и дискурс коллективной ответственности (в рекомендациях по переводу дворовых территорий в собственность жильцов дома, в необходимости софинансирования при благоустройстве), и разнообразные механизмы учета мнений жителей при разработке проектов. Но, как и в предыдущих случаях, здесь практика расходится с документами. Несмотря на то что количество информационных материалов, публикаций и событий, посвященных проекту, чрезвычайно велико [*Деменев и др., 2018*], уровень вовлеченности остается невысоким, что признается всеми информантами. Дело в том, что в случае с общественными пространствами и парками такая обязанность полностью ложится на муниципальную администрацию. Но арсенал технологий, которыми обладают представители администрации, весьма невелик: процедура рейтингового голосования, общественные слушания, прием предложений и т.д. Рекомендованные практики — например, партисипаторное планирование, фокус-группы — требовательны как к компетенциям тех, кто их проводит, так и ко времени проведения. В условиях постоянного цейтнота и нехватки кадров единственное логичное решение для сотрудников муниципальных администраций — проведение мероприятий по уже знакомым технологиям: общественные слушания и голосования. Но в новых условиях такие практики не дают нужного результата. Следствие этого сбоя — ситуации, когда одни активисты хотят спортивную площадку, другие требуют оставить на месте зеленые насаждения, а голосования приводят не к согласованию интересов, а к выбору наиболее популярного решения. Старые практики не синхронизируются с новыми запросами.

Но есть и хорошие примеры. Так, в случае одного парка было организовано несколько публичных встреч общественности и представителей проектировщиков, мэра города, главного архитектора и т.д. Это были полужформальные встречи, напоминающие процедуру общественных слушаний, но проходящие в другом формате. Такая практика, хоть и признается всеми информантами шагом вперед, вряд ли может успешно тиражироваться — временных ресурсов

⁶ <https://varlamov.ru/3443742.html>.

мэра, его заместителей и глав департаментов вряд ли хватит на такое обсуждение каждого проекта благоустройства.

Иначе складывается ситуация с дворовыми территориями: здесь проблема заключается именно в синхронизации интересов разных жителей (особенно при софинансировании) и возможностей проектирования, о чем уже говорилось выше. Информанты из числа участвовавших в программе отмечают, что большая сложность заключается именно в модерации диалога, которая ложится на плечи актива дома, ТСЖ или иных инициаторов благоустройства. Нелинейность такой коммуникации и отсутствие компетенции для использования заложенных в проекте технологий вовлечения и создает ситуацию, когда под благоустройством понимается минимальное приведение в порядок освещения, проездов, скамеек, урн и детских площадок. Это, в свою очередь, означает, что больше шансов на благоприятное прохождение всех процедур имеют те дома, где есть сильное ТСЖ или где среди актива жителей есть проектировщики, архитекторы, люди с опытом работы в соответствующих сферах или госорганах — им проще договориться, получить нужную информацию и т.д. Такую работу могли бы брать на себя муниципальные депутаты, что и происходит в ряде случаев. Но далеко не всегда благоустройство и, шире, строительство является их профильной деятельностью. Вследствие этого, по мнению специалистов из числа архитекторов и представителей подрядчиков, проекты получают сырыми, или однотипными, или и теми и другими одновременно.

Реализация приоритетного федерального проекта: минимальный перечень элементов и детские площадки

Характеризуя программу, нельзя не обратиться к базовым элементам, которые, по мнению проектировщиков и координаторов программы, являются минимумом. Еще раз перечислю их: проезды, освещение, урны и скамейки. К этому повсеместно добавляются в разных пропорциях озеленение и детские или спортивные площадки. При этом в отношении скамеек, урн и детских площадок мнения респондентов расходятся. Так, наличие (или форма) скамеек и урн ряд респондентов не считают необходимым, так как это, по их словам, провоцирует асоциальное поведение и сбор нежелательных лиц. В случае с детскими площадками разногласие связано с качеством и эстетикой объектов — ряд респондентов считают, что стандартизованные цветные пластиковые объекты вызывают раздражение, не отражают локальную идентичность и не выполняют функции по развитию детей; другая же сторона находит такие объекты оптимальными в соотношении цены/качества/простоты использования/безопасности.

Для того чтобы проанализировать эти разногласия, обратимся к понятию скриптов (вписанных в объект сценариев взаимодействия [Akrich, 1992]). Как указала Мадлен Акрич, в процессе проектирования дизайнеры и инноваторы создают объект, пригодный для одного вида взаимодействия и непригодный — для другого. В процессе использования сценарий может быть изменен до неузнаваемости, а объект частично изменен или полностью переписан [Лэйт, Мол, 2017]. Тогда для анализа нам необходимо провести дескрипцию, анализ пригодных сценариев взаимодействия объектов/с объектами.

При таком подходе конфликт между теми, кто выступает за наличие скамеек и урн, и теми, кто против, заключается в разных представлениях о сценариях взаимодействий во дворе. В первом случае двор является местом, где люди могут провести время: посидеть, что-то съесть или выпить, подождать встречи и т.д. Это в минимальной степени отражает часть идеологии, заложенной в программу: двор должен быть местом сборки локального сообщества, а оно, в свою очередь, является «необходимым элементом развития города». Другая же сторона воспринимает двор исключительно как транзитную зону, где должны быть ровные дороги (проезды), где безопасно (освещение) и красиво (озеленение).

Любопытно при этом, что детские площадки признаются желательным элементом всеми, но это территория только для мам и маленьких детей и там почти не встретить пенсионеров, спортсменов, подростков, людей среднего возраста или маргиналов. Все посторонние изгоняются. Несмотря на то что такие объекты требуют большего софинансирования по сравнению с базовыми элементами, они устанавливаются практически повсеместно. По-видимому, детская площадка — минимальное консенсусное решение о функции двора.

Но дискуссия о качестве исполнения этих площадок (особенно в парках и на общественных территориях) разгорается в каждом общественном обсуждении. И тем не менее площад-

ки устанавливаются повсеместно. И дело тут вот в чем: с точки зрения тех, кто задействован в создании среды, это удобный объект. Для проектировщика он удобен тем, что его габариты и стоимость уже есть в программном пакете для проектирования. Для органов власти — тем, что он обладает необходимыми сертификатами безопасности. Такие объекты наиболее дешевы и позволяют сэкономить средства для других разделов сметы или для других территорий. Подрядчик не будет испытывать сложности с закупкой такого оборудования — он уже имел опыт работы с этим поставщиком, у них заключен договор, ему ясны сроки поставки и правила установки объекта. Такую цепь аргументов тяжело разорвать апелляцией к эстетичности или требованию восстановления локальных условий.

Если угодно, ситуацию с минимальными элементами и детскими площадками можно описать как равновесие. Является ли это оптимальным равновесием или равновесием по Нэшу, зависит от того, кого мы исключаем из числа значимых агентов.

Ту же самую логику можно использовать и для анализа итоговых проектов дворов и общественных пространств. На рендерах проектов мы видим молодых и среднего возраста людей. Кто-то идет мимо, вот юноша слез с велосипеда, вот парочка влюбленных сидит на укромной скамейке, пенсионерка с внуком кормит голубей и т.д. Все они чем-то заняты. Однако стоит пройти по благоустроенным территориям парков и общественных зон, и мы не встретим никого из этих типажей. Нет велосипедистов, нет парочек, нет мужчины с газетой, нет девушки, выгуливающей лабрадора. Есть лишь редкие прохожие, немногочисленные пенсионеры на лавочках и мамы с детьми. В благоустроенных дворах любые люди днем — это вообще скорее исключение, чем правило.

В этом нет ничего удивительного, если мы обратимся к проектным документам. В большинстве случаев в целях экономии в реконструируемых или заново создаваемых общественных пространствах, за исключением технических работ (таких, как земляные работы, подведение коммуникаций и т.д.), устанавливается только уже знакомый нам перечень элементов — детские площадки, озеленение, дорожки, освещение, скамейки, урны, ограждения. Они не включают в себя площадок для барбекю, площадок для выгула собак, территорий для размещения объектов передвижной торговли или аренды спортивного инвентаря, укромных огороженных уголков, уличных шахматных столов, укрытий от непогоды (что особенно актуально в любое время года на Севере). Поэтому существующий минимум объектов соответствует, специально или нет, лишь немногочисленным сценариям использования. Но как только появляются объекты для создания иных сценариев или возможности альтернативного использования, появляются и новые группы — это описано в литературе [Лоу, 2016], об этом свидетельствуют наблюдения. Укромные уголки заросших частей набережной становятся зонами барбекю, появление элементов скейт-парка в сквере привлекает подростков, а большая пустынная территория практически любого крупного парка заполняется владельцами собак летом и лыжниками — зимой.

Процессное благоустройство

Наряду с проектным благоустройством по программе существует и процессное благоустройство. Оно существовало до запуска федеральной программы и является одной из причин текущего состояния городской среды. Эти работы можно условно разделить на несколько типов: благоустройство и создание среды при постройке новых домов и объектов и работы, проводимые муниципальными округами ежегодно или ежесезонно. Если в первом случае спектр и качество работ зависят от застройщика, то во втором деятельность достаточно стандартизирована. Она включает в себя такие практики, как ремонт и содержание мостовых, обрезка и содержание зеленых насаждений, в том числе уборка или замена старых деревьев, покос травы, уборка снега или мусора и содержание территории, борьба с незаконной рекламой и т.д. Также к ней относится восстановление территории после ремонтных работ⁷.

⁷ При этом сами ремонтные работы проводятся собственниками или арендаторами инфраструктуры. Именно поэтому для муниципальных властей и управления округа любые ремонты подземных коммуникаций являются неприятной неожиданностью. Ведь ремонтная бригада приехала, разрыла котлован, сделала свое дело и уехала, а обязанность по восстановлению лежит на других органах, которые, как правило, не обладают необходимым запасом финансирования. Именно поэтому полузарытые котлованы, оставшиеся после очередного прорыва труб, могут существовать месяцами, если не годами.

Но и в этой сфере есть свои сложности. Основные из них — недофинансирование этих направлений и мозаичная структура городской территории. Два соседних здания и прилегающая к ним земля могут быть в собственности разных видов — частной, муниципальной, региональной или федеральной. Все собственники по-разному относятся к содержанию территории, и технологически не всегда возможно проводить, например, уборку только на своей, муниципальной территории. Показателен пример с уборкой снега с пешеходных дорожек и тротуаров — согласно правилам благоустройства, собственники территорий, по которым проходят такие линейные объекты, должны содержать ее в очищенном от снега состоянии. Однако, как нетрудно убедиться, это положение соблюдается далеко не всегда. Наказывать каждого в таком случае слишком затратно, поэтому в большинстве случаев зимой тротуары превращаются в уплотненные ледники. Абсолютно аналогичная ситуация сложилась вокруг незаконной наружной рекламы. Судя по отчетам и интервью с сотрудниками муниципальной администрации, борьба с ней ведется, но напоминает она борьбу с лернейской гидрой.

Такая отработанная годами система плохо синхронизируется с новыми практиками и технологиями. В качестве примера можно взять работу приложения «Чистый город». Оно является братом-близнецом приложения «Активный гражданин». На запущенный еще весной 2018 года сервис приходит в среднем 1,7 предложения в день⁸ по следующим категориям: обращения по поводу открытых люков, захламливание мусорных площадок домов и несвоевременный вывоз мусора, незаконная реклама, а также несоблюдение общественным транспортом маршрутов движения и пропуск остановок. Респонденты из числа активных пользователей отмечают, что, хотя приложение и работает, его функционала недостаточно, а рассмотрение обращений занимает столько же времени, сколько и рассмотрение обычного письменного обращения. Нет, например, и необходимой категории «Нарушения правил парковки». Таким образом, технология вовлечения граждан через приложение «Чистый город», также производная от политики благоустройства Москвы, не особенно хорошо вписывается в деятельность как по процессному, так и по проектному благоустройству.

Городские активисты: характеристика

В начале 2010-х годов в России пересеклись два процесса: с одной стороны, всплеск интереса к городам и их благоустройству, а с другой — появление и распространение неполитического активизма [Петухов и др., 2014]. Результатом этого пересечения стали многочисленные формальные и неформальные группы, инициативы, организации, которые продвигали новое представление о том, что такое город и как он должен выглядеть. По материалам интервью можно отметить, что в подавляющем большинстве случаев вовлечение в такую активность проходило в 2013–2014 годах, то есть до появления приоритетной федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Основную массу участников таких инициатив и групп составляют люди, чей род деятельности связан с городской средой. Во всех случаях активизм являлся общественной деятельностью и был слабо формализован. Это не специфическое локальное явление, характерное для Архангельской агломерации; во многих городах страны существуют подобные инициативы — например, сеть Центров прикладной урбанистики (от Санкт-Петербурга до Екатеринбурга), «Проектная группа 8» (Вологда), «Мой Мурманск» (Мурманск) и т.д. Однако формы участия в общественной жизни и практики хоть и имеют общую направленность, но разнообразны. Это может быть создание физических объектов и тактический урбанизм, ведение блогов и пабликов, проведение фестивалей и событий, разнообразный общественный контроль и выявление «болевых точек» города.

Нельзя сказать, что активисты полностью исключены из системы принятия решений, — они могут входить в разные общественные советы, работать в государственных и муниципальных учреждениях или молодежном правительстве. Другими словами, нет четкой границы между активистами и другими группами: кто-то из активистов может быть архитектором по основному роду занятий, депутаты и чиновники могут иметь активистский бэкграунд или вести активистскую деятельность, актив ТСЖ и домов в меньшей степени интересуется судьбой города и района, но глубоко укоренен в конкретном доме и т.д.

⁸ По данным за 2018-й и первую половину 2019 года.

Иногда проекты и инициативы активистов находят поддержку у органов власти, но чаще встречаются критика или сосуществуют с ними в разных местах⁹ — инициативы не встраиваются в проекты и текущую деятельность по благоустройству, рекомендации не принимаются в расчет. В ответ на это один из респондентов из числа чиновников назвал большинство активистов и их стратегию «ворчливыми урбанистами».

Для многих активистов город — это место для пешеходов, для создания новых знаковых территорий; общественные пространства для них — центры сборки сообществ, а предпочтение они отдают малоэтажной застройке и историческим зданиям. Это отчасти схоже с позициями, заложенными в федеральной документации к программе благоустройства, и напоминает дискурс «хипстерского урбанизма» и работы Ричарда Флориды [*Флорида, 2014*] и Лео Холлиса [*Холлис, 2015*]. В качестве наиболее яркого примера можно привести высказывание одного из респондентов: «Комфортная городская среда — это когда в парке есть модная хипстерская бургерная».¹⁰

Как мы помним, примерно те же выражения и дискурс мы обнаружили в федеральных документах к программе. Таким образом, нет противоречия между представлениями о необходимой городской среде, декларируемыми активистами, и принципами федеральной программы. Как следствие, можно заметить, что конфликт проходит не между федеральным проектом и активистами, а между реализацией проекта на конкретных объектах и тем видением, которое разделяют активисты и которое обнаруживается в документации к федеральному проекту.

Городские активисты: практики

Как нетрудно догадаться, у не связанных между собой активистов нет общих целей или стандартизированных практик, а есть лишь желание что-либо делать для города, несистемность и нередко «ворчливый урбанизм». Поэтому мы рассмотрим только те практики, которые повторяются у нескольких групп и пересекаются с проектом «Формирование комфортной городской среды». Отдельные кейсы, как, например, создание нового общественного пространства или проведение «Том Соьер феста»¹¹, интересны, но бесполезны для нашего анализа. Мы рассмотрим только практики создания городских карт и общественный контроль.

Генеалогия практики создания городских карт, как и многое другое, восходит к политике преобразования Москвы, а именно к сайту «Чего хочет Москва», который был запущен еще в 2013 году. Заложённая в него технология дает возможность всем желающим делать на специальном сайте пометки и комментарии на карте города с предложениями/проблемами. Идея была подхвачена активистами и перенесена в разные города: появились карты «Архиважно» (Архангельск), «Мой Северодвинск. Карта городских идей» (Северодвинск), «Мой Мурманск» (Мурманск). И хотя базовая технология при этом сохранилась, мы не можем не отметить отличия. Так, карта «Чего хочет Москва» была создана при поддержке и по заказу мэрии, и соответственно результаты ее работы собирались и анализировались органами власти для принятия решений, а карта «Архиважно» задумывалась как проект для самоорганизации горожан, желающих найти поддержку среди таких же горожан. В случае же карты «Мой Северодвинск» стояла задача найти интересные инициативы, наиболее актуальные болевые точки городской среды. Уже из этого можно заключить, что, хотя это схожие и распространенные практики, они далеко не так единообразны, как пастеризация или правила благоустройства муниципалитета. Тем не менее мы видим, как одна и та же технология безболезненно «стыкуется» с другими условиями. Более того, в случае с группами активистов она становится ядром деятельности. Это дает основания для предположения, что и остальные элементы хинтерленда благоустройства (от идеологии до компетенций участников) не имеют значимых отличий.

⁹ Так же как у Аннмари Мол непротиворечиво сосуществуют несколько видов диагностики атеросклероза. Но существуют они непротиворечиво только до тех пор, пока их результаты не будут противоречить друг другу. Так же и тут — частная инициатива по обустройству двора может долго и незаметно существовать отдельно, пока на ту же территорию не придет федеральная программа. Их дальнейшее взаимодействие (конфликт или взаимодополнение) непредсказуемо.

¹⁰ Респондент — мужчина приблизительно 40 лет, руководитель бюджетного учреждения культуры, активный участник культурной жизни города, в прошлом основатель одной из групп активистов.

¹¹ Добровольческий фестиваль по благоустройству исторических зданий: <http://tsfest.ru>.

По-другому обстоит дело с практикой общественного контроля, которая также используется группами активистов. Далее мы немного рассмотрим две из них. Мы можем найти несколько способов ее применения: иррегулярный блог или фоторепортаж о проблемах с точки зрения современной урбанистики, внезапная проверка в духе «Ревизоро», педантичный контроль процессов строительства силами волонтеров и узких специалистов. Из трех перечисленных только последний оказывает значимое влияние в силу того, что только эта практика подразумевает использование строительных ГОСТов и нормативов и апелляцию исключительно к ним. И именно из-за этого производителям работ и надзорным органам от муниципалитета приходится прислушиваться к рекомендациям и комментариям активистов. Второй вид общественного контроля — внезапная проверка — тоже демонстрирует некоторую эффективность, но далеко не во всех случаях. Дело в том, что рекомендации и комментарии в этом случае имеют отчасти узкоспециализированную направленность и связаны с контролем расходов и рациональностью применения тех или иных методов строительства. Однако там, где контролеры не имеют достаточных компетенций, например, в том, что касается сертификации объектов, их комментарии не учитываются и провоцируют конфликт. В случае общественного контроля при помощи блога большинство комментариев не связаны с действующими нормами или законодательством, их отчасти можно свести к тому или иному вкусу. И поэтому они не достигают своей цели и не меняют положения дел, а скорее вызывают отторжение и раздражение.

Причины различий между практиками можно объяснить при помощи концепта «перевод» [Каллон, 2015]. В каждом из случаев практика контроля направлена на представителей управленческой бюрократии, ответственных за дороги, содержание общественных территорий или реализацию благоустройства. В зону действия этих управленцев попадает только то, что существует в регулирующих их деятельность документах. Например, один поставщик детских площадок отличается от другого только ценой товара, так как для документов, в соответствии с которыми работает чиновник, имеет значение только цена, а не стилистика и не материал площадок. Поэтому когда жалоба на работы попадет в категорию существующих нормативов, становится возможной реакция на нее по существу. Последняя практика, сопровождающаяся точным описанием нарушений на языке строительных нормативов, производит наиболее полный перевод возмущения разгневанных обывателей на язык бюрократов и специалистов и именно поэтому она эффективна. Остальные две версии осуществляют перевод значительно хуже и потому не достигают цели.

Заключение

Теперь, когда мы описали достаточно, попробуем выделить акторов реализации приоритетной федеральной программы. Действует идеология благоустройства, запущенная в Москве в 2010–2011 годах. Действуют советские планировочные решения через положение инфраструктурных объектов и труб и через результаты практики озеленения тополями. Действуют старые и новые строительные нормы, определяющие, что, где и на каком расстоянии должно находиться друг от друга при проектировании. Действует минимальный перечень элементов благоустройства. Запуск проекта как части предвыборной кампании определенной партии, а также контроль реализации со стороны ОНФ вводит в состав действующих акторов политический элемент. Оказывают влияние типичные практики согласования строительных объектов с общественностью. Механизм финансирования проекта и прописанные в программе способы соучастия жителей также в немалой мере определяют, как выглядит окончательный результат. Действуют группы активистов¹², создающие кружки по интересам и распространяющие свою точку зрения. Действует и Федеральный закон №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Вполсилы действует чудом доживший до наших дней институт главных городских архитекторов. Наконец, действуют климатические условия, задающие возможные сроки проектирования и выполнения работ.

¹² «Неравнодушная городская интеллигенция». Так определил себя и другие группы активистов один из информантов.

Все это — далеко не полный перечень того, что действует и своим существованием формирует городскую среду в нынешнем ее виде. Что-то из этого прямо относится к реализации федеральной программы, что-то является наследием советской эпохи, а что-то, как, например, городской неполитический активизм, вызвано к жизни совершенно иными процессами. Некоторые элементы действуют больше, чем остальные, или активны по-разному в зависимости от условий. Часть акторов принадлежит к природным объектам, часть — к экономическим явлениям, что-то вообще технический агрегат. Они гетерогенны по происхождению и не сводимы друг к другу. И что самое главное — все эти акторы не соединяются в непротиворечивую сеть. Они создают по меньшей мере два объекта, которые хоть и называются одинаково, но создают разные реалии. Это порождает множественность нашего объекта. Объекта, в центре которого — новая городская среда.

Нельзя не отметить некоторую текучесть, проявляющуюся при изучении нашего объекта. Подчас сложно отделить активиста от чиновника/депутата или результаты программы от процессных работ муниципалитетов. Но все же попытаемся выделить линии противоречий.

В силу того, что идеология и принципы, заложенные в федеральном проекте, и ориентиры деятельности активистов похожи, сочетаются друг с другом и могут использовать одни технологии, мы можем объединить их на одной стороне поля. Они определяются близким набором акторов от дискурса «хипстерского урбанизма» до инструментов-сайтов вроде «Архиважно» или «Чего хочет Москва», от приоритета пешеходности города до навязчивой потребности вытянуть горожанина из квартиры.

Тогда на другой стороне поля размещается фактическое воплощение благоустройства в каждом конкретном случае. И оно определяется совершенно другими факторами — строительными нормативами, минимальным перечнем работ, погодой, условиями софинансирования и т.д. Несмотря на проектную систему работы, такое благоустройство хорошо согласуется с процессным благоустройством и его результатами. И тогда при первом приближении противоречие между разными не сходящимися частями множественного объекта можно определить как хипстерская бургерная vs КСИЛовская детская площадка. Точка зрения активистов и представления федеральной программы игнорируют сложность и спутанность производства работ по благоустройству, а производители работ, проектировщики и администраторы программы на местах не видят необходимости или возможности следовать «духу» проекта.

Но инициативы активистов время от времени реализуются, не вступая в противоречия с работой федеральной программы. Это происходит либо в силу того, что они разнесены по разным местам (как в случае с благоустройством дворов на отдаленной городской территории, не входящей в перечень объектов, попавших в проект), либо по причине их переводимости/видимости для управленцев из муниципалитета (кейс активистов «Асфальт 29» и объекта «Палуба»¹³), либо потому что они просто игнорируются (как в случае с «Том Соьер фестом»). Такие стратегии являются способами маскировки множественности объекта для упрощения работы с ним [Мол, 2017].

Итак, мы видим, что городская среда гетерогенна. Она задействована во множестве практик, часть из которых пересекаются, а часть противоречат друг другу, что говорит о ее немонолитности, дробности. Нам сложно вычленишь, что из действующего является ядром, а что периферией, но ясно, что большая часть из перечисленного выше находится в ядре. Стоит изменить порядок финансирования, строительные нормативы или исключить деятельность активистов, как в процессе реализации проекта произойдут значительные изменения. Произойдет усиление одной из версий. С другой стороны, это значит, что ничто из перечисленного выше не является строго обязательным. Городская среда может не быть пешеходной и не отвечать требованиям по отступам парковок от домов, может не подталкивать горожан к созданию локальных сообществ или, наоборот, создавать условия для самоорганизации. Но что это признание дает в нашем случае?

Аннмари Мол в конце книги «Множественное тело. Онтология в медицинской практике» [Там же] делает вывод, что перенос акцента с хирургического атеросклероза как бляшки, которую надо удалить, на социальное понимание атеросклероза как результата системы питания дает альтернативу для принятия решений. Джон Ло и Лив Остмо в статье «Ошибка перевода, колониализм и конфликт вокруг окружающей среды» [Ostmo, Law, 2018] предлагают действо-

13 Подробнее см.: <https://vk.com/paluba29>.

вать иначе и дополнять жесткий реализм биологов и политиков «мягкими», укорененными в месте обитания, знаниями саамских рыбаков, знаниями «на кончиках пальцев». Какой способ сработает у нас? Такого ответа мы дать не можем. Но теперь ясно, что есть возможность для онтологической политики, для выбора того, что должно быть реализовано.

И в завершение еще раз обратим внимание на действие. По словам Латура, всякая инновация рождается мертвой, а оживает, только контекстуализируясь [Latour, 1996]. Следовательно, новая городская среда оживет только тогда, когда начнет ощутимо влиять на другие объекты. И тут снова уместно обратиться к корабельным примерам — что делает сборку «галеон» успешной и живой? Возможность действовать в соответствии с заложенными в него сценариями и противостоять другим силам — течениям Западной Африки, арабским пиратам и штормам. Но стоит поместить галеон в другие условия, скажем, в Северный Ледовитый океан, как он окажется принципиально неэффективным. Возвращаясь к созданию городской среды в России, мы можем наблюдать, что сборка, успешно реализованная в Москве и других крупнейших городах, не всегда настолько же хорошо срабатывает в других условиях. Поэтому при дальнейшей реализации необходимо обратить внимание на местные условия. Городское планирование и благоустройство как его часть — процесс более комплексный, нежели простое следование нормативам. Его успешность, возможность состояться зависят от очень локальных факторов и распределения сил. Поэтому даже простые шаблоны в каждом месте могут проявить себя по-новому.

Источники

- Астахов С.С. (2019) Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ//Социология власти. № 31. С. 18–44.
- Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством//Социология власти. № 2. С. 9–38.
- Деменев А.Г., Шубина Т.Ф., Шубина П.В., Ненашева М.В., Макулин А.В., Тарасов И.А. (2018) Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области//Арктика и Север. № 33. С. 91–117.
- Каллон М. (2015) Некоторые элементы социологии перевода. Одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие//Социология власти. № 1. С. 196–231.
- Кузнецов А. (2017) Космополитика имплицитных инноваций в городской обильности: гибкость, неопределенность, инфраструктуры//Российская антропология и «онтологический поворот». Сб. науч. статей/С.В. Соколовский (ред.). М.: ИЭА РАН. С. 257–294.
- Латур Б. (2006) Об интеробъективности//Социология вещей. Сб. науч. статей/под ред. В.С. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 169–198.
- Латур Б. (2015) Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.
- Латур Б. (2019) О некоторых аффектах капитализма//СТАДИС. № 1. С. 90–100. Режим доступа: <https://doxajournal.ru/translations/latour> (дата обращения: 15.12.2020).
- Латур Б. (2013) Наука в действии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии//Логос. № 1. С. 171–232.
- Ло Дж. (2006) Объекты и пространства//Социологическое обозрение. № 1. С. 30–43.
- Ло Дж. (2015) После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Лоу С.М. (2015) Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press.
- Мокрушина К. (ред.) (2016) Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. Центр городских исследований бизнес-школы Сколково.
- Мол А. (2017) Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс.
- Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. (2014) Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия//Власть. № 4. С. 11–18.
- Трубина Е. (2017) Социальная антропология между материальностью и деятельностью: об активности субъектов и объектов//Российская антропология и «онтологический поворот». Сб. науч. статей/С.В. Соколовский (ред.). М.: ИЭА РАН. С. 87–123.
- Фадеева М. (2016) ЗИЛ и Зарядье. Большие проекты Собянина//Книга о вкусной и полезной архитектуре. Архитектурная политика как драйвер развития городов. Сб. науч. статей/О. Горбенко (ред.). М.: КБ «Стрелка». С. 48–54.
- Флорида Р. (2014) Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press.

- Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. (2013) Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Холлис Л. (2015) Города вам на пользу: гений мегаполиса. М.: Strelka Press.
- Akrich M. (1992) The Description of Technical Objects//*Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change*/W. Bijker, J. Law (eds.). Cambridge: MIT Press. P. 205–240.
- Duineveld M., Assche K., Beunen R. (2012) Making Things Irreversible. Object Stabilization in Urban Planning and Design//*Geoforum*. No 46. P. 16–24.
- Latour B. (1996) *Aramis, Or the Love of Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Law J. (2015) What's Wrong with a One-World World//*Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. No. 1. P. 126–139.
- Østmo L., Law J. (2018) Mis/translation, Colonialism and Environmental Conflict//*Environmental Humanities*. No. 2. P. 349–369.
- Pineda A. (2010) How Do We Co-Produce Urban Transport Systems and the City? The Case of Transmilenio and Bogota//*Urban Assemblages: How Actor-Network Theory changes urban studies*/I. Farias, T. Bender (eds.). London: Routledge. P. 123–138.
- Verran H. (1998) Re-Imagining Land Ownership in Australia//*Postcolonial Studies*. No. 2. P. 237–254.
- Zaloom C. (2010) The City as Value Locus: Markets, Technologies, and the Problem of Worth//*Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*/I. Farias, T. Bender (eds.). London: Routledge. P. 253–268.

IVAN TARASOV

CREATING AN URBAN ENVIRONMENT: CONTROVERSIES IN MULTIPLE-OBJECT

Ivan A. Tarasov, master in sociology, independent researcher; tel. +7 950 963-53-17

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Abstract

At the beginning of 2010 in Russia, interest in the urban environment and its quality and comfort increased. This trend appeared in a number of large-scale projects in the most populated cities, firstly in Moscow, and in the opening of new educational institutes, programs and NGOs that focus on the urban environment. This movement could not remain only in metropolitan cities; by the mid 2010s it had spread to all over the country, and numerous groups of civil activists were appearing. During the election campaign for the State Duma, a priority federal project “the formation of a comfortable urban environment” was begun. In implementing this program there was much disagreement about how the urban environment should be created, about the criteria for that environment, and eventually about the necessity for or priority of such programs at all.

This article views these controversies through the concept of “multiple object” of the Lancaster branch of actor-network theory (ANT), represented mainly by works of John Law and Annemarie Mol. We examine the basic processes that formed the creation of the urban environment—the implementation of the federal project, processing improvements, and activist activity. Then we identify the main actors and illustrate that, today, the urban environment enacts at least two conflicting networks of relations.

Keywords: multiple object; northern cities; urban improvements; actor-network theory

Citation: Tarasov I. (2020) Creating an Urban Environment: Controversies in Multiple-Object. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 7–23. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5220207-23>

References

- Akrich M. (1992) The Description of Technical Objects. W. Bijker, J. Law (eds.) *Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge: MIT Press, pp. 205–240.
- Astahov S.S. (2019) Konceptual'nyj stil' Lankasterskoj shkoly v AST [The Conceptual Style of the Lancaster School in ANT]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 31, pp. 18–44. (in Russian)
- Demenev A.G., Shubina T.F., Shubina P.V., Nenasheva M.V., Makulin A.V., Tarasov I.A. (2018) Opyt obshchestvennogo uchastiya v planirovanii komfortnoj gorodskoj sredy na primere Arhangel'skoj oblasti [Experience of Public Participation in Planning a Comfortable Urban Environment on the Example of the Arkhangelsk Region]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no 33, pp. 91–117. (in Russian)
- Duineveld M., Assche K., Beunen R. (2012) Making Things Irreversible. Object Stabilization in Urban Planning and Design. *Geoforum*, no 46, pp. 16–24.
- Fadeeva M. (2016) ZIL i Zaryad'e. Bol'shie proekty Sobyana [ZIL and Zaryadye. Sobyana's Big Projects]. Gorbenko O. (ed.) *Kniga o vkusnoj i poleznoj arhitekture. Arhitekturnaya politika kak drayver razvitiya gorodov* [A Book about Tasty and Healthy Architecture. Architectural Policy as a Driver of Urban Development]. Moskva: KB «Strelka» [Moscow. Design Bureau «Strelka»], pp. 48–54. (in Russian)
- Florida R. (2014) Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva [Who's Your City? How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)
- Harhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (2013) Infrastruktura svobody: obshchie veshchi i res publica: kollektivnaya monografiya [The Infrastructure of Freedom: Common Things and Res Publica: A Collective Monograph]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Hollis L. (2015) Goroda Vam na pol'zu: genij megapolisa [Cities are good for you. The genius of the metropolis]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)

- Kallon M. (2015) Nekotorye elementy sociologii perevoda. Odomashnivanje morskih grebeshkov i rybakov zaliva Sen-Brieu [Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 1, pp. 196–231. (in Russian)
- Kuznecov A. (2017) Kosmopolitika implicitnyh innovacij v gorodskoj obil'nosti: gibkost', neopredelennost', infrastruktury [Cosmopolitanism of Implicit Innovation in Urban Abundance: Flexibility, Uncertainty, Infrastructure]. Sokolovskij S.V. (ed.) *Rossijskaya antropologiya i «ontologicheskij povorot»* [Russian Anthropology and the «Ontological Turn»]. Moscow: IEA RAN, pp. 257–294. (in Russian)
- Latour B. (1996) *Aramis, Or the Love of Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Latur B. (2006) Ob interob'ektivnosti [On Interobjectivity]. Vahshtajn V.S. (ed.) *Sociologiya veshchej* [Sociology of Things]. Moscow: Izd. dom «Territoriya budushchego» [Publishing House «Territory of future»], pp. 169–198. (in Russian)
- Latur B. (2015) Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo» [Pasteur: War and Peace of Germs, with the “Irreducible” app]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v S.-Peterburge [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Latur B. (2019) O nekotoryh affektah kapitalizma [On Some of the Affects of Capitalism]. *STADIS* [STUDIES], no 1, pp. 90–100. Available at: <https://doxajournal.ru/translations/latour> (accessed 15 December 2020). (in Russian)
- Latur B. (2013) Nauka v dejstvii [Science in action]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Laet M., Mol A. (2017) Zimbabviiskii vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii [Zimbabwe bush pump: the mechanics of fluid technology]. *Logos* [Logos], no 1, pp. 171–232. (in Russian)
- Law J. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], no 1, pp. 30–43. (in Russian)
- Law J. (2015) Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka [After Method: disorder and social science]. M.: Institut Gajdara [Moscow. Institute of Gaidar]. (in Russian)
- Law J. (2015) What's Wrong with a One-World World. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, no 1, pp. 126–139.
- Low S.M. (2015) Plasa: politika obshchestvennogo prostranstva i kul'tury [On the Plaza: the politics of Public Space and Culture]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)
- Mokrushina K. (ed.) (2016) Upravlenie prostranstvenno-ekonomicheskim razvitiem goroda: skrytye resursy [Managing the spatial and economic development of the city: hidden resources]. Centr gorodskih issledovanij biznes-shkoly Skolkovo [Center for Urban Studies of the Skolkovo Business School]. (in Russian)
- Mol A. (2017) Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v medicinskoj praktike [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice]. Perm': Gile Press [Perm. Hyle Press]. (in Russian)
- Østmo L., Law J. (2018) Mis/translation, Colonialism and Environmental Conflict. *Environmental Humanities*, no 2, pp. 349–369.
- Petuhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petuhov R.V. (2014) Grazhdanskij aktivizm v Rossii: motivaciya, cennosti i formy uchastiya [Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'* [Power], no 4, pp. 11–18. (in Russian)
- Pineda A. (2010) How Do We Co-Produce Urban Transport Systems and the City? The Case of Transmilenio and Bogota. Farias I., Bender T. (eds.) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory changes urban studies*. London: Routledge, pp. 123–138.
- Trubina E. (2017) Social'naya antropologiya mezhdru material'nost'yu i deyatel'nost'yu: ob aktivnosti sub'ektov i ob'ektov [Social anthropology between materiality and activity: on the activity of subjects and objects]. Sokolovskij S.V. (ed.) *Rossijskaya antropologiya i «ontologicheskij povorot»* [Russian Anthropology and the “Ontological Turn”]. Moscow: IEA RAN, pp. 87–123. (in Russian)
- Zaloom C. (2010) The City as Value Locus: Markets, Technologies, and the Problem of Worth. Farias I., Bender T. (eds.) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*/London: Routledge, pp. 253–268.
- Vahshtajn V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdruazykom i prostranstvom [Rebuilding the City: Between Language and Space]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 2, pp. 9–38. (in Russian)
- Verran H. (1998) Re-Imagining Land Ownership in Australia. *Postcolonial Studies*, no 2, pp. 237–254.

МАРИЯ ФЕДОРОВА

ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, тел.: +7 912 225 64 45

Email: m.s.fedorova@yandex.ru

Отношения, возникающие между городом и населяющими его объектами, можно анализировать с разных точек зрения. В рамках простых классификаций мы можем разделять все объекты на частные (жилые пространства) и общественные (офисы, торговые центры, городские парки), или желательные, размещаемые в наиболее привилегированных, центральных местах (магазины, площади, аллеи, офисы), и нежелательные, удаленные от городов на значительные расстояния (кладбища, опасные производства). Придерживаясь первой классификации, военный госпиталь окажется ничем не примечательным общественным зданием, а во второй, скорее всего, попадет в нежелательные, размещаемые вдали от городской суеты и любопытных глаз. Но может ли нам сказать о чем-то большем размещение объекта в городской среде и степень его включенности в городскую среду? На примере военного госпиталя проводится анализ его специфических характеристик, объясняющих природу этого типа зданий и историю его перемещений в рамках городских территорий.

Ключевые слова: военный госпиталь; город; история; медицина; размещение

Цитирование: Федорова М.С. (2020) Военные госпитали в городской среде // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 24–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202024-33>

Введение

В теоретических работах, затрагивающих вопросы встраивания объектов разной типологии в городскую среду, можно обнаружить целый ряд подходов и способов анализа отношений между городом и архитектурным объектом. Альдо Росси в книге «Архитектура города», описывая «связь между отдельным архитектурным проектом и судьбой города», рассматривает здания как элементы, из которых состоит города. Подобно тому как здания состоят из стен, город является архитектурным сооружением, в котором можно анализировать типологию строений и их отношений с городом. Росси рассматривает два вида городских объектов: жилую зону и первичные элементы, которые демонстрируют контраст «между частным и общим, индивидуальным и коллективным <...> в устройстве самого города: в его архитектуре». К жилой зоне относится вся жилая застройка, к первичным элементам — общественные здания, в которых организована постоянная деятельность (торговые центры, общественные и коммерческие здания, университеты, больницы, школы и т.п.), а также в более широком смысле «места события», элементы, способные ускорять процесс урбанизации и «характеризующие процесс пространственной трансформации территории» [Росси, 2015]. Подобное разделение удобно для сравнения столь разных по типологии жилых и общественных зданий, для поиска характерных черт каждого типа застройки, но не позволяет заглянуть глубже и перейти к особенностям внутри этих больших групп. Этот подход удобен для рассуждения в масштабах города, но неинформативен при анализе отдельных структур.

О сложностях работы со столь сложноорганизованной и многокомпонентной структурой как город пишет в своей книге «Архитектура города. Эстетические проблемы композиции» А. В. Иконников:

Структура города, определяющая его общее строение, взаимосвязи и расположение его частей, его отношения с окружающей средой, обычно слишком обширна для того, чтобы стать объектом единовременного непосредственного восприятия, и мы можем уделить

внимание анализу отдельных объектов городской среды, поскольку структурные отношения целого отражаются на внутренних свойствах составляющих элементов [Иконников, 1972].

Такой подход позволяет перейти от «неподъемного» масштаба города к более удобному масштабу объекта или группы объектов. Также у Иконникова мы можем найти описание, представляющее собой классификацию, принцип «ступенчатых систем», — три ступени, каждая из которых имеет свою частоту использования:

Первую ступень составляют учреждения и устройства, связанные с удовлетворением каждодневных бытовых потребностей населения, вторую — учреждения периодического использования, третью — учреждения, необходимость в которых возникает эпизодически [Там же].

Описание такой же системы можно встретить в книге «Облик города» К. Линча, который представляет город как «своего рода “матрешку”», внутрь которой вложено несколько «матрешек» поменьше (жилые районы), а в каждую из них — несколько еще меньших (микрорайоны)». Он также критикует эту систему за излишнюю простоту и отсутствие здравого подхода [Линч, 1982]. Практика показала, что не всегда предполагаемое и программируемое поведение в городской среде воплощалось в действительности, учреждения зачастую использовались не по назначению. Этот подход отличала излишняя жесткость привязки, которая, с одной стороны, тормозила формирование новых типов обслуживания, а с другой — привела к неоправданному дублированию функций.

Отношения между городом и его элементами можно анализировать и с точки зрения композиционного единства. Так, А. Г. Пестрикова подчеркивает, что «структура градостроительной композиции формируется из пространственных элементов». Тогда анализировать необходимо взаимосвязи этих элементов через сопоставление, чередование, иерархическую соподчиненность, и «добиться обеспечения многообразия, сложности, соподчиненности элементов, формирующих своеобразную, эстетически значимую и целостную композицию» [Пестрикова, 2010]. Гармония композиции, ее красота, является одной из важных характеристик любого архитектурного объекта, и анализ отношений, возникающих между компонентами этой композиции, расположенными, будто на полотне, в городской структуре, позволил бы выявить доминантные объекты, тождественные элементы, контрастные и нюансные сочетания. Однако подобный метод ограничивает нас рамками конкретного ракурса и видимых фасадов (элементов, частей), мы не можем пойти дальше, чтобы оценить глубину этих отношений.

Среди примеров исследований объектов, при анализе которых учитывалось их размещение на конкретных территориях, можно выделить две статьи. В исследовании С. А. Аларушкиной и ее коллег представлен анализ локальной идентичности района Ясенево в Москве. Благодаря использованию серии методологических приемов (градостроительный анализ, статистический метод «регионального синдрома», анализ литературы и текстов, интервьюирование и создание ментальных карт) один объект исследования оказывается представлен в разных ракурсах. Район рассматривается как место, обладающее рядом уникальных черт и связями, формирующими его целостность. Задача же исследователей состояла в том, чтобы выявить эти характеристики, позволяющие рассматривать и стимулировать районную идентичность, брендинг района, его уникальной позиции по сравнению с другими районами Москвы [Аларушкина, 2019]. Другим примером, где прослеживается взаимосвязь между городом и кварталами, является статья Е. И. Козыревой. Массивные петербургские кварталы, образующие архитектурное «тело» исторических районов города, столь таинственные, воспеваемые, фантастические по сложности и разнообразию представлены как неотъемлемая часть города, они «создают и означают Петербург». Для Санкт-Петербурга квартал — «самая устойчивая и одновременно динамичная единица градостроительной ткани». И вся типология кварталов и жилья, описанная в статье, представлена как «основа генезиса архитектурной и пространственной ткани города, городского ландшафта, сохранения идентичности в новых исторических контекстах». Петербургские кварталы — это «реальность, без которой немислим Петербург» [Козырева, 2015]. Подобные исследования и рассуждения позволяют по-новому взглянуть на рассматриваемый объект, определить его ключевые характеристики и значимость в мас-

штабах города, взаимосвязь с городом, в котором он расположен, условия его появления, развития, роста.

Опираясь на описанный ранее опыт анализа отношений между городом и одним из его элементов, в качестве объекта исследования я хочу использовать военные госпитали. Требования к размещению этого типа учреждений в течение истории их существования претерпели множество изменений, и такое исследование обещает дать определенные результаты, объясняющие специфику самого учреждения и его роль.

Военный госпиталь и город

Особые характеристики госпитальной структуры, такие как закрытость, ориентированность на определенное сообщество и динамичность, отраженные в планировочной структуре и фасадных решениях госпиталя, уже были описаны ранее [Федорова, 2020]. Выделение военного госпиталя в особый тип медицинского учреждения обусловлено тем, что он имеет существенные отличия от гражданской больницы. Пример описания этих отличий можно найти в статье Александра Вавжинчака, в которой на основе образов, созданных в литературных произведениях, приводится следующее разделение: «госпиталь, где лечат военные врачи, предназначен для малоимущих, в больницу же попадают либо за деньги, либо по знакомству». Далее на основе произведения М. Ю. Елизарова «Военный госпиталь» [Вавжинчак, 2013] Вавжинчак описывает этот объект как

...своеобразное заведение. Все в нем организовано строго и аскетически <...>. В госпитале функционирует такая же, как в казармах, иерархия среди пациентов. По сути, это отражение тоталитарной системы, со своеобразной мнимой уравниловкой — нет двухъярусных кроватей, в результате чего «старослужащие» лишены привилегии первого этажа [Елизаров, 2009].

Переходя от архитектуры конкретного объекта к его размещению в городе, стоит начать с того, что, строго говоря, военный госпиталь может располагаться в городе, но он не принадлежит городу и не является городским объектом. Он военный, в его названии вы не найдете привязки к конкретной территории, и 143-й военный госпиталь или Филиал № 10 ФГКУ «442-й военный клинический госпиталь» МО РФ — типичные примеры. По приказу госпиталь может сняться с места и переехать на новое, его статичность иллюзорна, динамическая переменная в его основе не позволяет ему быть только чем-то одним и находиться на одном месте.

Медицинское обеспечение Вооруженных сил Российской Федерации, согласно Порядку оказания медицинской помощи [Порядок оказания..., 2011], осуществляется по территориальному принципу, и связкой между госпиталем и территорией является лишь тот факт, что к определенной территории прикреплены проживающие на ней лица из прикрепленных контингентов. Так, например, в ГВКГ им. Н. Н. Бурденко в филиал № 6 за помощью могут обратиться лица, имеющие постоянную регистрацию по месту жительства в Южном административном округе (кроме муниципальных образований «Даниловский», «Нагатинский Затон», «Нагатинно-Садовники», «Царицыно», «Нагорный», «Донской» и «Москворечье-Сабурово»), Юго-Восточном административном округе (кроме муниципального образования «Лефортово»), в муниципальных образованиях «Новокосино», «Вешняки» и «Косино-Ухтомский» Восточного административного округа и т.д. [Порядок оказания..., 2011]. При всей автономности военной системы, имеющей собственный судебный, медицинский, профессиональный и другие институты, факт прописки является одним из немногих, связывающих территорию, на которой госпиталь расположен, и сам госпиталь.

Высокий глухой забор с колючей проволокой, отделяющий госпиталь от окружающего мира, говорит не только о закрытости военной системы, но и том, что этот объект и не собирается становиться частью общей картины. Это не только защита от проникновения снаружи или изнутри, но и некие «скобки», позволяющие исключить из поля зрения объекты, которые не хотят привлекать к себе внимание, становиться частью городского ландшафта. Согласно Иконникову, логика зрительного восприятия должна строиться на том, что «обозримое внешнее пространство необходимо связывать в сознании с его развитием в пределах зданий за ограничивающими взгляд материальными структурами» [Иконников, 1972]. В случае с военным

госпиталем средствами архитектуры пресекаются любые попытки представить, как выглядит, организован и работает попавший в поле зрения случайного прохожего объект.

За более чем 300-летнюю историю сохранилось достаточно много архивных документов, карт и описаний, позволяющих воссоздать и реконструировать историю размещения госпиталей. Начав свой анализ с истоков развития системы военных госпиталей, мы сможем понять, как менялось отношение к госпиталю в течение времени и какое место он занимает в городской структуре.

Первые городские военные госпитали: отношения на расстоянии

Во многих городах Российской империи госпитали были первыми государственными медицинскими учреждениями, с их появлением возникали вопросы о грамотном размещении новой структуры в ткани городов. Изначально госпиталь для города создавался один, что уже определяло особое к нему отношение, его место также легко найти на старых картах.

Строительство первых в России госпиталей началось по указу Петра I, тогда же и «зародилась система контроля и регулирования архитектурно-строительного процесса (АСП), которая впоследствии, постоянно усложняясь, совершенствовалась и к началу XX в. достигла высокого уровня действенности» [Золотарева, 2010]. Госпитали строились для обеспечения военных нужд, а для сохранения здоровья рабочих на заводах и фабриках «создается госпитальная система, фактически заимствованная из военной сферы. Если армейские госпитали были привязаны к перемещающимся войсковым подразделениям, то заводские были привязаны к территориям» [Шестова, 2004], но принципы их построения и требования были едиными.

В начале XVIII века ведется строительство новых и реконструкция старых городов и крепостей, судостроительных, промышленных и оборонных объектов. В градостроительстве и архитектуре преобладающей становится идея регулярности. Активно вводится в строительную практику типовое строительство. Верховная власть определяет стилевые предпочтения при строительстве объектов, и они развивают стиль барокко [Золотарева, 2010].

Указ от 1707 года о строительстве первого в Москве госпиталя гласит: «...построить за Яузой-рекою против Немецкой слободы в пристойном месте гошпиталь для лечения болящих людей»¹. Проект «Военная Гошпиталь» разрабатывался непосредственно его главным врачом Н. Бидлоо.

Как уже отмечалось ранее, в практику архитектурного проектирования в России внедрялся метод типового строительства, или строительства по образцам, госпитали также строились согласно существующим проектам и представлениям. В первых требованиях к размещению госпиталей, относящихся к 1789 году, мы можем прочесть следующее: «выбирать место возвышенное, болотными местами не окружаемое, от жилья несколько удаленное, притом по течению реки ниже города и к северной стороны оно» [Государственный архив...].

Госпиталь размещали за городом, чтобы пресечь развитие инфекционных заболеваний, при этом, однако, увеличивалось время, затрачиваемое на перевозку пациента за медицинской помощью. Как показывают история и архитектура, транспортировка в госпиталь XVIII века ни в мирное, ни в военное время не была простой. Совершенствование санитарной службы шло одновременно с развитием медицины.

Обращаясь к планам городов, легко продемонстрировать, что большинство госпиталей расположено вдали от центра (рис. 1).

Военные госпитали в Москве, Симферополе и Казани размещены на значительном расстоянии от города вблизи рек, согласно требованиям времени. С одной стороны, такая мера позволяла сохранить ценные здания госпиталей от пожаров, столь частых и столь разрушительных в то время. Но с другой — дистанцирование заложило основу особого размещения медицинских учреждений. Вскоре ситуация изменится, как и подход к размещению госпиталей, с ростом городов изгнанные на окраину госпитали становятся полноправным элементом городской структуры.

¹ Цит. по: История//Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко: http://www.gvkg.ru/?page_id=142.

	Карта	Примечание
Москва		План Преображенского и окружающих мест, карта 1739 года
Симферополь		Карта города Симферополя, 1811 год
Казань		Карта города Казани, 1835 год

Рис. 1. Размещение военных госпиталей в Москве, Симферополе и Казани относительно города

Источник: [Retromaps...; ЭтоМесто...].

активными планировочными узлами и композиционными доминантами городского пространства; больничные здания и комплексы, как акцентные ориентиры, включают в себя общественные зоны в виде парков или скверов, тем самым усиливая свою роль в городской среде [Гайкова, 2018].

Новые госпитали, построенные в этот период, уже не располагаются вдали от центра, как это было раньше. Например, в Гатчине госпиталь появился в 90-е годы XVIII века и находился близко к центру города между площадью Коннетабль и крепостью. В Омске освящение нового построенного здания Омского военного госпиталя состоялось 1874 году, его размещение показано на рис. 2.

В 1851 году издается дополнение к закону № 24781а, в котором рассматриваются подробные правила по хозяйственной, медицинской, фармацевтической и отчетной частям Управления лечебными заведениями гражданского ведомства. Проект этого устава был составлен из-за отсутствия правил содержания и управления лечебными учреждениями гражданского характера и опирался на госпитальные постановления военного ведомства, которые появились ранее. В уставе отмечено:

<...> место, назначаемое для постройки больничного здания, должно быть несколько возвышенное, ровное, не закрытое горами и лесами, удаленное от озер, больших прудов, болот и обширных песков; не близкое к бойням и таким фабрикам или заводам, от коих бывает ощутителен дурной запах, и хотя не в середине города, но сколько можно не в дальнем расстоянии от него; ежели при реке, то по течению не выше города, словом, такое место, где были бы свежий воздух и вблизи здоровая проточная вода <...> [Полное собрание законов..., 1851].

Госпитали Гатчины, Калуги и Омска уже размещаются в черте города, к ним обеспечен удобный подъезд и доступ, что уменьшало время, необходимое на транспортировку пациента. Однако за эти годы разрастаются не только города, но и сами госпитали. Войны прошлых лет показывают, насколько важна для госпиталя свободная территория и пространство для маневра. После введения принципов сортировки раненых, описанных Пироговым, госпиталям требуется больше площадей, которые могли бы использоваться в военное время и в экстренных ситуациях. Госпитали «перерастают» отведенные им когда-то территории и оказываются

Развитие городов и госпиталей: госпиталь как часть города

Дальнейшее развитие и рост городов повлекли за собой размытие границ, периферийные объекты (вокзалы, промышленность, госпитали) стали частью городской ткани. В середине-конце XVIII века на картах городов появляется улица Госпитальная, или Малогоспитальная, до сих пор сохранившаяся в Москве:

Если спуститься вниз по Госпитальному переулку, по Госпитальному мосту перейти через Язузу, пересечь Госпитальную набережную, то, не доходя до Госпитального вала и Госпитальной площади, на Госпитальной улице можно увидеть госпиталь [dmitry_sasin (Сасин Д.), 2017].

Госпитали становятся полноправными участниками городской среды. Согласно Л.В. Гайковой, с архитектурно-градостроительной точки зрения больничные здания с течением времени приобрели монументальность и начали играть особую роль в жизни города. Эта роль заключалась в том, что эти сооружения становились ак-

	Карта	Примечание
Гатчина		План города Гатчины, 1915 год
Омск		План города Омска, 1917 год
Калуга		План города Калуги, 1912 год

Рис. 2. Размещение военных госпиталей в Гатчине, Омске и Калуге относительно города

Источник: [Retromaps...; ЭтоМесто...].

...лечебные учреждения подвержены одному из самых быстрых моральных износов, примерно каждые 10–20 лет медицинская техника настолько значительно меняет содержание лечебно-вспомогательных блоков, что приходится реконструировать отдельные блоки, а зачастую и целые больничные корпуса; если же такой реконструкции не производится, то больничные корпуса быстро устаревают и необходимость в их реконструкции возникает почти одновременно с вводом в действие [Шаповалов, 1973].

Обновление медицинских технологий происходит в разы быстрее внедрения инноваций в других сферах жизни общества: социальной, культурной, политической. Медицина не терпит консервативных технологий и негибких планировочных решений, тормозящих развитие и расширение лечебных комплексов [Шинкарев, Прокофьев, 2016], а также нехватки территорий для полноценного функционирования в любом режиме.

На вопрос: «Где бы вы разместили госпиталь сегодня?» — один из начальников отделений отвечает: «На тихой площадке, за городом» [Полевые материалы автора: начальник отделения военного госпиталя]. Это идеальное место для спокойной работы особенного медицинского учреждения: вдали от городских пробок, любопытных взглядов, городского шума (см. рис. 3). И вряд ли при таком размещении мы наблюдали бы сплошной высокий забор, который видим сейчас. Он необходим только госпиталю городского типа, зажатому окружающей застройкой. При размещении за городом этот элемент был бы заменен на гораздо более простой вариант сетки, обеспечивающей просматриваемость окружающей территории. Это было бы идеальное место, если бы не сложности с транспортировкой медицинского персонала на место службы. В первых госпиталях, строившихся на расстоянии от города, подобные сложности решались за счет устройства дома или квартиры врача рядом с госпиталем. Сегодня бесперебойную и круглосуточную работу медицинских учреждений обеспечивает сменность персонала, и дома врача или аптекаря, которые так часто встречаются на планах XVIII и XIX веков, исчезли.

Обращаясь к примерам строительства последних 30 лет, мы снова видим тенденцию к перемещению госпиталей на окраины. К примеру, в 2011 году госпиталь переехал из центра

зажаты окружающей застройкой, их мощности становятся ограниченными. Так круг замыкается и начинается новая фаза: теперь госпитали будут строиться вдали от города, но эта инициатива будет исходить уже от самих госпиталей.

Новая фаза отчуждения

Начало XXI века отмечено постоянным прогрессом в развитии медицинских технологий, в проектировании и строительстве высокотехнологичных медицинских центров [Еремеев, 2018]. Эти изменения повлекли за собой корректировку нормативной документации, актуализируется СНиП 2.08.02-89 «Проектирование зданий медицинских учреждений» и утверждается СанПиН 2.1.3.2630-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям, осуществляющим медицинскую деятельность». Лечебные учреждения, в том числе и военные госпитали, становятся все более и более технологическими и в меньшей степени архитектурными объектами, а жесткая структура, заданная ограждающими стенами, очень быстро становится «мала»:

	Карта	Примечание
Анапа		ФГКУ «419-й военный госпиталь (Филиал №4)» в Анапе, открыт в 2018 году
Екатеринбург		ФГКУЗ «5-й военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации», открыт 1987 году
Душанбе		451-й военный госпиталь, открыт в 2018 году

Рис. 3. Размещение военных госпиталей в Анапе, Екатеринбурге, Душанбе

Источник: [Retromaps...; ЭтоМесто...].

во всем ее многообразии зданиями различных эпох, стилей, этажности, формы, гармоничности, может рассматриваться не только как композиция частей и целого или разбиваться на общественное и жилое, как на черное и белое. Размещение определенных типов зданий в городской структуре, их причастность к городской среде позволяют делать определенные выводы об отличительных характеристиках и типологии рассматриваемых зданий.

Существующая и успешно функционирующая сегодня система военных госпиталей размещается в исторической застройке, памятниках архитектуры, современных комплексах, зданиях школ, монастырей, предприятий, реконструированных под нужды госпиталей. Часть из них размещается в городе, становится достопримечательностью и частью истории — эти госпитали, неся на себе «неповторимую печать ушедших эпох, делают среду обитания более сложной» [Лежава, 2015]. С другой стороны, аскетичный внешний облик военных госпиталей определяется их городским размещением. Действуя в рамках правил своего ведомства, они не спешат выставлять фасады своих зданий на всеобщее обозрение, отгородившись высоким глухим забором, и продолжают дальше идти по намеченному пути невидимых объектов.

Источники

- Аларушкина С.А., Борисов А.А., Воронина А.А. и др. (2019) Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 11. № 20. С. 133–163.
- Быков И.Ю., Аксенова И.В. (ред.) (2008) Руководство по организации работы центрального военного клинического госпиталя. Части I и II. Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко.
- Вавжинчак А. (2013) Больница и госпиталь — метафорические образы страны и общества в русской литературе рубежа XX и XXI вв. // Даугавпилсский университет, кафедра русистики и славистики, Варшавский университет, Институт русистики «Славянские чтения IX». Даугавпилс: Академическое издательство Даугавпилсского университета «Сауле». С. 185–193.

Душанбе в военный городок 201-й базы. Этот факт можно было бы связать с отсутствием мест в плотной городской застройке, но особенности функционирования современного технологичного госпиталя также играют здесь немалую роль. Для полноценной работы госпиталю нужны большие территории, позволяющие увеличить мощность и принять большее количество пациентов. Многократно усложнившаяся со времен первых требований нормативная документация, регламентирующая проектирование, строительство и работу лечебных учреждений, дополненная внутренними правилами военного ведомства, накладывает на проект военного госпиталя огромное количество ограничений (соблюдение всех санитарных расстояний, ограждение территории, обеспечение всех мер безопасности, пропускной режим и т.д.) и определяет возможные варианты размещения госпиталя в пределах или за пределами городской среды.

Заключение

Архитектура города, представленная

- Владимиров В.А., Долгин Н.Н., Виноградов С.Д., Баринов А.М. (2012) Основные положения по защите населения от опасностей, возникающих при военных действиях или вследствие их // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. № 1 (2).
- Гайкова Л.В., Родина Н.С. (2018) Исторический путь архитектурного развития лечебных зданий и комплексов // Творчество и современность. № 1 (5).
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. 1Т2. 2779. Дело об аптеках и госпиталях.
- Елизаров М.Ю. (2009) Госпиталь. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Еремеев С.Н., Лихачев Е.Н. (2018) К вопросу о проблемах размещения высокотехнологичных медицинских центров в структуре сибирского города // Творчество и современность. № 2 (6). С. 80–89.
- Золотарева М.В. (2009) Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII – начала XX века: автореф. дис. доктора архитектуры. Санкт-Петербург, С.-Петербургский государственный архитектурно-строительный ун-т.
- Иконников А.В. (1972) Архитектура города. Эстетические проблемы композиции. М.: Стройиздат.
- Козырева Е.И. (2015) Петербургский квартал: пространство и мир // Вестник СПбГУ. Серия 15: Искусствоведение. № 3. С. 44–65.
- Лежава И.Г. (2015) Жизнь памятника в городе // Academia. Архитектура и строительство. № 3. С. 13–28.
- Линч К. (1982) Облик города / В.Л. Глазычев (пер. с англ.), А.В. Иконников (ред.). М.: Стройиздат.
- Пестрикова А.Г. (2010) Факторы, влияющие на формирование архитектурно-пространственной композиции исторического центра (на примере Днепропетровска) // Вісник ПДАБА. № 12 (153). С. 51–55.
- Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881) (1851). Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 26.05.2020).
- Порядок оказания медицинской помощи в военно-медицинских учреждениях Министерства обороны Российской Федерации, дислоцированных в городе Москве и Московской области (2011) // Приложение к указанию начальника ГВМУ МО РФ. № 000/2/2/460. 15.03.2011. Режим доступа: <https://www.gvkg.ru/files/prilogenie460.pdf> (дата обращения: 26.05.2020).
- Росси А. (2015) Архитектура города. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка».
- Федорова М.С. (2020) Война и госпитали: почему менялась архитектура последние 300 лет // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 256–282.
- Шаповалов В.Ф. (1973) Принцип упреждающих реконструкций в архитектуре лечебного комплекса: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Ленинград: Ленинградский инженерно-строительный ин-т.
- Шестова Т.Ю. (2004) Становление и развитие здравоохранения на Урале в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. доктора исторических наук. Курган: Курганский государственный ун-т.
- Шинкарев А.Н., Прокофьев Е.И. (2016) Анализ отечественного и зарубежного опыта в исследовании проектирования объектов системы здравоохранения // Известия КазГАСУ. № 3 (37).
- Это Место – старые карты России. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).
- dmitry_sasin (Сасин Д.) (2017) Лефортово левобережное (21.12) // LiveJournal: dmitry_sasin. Режим доступа: <https://dmitry-sasin.livejournal.com/12617.html> (дата обращения: 26.05.2020).
- Hillier B. (1989) The Architecture of the Urban Object // Ekistics. Vol. 56. No. 334–335. P. 5–21.
- Retromap – старые карты Москвы. Режим доступа: <http://retromap.ru> (дата обращения: 26.05.2020).

MARIIA FEDOROVA

MILITARY HOSPITALS IN URBAN ENVIRONMENT

Maria S. Fedorova, PhD in Architecture, Associate Professor, Institute of Civil Engineering and Architecture, Ural Federal University; 19 Mira Street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation, tel.: +7 912 225 64 45

Email: m.s.fedorova@yandex.ru.

Abstract

Relations that arise between a city and its inhabitants can be analyzed from different points of view. Within the framework of simple classifications, we can divide all objects into private (residential spaces) and public (offices, shopping centers, city parks), or desirable, located in the most privileged, central places (shops, squares, offices) and undesirable, distant from cities at considerable distances (cemeteries, hazardous industries). According to the first classification, a military hospital will be an unremarkable public building, and in the second most likely falls into the undesirable, located away from the bustle of the city and prying eyes. But can we say anything more about the location of an object in an urban environment and the degree of its inclusion in the urban environment? Using the example of a military hospital, we analyze its specific characteristics that explain the nature of this type of building and the history of its movements within urban areas.

Keywords: military hospital; city; history; medicine; place

Citation: Fedorova M.S. (2020) Military Hospitals in Urban Environment. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 24–33. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202024-33>

References

- Alarushkina S.A., Borisov A.A., Voronina A.A. et al. (2019). Uvidet` nevidimoe: v poiskax lokal`noj identichnosti rajona Yasenevo v Moskve [To See the Invisible: in Search of Local Identity of the Yasenevo Area in Moscow]. *Interakciya. Interv`yu. Interpretaciy* [Interaction. Interview. Interpretation], vol. 11, no 20, pp. 133–163. (in Russian)
- By`kov I.Yu., Aksenova I.V. (eds.) (2008) Rukovodstvo po organizacii raboty` central`nogo voennogo klinicheskogo gospihtalya Chasti I i II [Guidelines for the Organization of the Central Military Clinical Hospital. Parts 1 and 2]. Glavnyj voennyj klinicheskij gospihtal' imeni akademika N.N. Burdenko [The Burdenko Main Military Clinical Hospital]. (in Russian)
- Delo ob aptekah i gospihtalyah. [About Pharmacies and Hospitals]. *Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti. GASO. F24. 172. 2779*. [State Archive of the Sverdlovsk Region]. (in Russian)
- dmitry_sasin (Sasin D.) (2017) Lefortovo levoberezhnoe [Lefortovo Levoberezhnoye]. *Live Journal*. Available at: <https://dmitry-sasin.livejournal.com/12617.html> (accessed: 26 May 2020). (in Russian)
- Elizarov M.Yu. (2009) Gospihtal` [Hospital]. M.: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Eremeev S.N., Lixachev E.N. (2018) K voprosu o problemah razmeshheniya vy`sokotexnologichny`h medicinskih centrov v strukture Sibirskogo goroda [On the Issue of Problems of Placement of High-Tech Medical Centers in the Structure of the Siberian City]. *Tvorchestvo i sovremennost`* [Creativity and Contemporaneity], no 2 (6). (in Russian)
- E`toMesto – stary`e karty` Rossii [«This Place» – an Old Map of Russia]. Available at: <http://www.etomesto.ru/> (accessed 26 May 2020). (in Russian)
- Fedorova M.S. (2020) Vojna i gospihtali: pochemu menyalas` arhitektura poslednie 300 let [War and Hospitals: Why Architecture Has Changed over the Past 300 years]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 19, no 1, pp. 256–282. (in Russian)
- Gajkova L.V., Rodina N.S. (2018) Istoricheskij put` arhitekturnogo razvitiya lechebny`h zdaniy i kompleksov [Historical Path of Architectural Development of Medical Buildings and Complexes]. *Tvorchestvo i sovremennost`* [Creativity and Contemporaneity], vol. 1 (5). (in Russian)
- Hillier B. (1989) The architecture of the urban object. *Ekistics*, vol. 56, no. 334/335, pp. 5–21.
- Ikonnikov A.V. (1972) Arhitektura goroda. E`steticheskie problemy` kompozicii [Architecture of the City. Aesthetic Problems of Composition]. M.: Strojizdat [Moscow: Stroyizdat]. (in Russian)

- Kozy`reva E.I. (2015) Peterburgskij kvartal: prostranstvo i mir [The St. Petersburg Quarter: Space and World]. *Vestnik SPbGU. Seriya 15: Iskuststvovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], no 3, pp. 44–65. (in Russian)
- Lezhava I.G. (2015) Zhizn` pamyatnika v gorode [The Life of the Monument in the City]. *Academia. Arhitektura i stroitel`stvo* [Academia. Architecture and Construction], no 3, pp. 13–28. (in Russian)
- Linch K. (1982) Oblik goroda [The Image of the City]. M.: Strojizdat [Moscow: Stroyizdat].
- Pestrikova A.G. (2010) Faktory`, vliyayushhie na formirovanie arhitekturno-prostranstvennoj kompozicii istoricheskogo centra (na primere Dnepropetrovska) [Factors Affecting the Formation of Architectural and Spatial Composition of the Historical Center (on the Example of Dnepropetrovsk)]. *Visnik PDABA* [Bulletin of Prydniprov'ska State Academy of Civil Engineering and Architecture], vol. 12 (153), pp. 51–55. (in Russian)
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Vtoroe sobranie (1825–1881) (1882) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Part (1825–1881)]. Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 26 May 2020). (in Russian)
- Poryadok okazaniya medicinskoj pomoshhi v voenno-medicinskih uchrezhdeniyah Ministerstva oborony` Rossijskoj Federacii, dislocirovanny`h v gorode Moskve i Moskovskoj oblasti [Procedure for Providing Medical Care in Military Medical Institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation Stationed in the City of Moscow and the Moscow region]. *Prilozhenie k ukazaniyam nachal'nika GVMU MO RF, no 000/2/2/460. 15.03.2011* [Appendix to the Instructions of the Head of the GVMU of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. Available at: <https://www.gvkg.ru/files/prilozhenie460.pdf> (accessed 26 May 2020). (in Russian)
- Retromap – stary`e karty` Moskvy` [Retromap – Old Maps of Moscow]. Available at: <http://retromap.ru/Retromaps.ru> (accessed 26 May 2020). (in Russian)
- Rossi A. (2015) Arhitektura goroda. [Architecture of the City]. M.: Institut media, arhitektury` i dizajna «Strelka» [Institute of Media, Architecture and Design «Strelka»]. (in Russian)
- Shapovalov V.F. (1973) Princip uprezhdayushhix rekonstrukcij v arhitekture lechebnogo kompleksa: avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata arhitektury` [The Principle of Proactive Reconstructions in the Architecture of a Medical Complex: Abstract of PhD in Architecture Thesis]. Leningrad: Leningr. inzh.-stroit. in-t. [Leningrad Civil Engineering and Construction Institute]. (in Russian)
- Shestova T.Yu. (2004) Stanovlenie i razvitie zdravoohraneniya na Urale v XVIII–nachale XX vv.: avtoreferat dis. doktora istoricheskix nauk [Formation and Development of Health Care in the Urals in the XVIII-XX Centuries: Abstract of DSc in History Thesis]. Kurgan, Kurg. gos. un-t [Kurgan State University]. (in Russian)
- Shinkaryov A.N., Prokof'ev E.I. (2016) Analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opy`ta v issledovanii proektirovaniya ob`ektov sistemy` zdravoohraneniya [Analysis of Local and Foreign Experience in the Study of Design of Health Care Facilities]. *Izvestiya KazGASU* [New of the KSUAE], vol. 3 (37). (in Russian)
- Vavzhinchak A. (2013) Bol`nicza i gospital`-metaforicheskie obrazy` strany` i obshhestva v russkoj literature rubezha XX i XXI vv. [Hospital and Military Hospital: Metaphorical Images of Country and Society in Russian Literature at the Turn of the 20th Century]. *Daugavpilskoj universitet kafedra rusistiki i slavistiki Varshavskij universitet, institut rusistiki «Slavyanskije chteniya IX»* [Daugavpils University Department of Russian Studies and Slavistics, Warsaw University, Institute of Russian Studies «Slavic Readings IX»]. Daugavpils: Akademicheskoe izdatel`stvo Daugavpilskogo universiteta «Saule» [Academic Publishing House of Daugavpils University], pp. 185–193. (in Russian)
- Vladimirov V.A., Dolgin N.N., Vinogradov S.D., Barinov A.M. (2012) Osnovny`e polozheniya po zashhite naseleniya ot opasnostej, voznikayushhix pri voenny`h dejstviyah ili vsledstvie ih [Basic Aspects for the Protection of the Population from the Dangers Arising from Military Actions or as a Result of Them]. *Strategiya grazhdanskoj zashhity` : problemy` i issledovaniya* [Civil Protection Strategy: Problems and Research], no 1. (in Russian)
- Zolotareva M.V. (2009) Regulirovanie arhitekturno-stroitel`nogo processa v Rossii XVIII – nachala XX veka: avtoreferat dis. doktora arhitektury` [Regulation of the Architectural and Construction Process in Russia of the XVIII – early XX century: Abstract of the DSc of Architecture's dissertation]. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. gos. arhitektur.-stroit. un-t [Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering]. (in Russian)

МАРИЯ РЕНТЕЦИ НАСТРОЙКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ:

ГРЕЧЕСКИЕ ТАБАЧНЫЕ СКЛАДЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Мария Рентеци, профессор кафедры исследований науки, технологий и гендера, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге; приглашенная исследовательница в Институте истории науки Общества Макса Планка; Germany, D-91054, Erlangen, Bismarckstrasse, 6.

E-mail: mrentetzi@mpiwg-berlin.mpg.de

В конце XIX века Кавала, приморский город на севере Греции, стал одним из важнейших центров обработки табака на Балканах. Влиятельные торговцы табаком, в основном из Габсбургской и Османской империй, построили здесь множество табачных складов, которые переопределили центр города, его характер, а также его границы. Я доказываю, что архитектура этих складов глубоко повлияла на идентичность работников табачной индустрии и дала торговцам табаком возможность публично демонстрировать себя и свои достижения. В то же время эти ранние промышленные постройки разрушили границы между городом и заводом, пролив свет на культуру производства и на повседневную жизнь рабочих, занятых в греческой табачной индустрии.

Ключевые слова: табачные склады; архитектура и технологии; исследования технологий; промышленный дизайн; гендер; идентичность

Цитирование: Рентеци М. (2021) Настройка идентичностей посредством промышленной архитектуры и городского планирования: греческие табачные склады в конце XIX – начале XX века // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202034-49>

В начале XX века экономика ряда греческих городов — в особенности Кавалы, Ксанти, Драмы, Волоса, Салоник и Агриниона — базировалась почти исключительно на выращивании, обработке и продаже табака. В прибрежных городах, таких как Кавала, повседневная жизнь отражала цикл табачного производства: сборка, сушка, обработка и пакетирование табачного листа, транспортировка в порт и погрузка на баржи, пришвартованные у причалов огромных городских табачных складов, и переправка табака на пароходы иностранных компаний, стоящие на рейде. *Капномагазы* (*kapnomagaza*) — легко узнаваемые двухэтажные каменные и бревенчатые здания табачных складов — были примечательными городскими объектами. Эти ранние типы промышленных зданий, будучи свидетельствами тесной связи между табаком и городами, в которых производился табак, проливают свет на каждый аспект этих сложных взаимоотношений.

В Кавале многие табачные склады были построены влиятельными табачными торговцами, в основном из Габсбургской и Османской империй, в конце XIX — начале XX века и были предназначены как для хранения, так и для обработки табака. При устройстве этих зданий учитывались особенности производственного процесса, приемки сырья и отгрузки продукции, а также необходимость естественного освещения в рабочей зоне и полной темноты при хранении табачных листьев. В архитектуре этих зданий проявились особенности повседневного рабочего процесса, гендерное разделение труда и даже иерархическая структура власти, связывавшая торговцев и рабочих.

¹ Перевод выполнен Иваном Тарасовым по: Rentetzi M. (2008) Configuring Identities Through Industrial Architecture and Urban Planning: Greek Tobacco Warehouses in Late Nineteenth and Early Twentieth Century // Science Studies. Vol. 21. No. 1. P. 64–81.

Далее я сосредоточусь на табачных складах как на местах одновременно экономического, дискурсивного и культурного производства и как пространстве разрушения грани между производством и городом. Внутри складов происходили не только производственные процессы обработки и упаковки табачных листьев, но и создание профсоюзов, зарождение идеологических конфликтов, дискурсивное формирование коммунистической политики, изобретение новых технологий и конструирование гендерно-дифференцированной рабочей культуры. Наконец, это были места, где трансформировались идентичности людей по мере того, как они превращались из земледельцев в фабричных рабочих. В то же время эти склады накладывали на город неизгладимый отпечаток и доминировали в его планировочной структуре как за счет своего бросающегося в глаза присутствия, так и благодаря переменам, которые они вызывали. Когда же в конце XIX — начале XX века выступления рабочих выплеснулись из фабрик в городское пространство, фабрика и ее жизнь наконец захватили весь город. Этот рассказ уходит корнями в мой личный опыт жизни в Кавале в детстве и зрелом возрасте. Запах табака до сих пор ощущается в немногих оставшихся складах и будит воспоминания из моего детства.

На перекрестке архитектуры и исследования технологии

В современных исследованиях технологий некоторые авторы используют архитектуру как путеводитель для понимания того, как технологии формируют общество и сами формируются им. Возьмем для примера архитектуру промышленных зданий. Как показывает Линди Биггс, промышленные здания XIX — начала XX века в американском ландшафте воплощают сильные образы предприятий, которые в них когда-то помещались, и обнаруживают важные сдвиги в способах производства. Переход от небольших фабрик к индустрии массового производства эпохи модерн, или, по словам Биггс, переход к рациональному производству, отразился на их архитектурной форме. Фабрика стала огромной машиной, где и технологические элементы, и рабочие функционируют точно и предсказуемо и где порядок (машинообразный порядок), с одной стороны, заставил рабочих изменить свои традиционные трудовые привычки, а с другой — стал идеалом инженеров и промышленников. Новое пространство рабочего места должно было удовлетворять таким требованиям, как конвейерные линии сборки, применение специализированных механизмов и наличие тейлоризированных низкоквалифицированных работников, то есть всем характеристикам американской промышленности эпохи модерн, символом которой стал завод Хайленд-Парк. Это был новый завод автомобильной компании Ford, расположенный недалеко от Детройта. Построенный в 1910 году, Хайленд-Парк стал воплощением развития рационального завода как предсказуемого управляемого механизма. Приспособив его для естественного освещения, отделив здание заводоуправления от производственных цехов, соединив элегантность с порядком и сделав здания доступными для пешеходов, Форд превратил свою фабрику в хорошо отлаженную и выдающуюся машину [Biggs, 1996; 1991].

В промышленном дизайне архитектура использовалась как средство повышения производительности путем улучшения морального духа рабочих. Движение за индустриальное благосостояние конца 1910-х годов делало упор на улучшениях в их социальном положении и среде обитания, таких как озеленение, образование, библиотеки и улучшенные заводы. В представлениях промышленных инженеров большие окна завода в Хайленд-Парк или даже более ранние примеры на ряде заводов в Буффало, Нью-Йорк, означали прямую связь с тем, что созданная среда с улучшенными условиями труда стимулирует квалифицированных работников остаться и работать с более высокой производительностью [Banham, 1986; Hildebrand, 1974; Meyer, 1981; Biggs, 1996].

В схожем исследовании Эйми Слэйтон показывает, что в 1900–1930 годы в американском промышленном ландшафте преобладали бетонные функционалистские здания, посредством своей архитектуры они придавали достижениям массового производства общественную и культурную значимость. Несколько критериев, связанных с преимуществами железобетона, обусловили его использование и сделали фабричные сооружения удивительно единообразными. У этих зданий одна и та же форма, методы строительства и подход к украшению — все это сделало их дизайн легко воспроизводимым [Slaton, 2001]. В то же время Роберт Льюис подчеркивает, что в начале XX века разные технологические реальности требовали разных производственных помещений и, соответственно, зданий с разной планировкой. Проектные реше-

ния не были равномерно распределены по всем производителям, поскольку они избирательно применяли именно те, которые им подходили. Как пример, фабрика производителя шляп Crofut & Knapp показывает, что для разных машин и технологических процессов при производстве дешевых и заказных шляп соответственно требовались не параллельные сборочные линии, а ячеечная планировка фабричного здания [Lewis, 2001].

Независимо от вопросов единообразия или вариабельности в промышленном дизайне, исследователи технологий сходятся во мнении, что «новый завод» действительно функционировал и в прагматическом, и символическом планах. Несомненно, в начале XX века промышленники использовали свои заводы как культурные образы и символы престижа. В свою очередь, на практическом уровне, будучи неотъемлемой частью производственного процесса, проект предприятия определял потоки людей, материалов и готовой продукции. Расположение заводов в городе тесно связано с факторами близости к транспортной системе, рынкам сбыта и доступной рабочей силе. Бэтси Брэдли напоминает нам, что «доступная рабочая сила» часто предполагала наличие большого резерва потенциальных работников определенного гендера, расы и этнической принадлежности [Bradley, 1999]. Поэтому промышленники стремились разместить свои производства не просто около мест проживания рабочих, но около мест проживания рабочих определенного пола, расы и этноса, тем самым конструируя определенную иерархию, базирующуюся на характеристиках рабочей силы. И наконец, проект завода не только подразумевал решение практической проблемы, но и задействовал социальную трансформацию в индустриальных городах. В глубоком смысле индустриальный дизайн задействует пол, этничность или расовые идентичности через пространственную доступность и маркирование рабочих мест. Например, из исследования Американской мясной промышленности Роджером Хоровитцем мы знаем, что промышленные здания формируют гендерные идентичности и ранжируют навыки в соответствии с половой принадлежностью тех, кто на них трудится [Horowitz, 1997].

Вместо того чтобы рассматривать фабрики всего лишь как артефакты индустриализации, исследователи технологий исследуют их как динамичные элементы в производственном процессе и наделяют их культурной значимостью. Конечно, фабрики всегда строились с учетом городской планировки. В начале XX века, когда шла непрерывная колонизация городов новыми типами промышленных зданий, их городские и социальные изменения шли рука об руку с формированием новых идентичностей тех, кто был вовлечен в индустриальное производство. Возьмем для примера уже упомянутый завод Ford в Хайланд-Парке. Когда это здание по проекту архитектора Альберта Кана вводилось в эксплуатацию, это было всего лишь отдельное здание вне городской черты на незастроенной земле. Но скоро это место трансформировалось в густонаселенный и процветающий микрорайон с городским образом жизни, расширивший границы города [Biggs, 1996, p. 104].

Кроме естественно-научных исследователей, историки городов также проявили интерес к переплетению городского планирования и развития технологий, еще в 1979 году посвятив этому специальный выпуск *The Journal of Urban History*. Целью выпуска было рассмотреть «взаимодействие между процессами урбанизации и силами технологического прогресса», сохранив при этом в неприкосновенности традиционное представление о развитии технологий [Tarr, 1979, p. 275]. По словам Джоэля Тарра, исследования на стыке города и технологий должны служить инструментальной цели. Изучение технологических воздействий на город в прошлом может привести к улучшению понимания технологий и, как следствие, к улучшению городов будущего. Восемь лет спустя во втором специальном выпуске *The Journal of Urban History*, посвященном городу и технологиям, ранее детерминистское представление о технологии было отчасти забыто, так как технология стала ассоциироваться с городской культурой, экономикой и политикой. В то же время представление о городе осталось не более чем производной от технологических изменений [Rose, Tarr, 1987].

Ситуация изменилась, когда сторонники теории социального конструирования технологий (SCOT) пересмотрели концепцию технологий и, как следствие, способ понимания города. Вместо принятия как должного утверждения, что социальный прогресс движим технологическими инновациями, конструктивистский взгляд выдвигает аргумент, что это не технология определяет человеческие действия. Используя метафору «бесконечной паутины», технология воспринимается только через ее непосредственное отношение к обществу, с которым она переплетена в плотную сеть, узлы и пересечения которой неразличимы [Bijker, Hughes, Pinch, 1989]. Развивая этот аргумент, Кейт Гринт и Стив Вулгар используют более гибкую метафору

«технология как текст» и заявляют, что технологии можно интерпретировать тем же способом, что и текст [Grint, Woolgar, 1997]. Как же тогда конструктивистский взгляд на технологии соотносится с городским планированием и городом?

Исследования Эдуардо Айбара и Вибе Бейкера, анализирующих план расширения Барселоны в XIX веке [Aibar, Bijker, 1997], или Байкера и Карин Вийстервельд, рассматривающих участие женщин в государственном жилье в Нидерландах, выдвинувшие на первый план соответствующие социальные группы, формирующие как технологии, так и город, рассматривают, таким образом, городское планирование как форму технологии и город как своего рода артефакт [Bijker, Bijsterveld, 2000]. Вместо рассмотрения города как локуса технологической активности, в этих случаях конструктивистский подход пытается идентифицировать процессы взаимного формирования города и технологий. Более раннее представление о формирующей роли технологии используется, чтобы связать мышление и действие индивидуальных акторов в социальные процессы, конституирующие социальные группы, релевантные для развития артефактов и технологических изменений [Bijker, 1995].

Опираясь на социально-конструктивистский подход, эта статья представляет краткое социоисторическое исследование развития средиземноморского города в конце XIX века как центра обработки табака.

Я рассматриваю город Кавалу как артефакт, который переживал соразвитие вместе с табачным производством. Этот город претерпел изменение от интровертной религиозной организации до разделенного, но социально организованного пространства. Его фокальной точкой, центральным пунктом — центральным в смысле экономики, политики и культуры, но также и в физическом смысле пространственного центра — стало место размещения табачных складов. Расцвет городской жизни, а также пространственная и социальная реорганизация города шли рука об руку с индустриализацией. В следующем разделе я покажу, как это происходило. Но прежде чем начать, необходимо разобраться с терминологией. В то время как слова «политический» и «культурный» выражают динамику намерения и человеческой мотивации, «пространственный» обычно ассоциируется с застоем, нейтралитетом и пассивностью. В моем анализе пространство не описывает положение объектов, зданий и людей, а указывает на наборы отношений, социальных стратегий и согласований, связанных с местом. Более того, я считаю, что места не имеют одной уникальной идентичности, а полны внутренних конфликтов по поводу того, каким это место должно быть, каким оно является и для кого.

Строительство города в конце XIX века

В конце XIX века Кавала представляла собой маленький прибрежный город на севере Греции, расположенный на небольшом полуострове и ограниченный с одной стороны стеной, с другой — морем. Каменная стена византийской постройки определяла границу города, который все еще был частью Османской империи. Турки, евреи и около сотни православных греков жили в части города, известной как Махалля (*Machala*). Иностранные путешественники тех лет сообщали, что внутри стен основной архитектурой были деревянные двухэтажные дома в турецком стиле, с выступающими на улицу навесами для создания тени. «Депрессивный» и темный старый город был типичным турецким поселением XIX века, где три основные этно-религиозные группы — мусульмане, евреи и православные христиане — селились компактно в пяти примыкающих друг к другу районах [Walker, 1864, p. 13]. Эти районы организовывались вокруг своих религиозных пространств, создавая интровертные структуры, такие как внутренние дворы и тупиковые улицы, которые, повторяясь в разных масштабах, создавали тесную организацию города.

Греки и евреи, не владевшие недвижимостью в старом городе, годами страдали от жилищных проблем вследствие того, что стена сдерживала индустриальное и гражданское строительство. В то время греки жили в основном торговлей хлопком и обработкой табака, занимаясь этим в своих и без того тесных жилищах. В XIX веке выращивание табака и торговля им были на подъеме вследствие распространившейся среди греков привычки к курению. В особенности после войны за независимость 1821 года на оживленных рынках и многолюдных кварталах городов Греции и греческих городов Оттоманской империи начали открывать свои двери для курильщиков маленькие табачные магазины (*argastiria* или *toutountzidika*). Конечно, «торговцы табаком всегда имели в своих мастерских связи табака любого качества, от которых они отре-

зали и продавали своим покупателям то, что тем было нужно. Они редко имели в продаже какие-то еще товары» [Kaplani, 2004, p. 24]².

В то же время менялись и способы потребления, что было следствием серьезных попыток превратить табак в выгодный коммерческий товар. Жевание и нюхание табака постепенно заменялись скрученными сигаретами, в то время как кальяны и трубки теряли популярность. В 1883 году греческое правительство впервые попробовало получить доход от этой привычки, учредив налоги на табак и введя ограничительные меры по продаже табака и папиросной бумаги. Импорт, подготовка, хранение и продажа папиросной бумаги стали исключительным правом греческого государства, создавшего государственную монополию на эту продукцию. Курильщики были обязаны покупать табак, обернутый в соответствующее количество папиросной бумаги. Это стало началом эпохи «четыре и один». Стандартной покупкой в табачной лавке стали табак на четыре лепты (1/100 греческой драхмы) и папиросная бумага — на одну. Целью этих ограничений была борьба с черным рынком, так как большинство греков предпочитали покупать табак вразвес и делать самокрутки. В отсутствии свободной продажи сигаретной бумаги курение самокруток стало невозможным [Yakoumaki, Charitatos, 1997].

Рост потребления сигарет вызвал рост количества табачных плантаций на подходящих для этого землях Македонии и Фракии. Благодаря своему положению Кавала скоро стала главным портом, специализировавшимся на экспорте табака, что привело к острой потребности в больших площадях как для хранения, так и для обработки табака. Некоторое количество жителей города из числа греков составили обращение к Блистательной Порте (правительству Османской империи) с просьбой о разрешении на строительство за городскими стенами «домов и мастерских». В нем утверждалось, что благодаря этому «производство табака увеличится, а таможенные сборы стократно вырастут» [Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 9]. Поскольку такой запрос, сделанный напрямую, не мог рассчитывать на успех, греки попросили вмешательства православного Стамбульского патриарха в 1864 году. То, что выглядит как простое расширение города в сугубо практических целях, оказалось политическим действием, включающим сложные переговоры между султаном и патриархом. Пока город находился под османским правлением, любые градостроительные планы в неявном виде представляли собой весьма политические действия, так как, требуя расширения границ города, греки желали получить не только больше места, но и больше прав и полномочий.

До 1860 года цены на табак определялись местными турецкими чиновниками (особенно беом Драмы, города к западу от Кавалы), которые контролировали как производство, так и торговлю. Но в конце XIX века, несмотря на сохраняющийся статус протектората Османской империи, территория Македонии переживала вторжение европейского капитала и экономическое развитие, основанное на участии в международной торговле. Экономические договоры между Османской империей и европейскими странами, такие как коммерческое соглашение 1840 года о запрете ряда турецких монополий, открыли возможности для экономического развития как для греков, так и для евреев, проживавших на этой территории. Вскоре доселе влиятельный бей Драмы оказался оттеснен от ценообразования интернациональными экспортными компаниями и торговцами табаком, которые теперь договаривались о цене напрямую с производителем. До этого времени табак находился в руках фермеров вплоть до доставки его в дома греков в Кавале или на небольшие склады за чертой города, где он обрабатывался и готовился к отправке на экспорт. В этом контексте требования греков о расширении города подготавливали почву для сокращения власти империи и перехода влияния к европейскому капиталу.

И хотя точно неизвестно, когда турки дали греческой общине первый *фирман* на расширение города, первая греческая православная церковь за пределами городской стены была возведена в 1886 году [Angeloudi-Zarkada, 1986a]³. В течение первого периода расширения города вследствие нехватки подходящих промышленных помещений крупнейшие торговцы и экспортеры табака вынуждены были тратить огромные суммы на строительство первых табачных складов. Ранний пример этого — *Latinou kapnotagazo*, который был построен в Кавале непосредственно на берегу в районе 1850 года. Здание принадлежало Фрателли Аллатини Ком-

2 Табачные купцы (toutoudzis) создали в Османской империи свою собственную гильдию [Ioannidis, 1998, p. 13].

3 Фирман или ферман — это королевский мандат или указ, изданный султаном Османской империи на территории захваченных государств и этносов. Целью этих указов, среди прочего, было регулирование отношений и статусов, обязанности, внешний вид аристократии и другие темы.

пани, еврейской семье, которая уже владела мукомольней в Салониках. Два брата Аллатини, кроме того, уже были вовлечены в производство высококачественного кирпича и кровельного железа в качестве партнеров французской *Les Grands Moulins de Corbeil*, которая активно работала во многих коммерческих секторах, включая и табачную торговлю. *Latinou* поставляла продукцию в основном Итальянской табачной монополии и управлялась братьями Мисдракси из богатой еврейской семьи. Позднее предприятие было переименовано в Коммерческую компанию Салоников (*Commercial Company of Salonika Limited*).

Десять лет спустя Эббот и Францис Кинни, владельцы бренда «Sweet Caporal», одного из самых популярных сигарет ручной скрутки в США, и владельцы больших складов в Северной Каролине и Вирджинии, решили, что зарубежный табак может оказаться новинкой, позволяющей увеличить продажи. Их компания, Табачное предприятие братьев Кинни (*Kinney Brothers Tobacco Business*), располагалась в Нью-Йорке, а в Европе они сотрудничали с *Lubbock Company*, расположенной в Лондоне. В 1860 году братья Кинни построили второй большой табачный склад в Кавале, потратив на это грандиозную по тем временам сумму (15 000 английских фунтов) [Lykourinos, 1997, p. 98]. Среди наиболее типичных примеров такого индустриального дизайна находится также склад австро-венгерской компании *Herzog et Cie*. Эта компания была основана в 1889 году еврейским бароном Пьером Хезогом и управлялась Адольфом Виксом фон Жолнаем, немецким евреем, бывшим в городе немецким и австрийским консулом. В 1905 году *Herzog et Cie* стала главным поставщиком султана в Стамбуле⁴.

Компании и частные торговцы инвестировали в строительство таких складов за пределами города по двум главным причинам. Во-первых, эти склады служили для хранения необработанного табака. Во-вторых, внутри этих складов множество новоприбывших рабочих — как мужчин, так и женщин — занимались ручной обработкой табака и готовили его к отправке из порта Кавалы по всему миру. Табак экспортировался в Австро-Венгрию, Россию, Великобританию, Египет, Францию и даже в США. Город стал привлекать как греческих буржуа — независимых торговцев-экспортеров, работавших главным образом с Балканским регионом, Россией, Египтом и Турцией, — так и европейские корпорации, мощных инвесторов, которые строили свои собственные склады, обычно игравшие двойную роль: как консульств соответствующих стран и как табачных торговых домов. Показательно, что к 1880 году все важнейшие европейские державы имели в Кавале свои консульства [Lykourinos, 1997, p. 107].

Тем не менее в конце XIX — начале XX века проблема развития промышленности в Греции была не столько экономической, сколько культурной, в том смысле что промышленность нуждалась скорее в приобретении технологических знаний, нежели в увеличении производительности. Новое греческое государство сфокусировалось больше на сельском хозяйстве и развитии коммерции, нежели на индустриальном прогрессе. Понимая, что молодое греческое государство не могло соперничать с индустриально развитыми европейскими странами путем организации конкурентоспособных производств, греческие политики выступали за развитие профессионально-технического образования как ответа на нужды страны [Chatzeiosif, 1986; Antoniou, 2006]. Тем не менее в 1900 году греческий консул в Кавале Грегориус Саррос в своем докладе для Министерства внутренних дел указал на недостатки этой политики. Он утверждал, что неадекватная экономическая политика государства в отношении развития табачной промышленности и отсутствие поддержки греческих торговцев на территории Македонии — все еще находившейся под властью Османской империи — приведет к экономическому доминированию Австрии и потере греческого влияния на территории [Lykourinos, 1997, p. 118–132]. Действительно, местные греческие торговцы табаком вскоре оказались оттеснены полугосударственной турецкой компанией Режи (*Règie (Co-interesèe de tabacs de l' Empire Ottoman)*), монополизировавшей торговлю табаком с Османской империей. К 1910 году вся торговля

⁴ К сожалению, нам неизвестно ничего про архитекторов, спроектировавших эти ранние здания, из-за того, что городские архивы были уничтожены во время болгарской оккупации. Источником сведений для данной статьи послужили в основном опубликованные заметки иностранных путешественников и местных историков-краеведов, а также биографические заметки Георгиоса Пегиоса, члена Коммунистической партии Греции и профсоюза табачных рабочих. Также я сверялась с опубликованными документами Главного государственного архива. В исследовании использованы фотографии из муниципального Музея Кавалы и из коллекции Пола Колларта. Но эта статья не была бы написана, если бы я не жила жизнью обычного горожанина в этом городе в детстве и юности.

и экспорт табака из Кавалы перешли под контроль французской и австрийской монополий [*Stefanidou, 2007, p. 177*].

Архитектура обработки табака

Один из способов прочтения расширения Кавалы состоит в том, чтобы рассматривать новые табачные склады как инвестиции и практическое решение производственных проблем. И в самом деле, первые табачные фабрики строились прямо на берегу бухты, чтобы упростить транспортировку обработанного табака. «Они были расположены настолько близко к воде, что нередко штормовые волны бились об их стены» [*Pegios, 1984, p. 17*]. Те, что были построены позже, сформировали обширную полукруглую зону за первой линией, в которой так же оказались расположены все важные экономические сооружения нового города: Османский имперский банк, Османский сельскохозяйственный банк, Австрийское и Французское пароходные агентства, иностранные консульства и австрийский и французский почтовые офисы [*Stefanidou, 2007, p. 296*].

В 1870 году согласно «Клио», греческой газете, издававшейся в Триесте, Кавала уже была известна в европейских политических и бизнес-кругах как один из ключевых портов и наиболее важных в Северо-Восточной Македонии коммерческих центров по экспорту табака и хлопка, затмевающий даже Салоники [*Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 10*]. К концу XIX века из порта Кавалы ежегодно на экспорт отправлялось порядка 4000 тонн табака, большая часть которого принадлежала двум крупнейшим компаниям, работавшим в городе, — австрийской *Herzog et Cie* и итальянской *Fratelli Allatini* [*Stefanidou, 2007, p. 174*]. Раз в две недели австрийский пароход Ллойда и два французских судна прибывали в городской порт, в то время как множество турецких, итальянских и английских судов заходили туда на пути следования по отдельным нерегулярным экспортным маршрутам согласно потребности в экспортных заказах⁵. Согласно отчету главного финансиста Македонии, в 1913 году в Кавале существовал 61 торговый дом, специализировавшийся на табаке, а общий экспортный оборот в 4 раза превышал показатели Салоников [*Stefanidou, 2007, p. 171*].

Первые табачные склады, появившиеся в городе, были небольшими простыми двухэтажными зданиями из необработанного камня. Их форма соответствовала их функции: свет был необходим для обработки, а для хранения нужна была темнота, поэтому архитектура складов обеспечивала хорошее естественное освещение на верхнем этаже и отсутствие света — на нижнем. На первом этаже окна со всех четырех сторон обеспечивали достаточную вентиляцию для предотвращения гниения товара, но эти окна были небольшого размера, для того чтобы ограничить попадание солнечного света на сложенный в деревянных выгородках, или «загонах», сырой табак. Обработка проходила выше, где окна были больше и, соответственно, пропускали много света, а когда этого было недостаточно, открывались и мансардные окна.

В плане склады были прямоугольной формы, с фасадом на одной из коротких сторон. Шатровые крыши изготавливались из дерева и покрывались византийской (керамической) черепицей. Лестницы были расположены вдоль стен по длинной оси здания, что позволяло наиболее простым и безопасным способом перемещать связки табака между этажами. Самые первые склады строились отдельно стоящими, не примыкавшими к другим зданиям ни одной из четырех сторон, что гарантировало оптимальное освещение верхнего этажа, где производилась обработка табака.

Примечательная особенность ранних зданий состоит еще и в том, что у каждого *капномагаза* была только одна дверь, причем сравнительно небольшого размера, а не ворота, чего можно было ожидать для общественного промышленного здания такого размера. Первоначальное объяснение основывается на том факте, что в те времена табак все еще перемещали вручную, и поэтому дверь могла быть не меньше, чем необходимо для прохода груженого носильщика (или «стивидора», согласно отраслевой терминологии). Другое объяснение небольшого размера двери связано с трудовой политикой и контролем за рабочими. Единственный, и он же центральный, вход в *капномагазу* охранялся *кавазисом* и *кавазеной*, мужчиной и женщиной, в чьи обязанности входил физически обыск мужчин и женщин, покидавших *капномагазу* в конце рабочего дня

5 Георгиос Саррос в Министерство иностранных дел Греции, 24 января 1900 года. Общий государственный архив (GSA), Префектура Кавала. Хотя жители Кавалы с 1892 года просили построить порт для развития торговли, его строительство не началось до 1930-х годов. Все это время пароходы бросали якорь на рейде в море и небольшие баржи переправляли на них связки табака [*Pegios, 1986, p. 17*].

[Pegios, 1984, p. 27]. Любопытно, что этот обыск служил двум целям. Во-первых, это уменьшало количество табака, контрабандой выносимого из фабрики и нелегально скуриваемого рабочими. Ловкие рабочие заворачивали краденую табачную смесь в папиросную бумагу, тем самым обеспечивали себя самокрутками. Во-вторых, единственная дверь служила механизмом контроля во время крупномасштабных акций рабочих, ограничивая возможность для забастовщиков ворваться внутрь склада и тем самым позволяя штрейкбрехерам безопасно продолжать работу.

В начале XX века бум в табачной торговле еще раз отразился в проектах табачных складов. По замечанию архитектора Саппхо Ангелауди: «Табачные склады этой эпохи значительно больше старых сооружений, хотя строились также из дерева и камня, но с двумя или более деревянными двускатными крышами. Типичной особенностью новых зданий являются симметричные окна и треугольные фронтоны, в которых обычно прорубались круглые или прямоугольные световые окна» [Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 11]. Эти новые здания проектировались в соответствии со вкусом богатых иностранных торговцев, прибывавших в Кавалу для ведения бизнеса, и строились в популярном в то время неоклассическом стиле, за исключением нескольких примеров архитектуры, отражающей немецкий неоклассицизм. Углы и первые этажи обычно облицовывались рустовкой, а этажи маркировались внешними полосами, что подчеркивало горизонтальную ось постройки. Балконы были редки, но, когда присутствовали, изготавливались из металла и включали кованые перила и богато украшенные кронштейны.

Склады этого периода имели три-четыре этажа и обычно занимали два здания. Впечатляющие пешеходные мосты, перекинутые через улицу для соединения двух табачных складов, имели такие же декоративные элементы, что и сами новые здания складов. Эти мосты были и функциональными элементами. Когда пространство для нового строительства стало ограниченным и оказалось необходимым строить склады вплотную друг к другу, возникла проблема с освещением. И эти небольшие металлические переходы под открытым небом, соединяющие здания одного владельца, послужили решением.

Внутренние пространства оставались в основном не перегородженными, что обеспечивало большие открытые пространства для работы, а полы, перекрытия и крыши по-прежнему изготавливались из дерева. Внутри здания иногда был колодец для обеспечения водой верхних рабочих этажей и поддержания нужного уровня влажности на первых складских этажах. Эти новые склады всегда оснащались двойными дверьми, богато украшенными ковкой снаружи, стеклом и деревом — изнутри. У некоторых вход был украшен или обрамлен треугольным фронтоном, на котором указывалось имя владельца или компании, владеющей зданием, и дата завершения строительства⁶. Фактически табачные фабрики этого периода демонстрировали не только экономическое процветание иностранных торговцев, но и увеличение культурного престижа торговли табаком. Склады воплощали готовность архитекторов и владельцев публично демонстрировать тот факт, что их бизнес пошел в гору в Европе и по всему миру.

Индустриальная архитектура: механизм по конфигурированию идентичностей

Архитектура табачных складов действовала как руководство и ежедневное напоминание для рабочих о том, кто они есть и где они находятся. И новые и старые структуры были выражением традиционных способов труда и накладывали на рабочих столь же традиционные идентичности. Вплоть до 1920-х табак обрабатывался и подготавливался полностью вручную. Сам процесс обработки производился на верхнем этаже склада, в так называемой *салони*, где трудились как мужчины, так и женщины. Культура повседневного труда, состоящая из неписаных правил, регулирующих поведение рабочих, из способов, которыми эта работа выполнялась, и манеры восприятия каждым отдельным работником своего места в иерархии способностей и навыков, обнаруживает систему сильных гендерных трудовых конвенций.

Работа была разделена между мужчинами и женщинами, формирующими два главных поля экспертизы, включенных в явную иерархию. Мужчины (декциды и эксастрациды) были ответственны за первоначальную сортировку табачных листьев по качеству. Они сидели попарно на камышовых матах, разложенных на полу прямо под окнами. До тех пор, пока табачные склады не были оборудованы электрическим освещением, места рядом с окнами были наи-

⁶ Μογογι, Ρορί. Οι Καλαποθήκες της Καβάλας (Kavala's tobacco warehouses) — недатированные и неопубликованные диссертации, Городская библиотека Кавалы.

более привилегированными. Молодые и менее опытные сортировщики, отвечавшие за вторичную и третичную сортировку, также сидели парами, но уже спиной к спине. К каждой паре опытных сортировщиков была приставлена женщина-работник (пасталцоу), сидевшая, скрестив ноги, в полуметре от них. В ее зону ответственности входили низкокачественные табачные листья и укладка отборных листьев в небольшие кучки (пасталии) — другими словами, она ассистировала декцидам в неквалифицированной работе по складыванию листьев и получала за это меньшую зарплату. Более того, женщинам было запрещено становиться декцидами, что сохраняло четкую иерархию отношений рабочего пространства [Avdela, 1993].

Планировка помещения была открытой не только по технологическим причинам, но и для обеспечения хорошего надзора за рабочей силой. Группы по трое работников — двое мужчин и женщина — располагались в большой открытой *салонии*, что означало, что бригадир (начальник) мог видеть, чем все они занимаются. Бригадир — чисто мужская должность — отвечал за одну или две *салонии* где работали от 70 до 100 рабочих. Он обладал значительной властью над рабочими, так как именно он назначал заработную плату рабочим в зависимости от их мастерства, отбирал самых ловких и распределял работу и обязанности в соответствии с опытом каждого. Окончательно утверждала бригадиров компания, но они избирались рабочими, и кандидат должен был быть знаком и уважаем в тех *салониях*, за которыми он смотрел [Pegios, 1984, p. 25–26].

В конце XIX века большинство прибывавших в город в качестве сезонных рабочих на табачные склады были из сельской местности и не были знакомы с фабричной дисциплиной. И архитектура их рабочего пространства давала им опыт такой дисциплины и трансформировала вчерашних крестьян в индустриальных рабочих. Пространственное расположение табачных складов обеспечивало систему власти, в которой дисциплина и наблюдение, в терминах Мишеля Фуко, играли основную роль. Охранники на входе, узкие двери, открытая планировка, разбитые на две части рабочие смены (с 7:00 до 11:00 утра и с 1:30 до 5:00 вечера) — все грани этой промышленной архитектуры были разработаны с учетом индустриальной дисциплины.

Уникальной особенностью этого раннего индустриального дизайна был и привлекающий внимание ритуал входа и выхода рабочих в помещение табачного склада. Весенними и летними утрами мужчины первыми прибывали на работу; их прибытие и отбытие отмечалось заводским колоколом. Пятнадцать минут спустя после второго удара колокола должны были начать работу женщины, которые заканчивали работу также на четверть часа позже. Дневной заработок отмечался также достаточно шумным способом: при входе на фабрику каждый бросал свой жетон в специальный металлический ящик, и этот звон отсчитывал один оплаченный день [Pegios, 1986, p. 27]. Таким образом, архитектура и ритуалы, связанные с ней, служили для выделения гендерной иерархии в обработке табака. Более низкая оплата труда женщин и более низкая оценка их умений были отмечены в пространстве. Здания и их пространственное расположение служили доказательством гендерной дискриминации и были активными агентами в осуществлении иерархии власти на рабочем месте.

В то же время архитектура, особенно архитектура более поздних строений, способствовала росту престижа торговцев табаком. Когда директор *Herzog et Cie* переместил свой офис в монументальное неоготическое здание, построенное специально для его компании в начале XX века, пространство явно было использовано для того, чтобы публично представлять табачную компанию через архитектуру. Те же потребности стояли за украшением зданий декоративными элементами, впечатляющими фасадами и нанесением имен владельцев на фронтоны складов в начале XX века.

Прочтение города через его архитектуру

Сосредоточив пристальное внимание на практической стороне строительства табачных складов, мы, однако, упускаем из виду более интересную проблему социальной, политической и пространственной трансформации, происходящей в индустриализирующемся городе. Очевидно, что новая структура города следует за возникающей социальной стратификацией. На территории вокруг складов торговцы табаком, формирующие новую греческую буржуазию, строили свои дома, внушительные здания в неоклассическом стиле. Вначале у самого моря, а потом все дальше от береговой линии, множество впечатляющих особняков составили престижный район Сент-Джон, в центре которого находится уже упомянутая первая греческая

православная церковь, построенная за пределами городских стен. Несколько вилл, наиболее примечательных и удачно расположенных на береговой линии, принадлежало иностранным табачным купцам и консулам.⁷

Экономическое развитие города шло рука об руку с образовательным и культурным расцветом. Первая школа для мальчиков была построена в 1881 году, а следом за ней, на берегу моря, в 1894-м — школа для девочек [*Angeloudi-Zarkada, 1986b*]. Несколько роскошных отелей, таких как Hotel Kathe и Grand Hotel, принимали важных гостей города, в то время как их рестораны стали центрами развлечений для местной буржуазии [*Stefanidou, 2007, p. 300*]. Все это располагалось в новом, переопределенном центре вокруг табачных складов с их фасадами, развернутыми к улице. Город покинул свою старую, замкнутую и интровертную структуру и повернулся лицом к открытому пространству.

В то время как финансовые потоки от экспорта табака увеличивали богатство греческих торговцев и заграничных монополий, рабочие, занятые в табачной промышленности, обладали только одним драгоценным навыком — сортировать табачные листья по их качеству. Обработка табака производилась по большей части с поздней весны по раннюю осень, и поэтому большинство рабочих нанимались сезонно. Как и в других кейсах индустриализации городов, жители окружающей сельской местности шли в Кавалу в надежде устроиться на работу в растущей табачной индустрии. Большинство из новоприбывших были греками. Согласно турецким переписям населения, до выхода города за пределы старых стен в нем проживало порядка 100 греческих мужчин, но десятилетие спустя их количество достигло 2700. А к 1909 году население города выросло до 12 000 [*Lykourinos, 1997, p. 102*]. Кроме мусульман и православных греков, которые к началу XX века были представлены приблизительно равным образом, третья религиозно-этническая группа — евреи — составляла только 6–8% населения [*Stefanidou, 2007, p. 139*]. Те, кто работал в табачной индустрии, в основном проживали на северо-западе города, в мультиэтническом районе, неподалеку от складов. Эти люди жили в лачугах и небольших домах и не имели религиозного ядра в центре сообщества.

Будучи построенным на холме, расширяясь, город принимал форму амфитеатра, в центре которого полукругом расположилось табачное производство. Повседневные сцены, которые когда-то разыгрывались в этих декорациях, мельтешение цветов и гул разговоров городских улиц, запах табака и движение людей, которые живут его обработкой, очень красноречивы.

Город был настоящим ульем, где люди-пчелы входили и выходили из летков табачных ульев. Мужчины заканчивали работу раньше, и узкие улицы затапливала река людей, чьими единственными различимыми особенностями на таком расстоянии оказывались лишь красные фески и соломенные рыбацкие шляпы. Как только поток мужчин иссякал, через десять минут на улицы выплескивалась вторая волна, уже состоящая из женщин, в черных фартуках и с красочными зонтиками для защиты от жаркого солнца [*Pegios, 1984, p. 16–17*].

Мирные дни в городе нередко чередовались с уличными беспорядками. Еще в 1869 году работники табачных складов, требовавшие увеличения зарплаты, организовали первую массовую демонстрацию на улицах вокруг складов. Эти волнения закончились убийством одного из чиновников Османской табачной монополии и жестким вмешательством местной жандармерии [*Pegios, 1984, p. 13; Vyzikas, 1994, p. 12–13*]. В течение первого десятилетия XX века Кавалу потрясли несколько крупных забастовок. Члены профсоюза, включая как греков, так и мусульман и евреев, требовали увеличения оплаты труда и уменьшения рабочих часов.

Безработные, держа на руках своих маленьких детей (что также было частью борьбы), спускались вниз из всех городских районов. Они размахивали черными флагами и громко требовали работы — пособий — еды.... Они образовали бесконечный людской поток, заполнявший узкие городские улицы [*Pegios, 1984, p. 57*].

Технологические изменения вкупе с политическими потрясениями 1910-х годов еще больше радикализировали табачный профсоюз. В первый срок правительства Элефтериоса Венизелоса — с 1910 по 1914 год — экономическое развитие в Греции в основном шло за счет

⁷ Сегодня в одном из этих зданий — особняке Петра Герцога (1890) — находится мэрия Кавалы.

сельского хозяйства и повышения уровня жизни в целом. Государственный контроль над экономикой был значительно расширен во время второго срока правительства Венизелоса, с 1917 по 1920 год. В то время как предпринимались некоторые усилия по созданию базовой технической инфраструктуры, такие как строительство греческой государственной железной дороги, развитие промышленности все еще не выходило за рамки планов на бумаге. Тем не менее в табачной промышленности началось применение технологических инноваций — в частности, внедрение машин для механического скручивания сигарет привело к значительному падению зарплат рабочих. Кроме того, начало использования тонга, машин для прессовки табака, устанавливавшихся в *салониях* крупных компаний, привело к дальнейшему гендерному разделению труда, так как работать с ними позволялось только женщинам. Ответом правительства Венизелоса на радикализацию рабочего движения в табачной индустрии стали новые жесткие законы, усложняющие реализацию права на забастовки [Agriantoni, 2006]. Позднее, между 1920 и 1930 годами, забастовки были обычным делом на производстве, рабочие демонстрации стали повседневной реальностью жизни любого города, связанного с обработкой табака.

Именно в июне 1928 года рабочих табачных фабрик в Кавале призвали на крупнейшую забастовку в истории города. Швейцарский археолог Пауль Колларт, бывший проездом в городе в это время, коротко записал: «Вторник, 12 июня. Кавала утром. Забастовка рабочих табачной промышленности; патрули на улицах» [Bielmanetal, 2001, p. 21]. И хотя он пересекал город на следующий день после забастовки, он отметил множество местных жандармов, все еще патрулирующих улицы. Всего несколько часов назад они были заполнены разъяренными демонстрантами и жандармами, полными решимости жестко разогнать их [Vyzikas, 1994].

В начале 1930-х внедрение на табачных производствах Кавалы тонга-машин и механизированной обработки табака привело рабочих, в наибольшей мере пострадавших от этого, к противостоянию с полицией на улицах города и городских *капномагазах*. Это произошло в ходе забастовки с беспрецедентно высокой явкой, — забастовки, которая оказала огромное влияние на судьбу профсоюзного движения рабочих табачной промышленности Греции. Это было короткое объявление, которое заставило город содрогаться в течение пяти дней, попавшее в заголовки афинских газет и поставившее вопросы, которые были подняты в парламенте. 20 июля 1933 года одно из табачных предприятий Кавалы, использовавшее тонга-машины, разместило на входе в свой склад-*капномагаз* объявление, в котором говорилось, что все рабочие-мужчины будут уволены в течение трех дней. Впредь компания будет брать на работу только женщин, которые будут работать на тонга-машинах. Обслуживание этих агрегатов только женщинами должно было вдвое уменьшить расходы на обработку из-за меньшей оплаты труда и также ослабить профсоюзы, в которых доминировали мужчины. Тем же вечером мужчины-рабочие решились на сидячую забастовку в знак протеста против решения менеджмента. Забастовщики кричали из окон: «Мужчины на тонга!», в то время как их жены и дети вышли на демонстрацию на улицы города. Мужчины продолжали забастовку в течение пяти дней, с небольшим запасом еды и воды забаррикадировавшись мешками с табаком внутри фабрики, и покинули здание только после того, как правительство пообещало выполнить их требования. В том же году закон 5817/710/1933 сделал обязательным «нанимать мужчин-рабочих на работу с тонга».

Заключение

В этой статье я исследовала границы между табачными складами и городом, которые включают в себя также и политические столкновения между профсоюзами и полицией. Склады-*капномагаза* изучены как естественные механизмы по созданию границ между частными и публичными пространствами и их иерархией, отношениями между квалифицированными и чернорабочими, надзирателями и надзираемыми, забастовщиками и штрейкбрехерами.

В статье я показала, что эти ранние индустриальные постройки разрушили пространственные границы и во многих аспектах переконфигурировали старые идентичности в новые. Во-первых, первые предприниматели разместили свои склады-мануфактуры на городской карте таким образом, чтобы обеспечить максимальную продуктивность. Они выбрали удобное расположение с точки зрения транспортировки продукции, близости к местам произрастания табака и наличия рабочей силы. Вскоре Кавала выросла в важный торговый и политический центр на нестабильной географической карте. Городская буржуазия — местные торговцы табаком, консулы некоторых европейских стран и представители международного бизнеса — пе-

реопределили расположение центра города, его характер и его границы. И в процессе этого они переопределились и сами, став влиятельными промышленниками, публично представляющими свои достижения.

Во-вторых, прибывающие в город низкооплачиваемые сезонные работники становились фабричными рабочими, перенимая рабочую культуру и ритуалы, вписанные во внутреннее пространство складов-капномагаза. Несмотря на то что у рабочих никогда не было права голоса в процессе городского планирования, они были способны значительно повлиять на него. Не имея возможности жить в центре города, они селились в основном в северо-западной части Кавалы, превращая это место в район сопротивления. Еще в конце XIX века большое количество восстаний и забастовок переместилось на городские улицы, и рабочий образ жизни переместился из складов-мануфактур в городское пространство. Улицы города стали естественным продолжением рабочего пространства и местом ожесточенных схваток и сопротивления.

И наконец, внутреннее устройство пространства внутри складов-мануфактур указывало на гендерное разделение навыков, традиционное для работы, связанной с табаком. В течение 1920–1930-х годов технологические изменения в процессе обработки табака подорвали традиционную форму повседневной рутины и трансформировали неписанные правила, управлявшие работой внутри табачной салони. Установленная гендерная иерархия и структуры власти между рабочими подверглись опасности исключения мужчин из процесса производства с внедрением тонга-машин. Как здания могут играть активную роль в трансформировании идентичностей и служат доказательством перемен, так и капномагаза оказались способны сделать то же самое.

Рис. 2. Склады Австрийской табачной монополии, соединенные мостом, сейчас переделаны в торговый пассаж. На фото изображено расположенное в Кавале здание фирмы братьев Шинази — еврейских бизнесменов из Нью-Йорка — 1910 года постройки

Источник: фото предоставлено Камило Ноллас.

Рис. 1. Ряд новых табачных складов на набережной Кавалы. Грузенные табачком баржи вывозят тюки к кораблям, стоящим на рейде. К началу XX века большинство табачных складов были сосредоточены в прибрежной зоне и состояли из высоких, трех- и четырехэтажных строений или комплексов зданий

Источник: фото предоставлено муниципальным Музеем Кавалы.

Благодарности

Я хочу поблагодарить Маноли Коккино, библиотекаря Кавальской библиотеки, и Саппхо Ангелуоди-Закада за их помощь в поиске ресурсов, относящихся к складам-мануфактурам и табачной промышленности. Яннису Антонию и Эми Слэйтон я выражаю признательность за их ценные библиографические предложения. Я благодарю Альбену Яневу, Симона Гая, Яна Фишера и двух анонимных рецензентов за помощь в прояснении и укреплении моих аргументов. Кроме того, я благодарю Джанни Визику за его разрешение на публикацию фото 1, которое принадлежит муниципальному Музею Кавалы; Жана-Жака Страма и Патрика Мишель из Института археологии и наук о древности, Университет Лозанны, которые помогли

Рис. 3. Панорамный вид Кавалы, сделанный Полем Коллартом, скорее всего, в начале 1930-х годов. Справа виден старый город, ограниченный стеной, и акведук, который использовался до конца 1960-х годов. Вдоль береговой линии можно увидеть табачные склады

Источник: фото предоставлено Институтом археологии и древних наук, Собрание Пола Колларта.

мне найти и дали разрешение на использование фото 3 из коллекции Пола Колларта; фотографа и друга Камило Нолла — за разрешение использовать его фотографию (фото 2) и за развитие моего интереса к табачным складам-капномагаза благодаря его фотовыставке под названием Карпномагаза.

Источники

Айбар Э., Бейкер У. (2017) Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны//Социология власти. № 29 (1). С. 203–232.
 Agriantoni C. (2006) Venizelos and Economic Policy//The Trials of Statesmanship/P.Kitromilides (ed.). Athens: Institute for Hellenic Research – Edinburgh University Press. P. 254–318.
 Angeloudi-Zarkada S. (1986a) H Kavala os Kapnoupoli//Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias. Vol. 7. P. 9–14.
 Angeloudi-Zarkada S. (1986b) O Neoklasikismos stin Kavala//Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias Vol. 7. P. 15–22.
 Antoniou G. (2006) Oi Ellines Mlxanikoi, Thesmoi kai Idees 1900-1940. Athens: Bibliorama.

- Avdela E. (1993) O Sosialismos ton Allon: Taxikoi Agones, Ethnotikes Sigkrousis kai Tautotites Filou sti Metaothomaniki Thessaloniki//Ta Istorika. Vol. 18/19. P. 171–204.
 Banham R. (1986) A Concrete Atlantis: U.S. Industrial Building and European Modern Architecture, 1900–1925. Cambridge: MIT Press.
 Bielman A., Courtois Ch., Ducrey P., Franze B. (2001) Waldemar Deonna (1880–1959) – Paul Collart (1902–1981): Two Swiss Archaeologists Photographing Greece 1904–1939//Catalogue of an exhibition at Benaki Museum, Athens, March 15 – April 14, 2001. Athens: Benaki Museum.
 Biggs L. (1996) The Rational Factory: Architecture, Technology and Work in America's Age of Mass Production. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
 Bijker W., Bijsterveld K. (2000) Women Walking Through Plans: Technology, Democracy and Gender Identity//Technology and Culture. Vol. 41. P. 485–515.
 Bijker W. (1995) Of Bicycles, Bakelites and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, MA: MIT Press.
 Bijker W., Hughes T., Pinch T. (1999) The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology. Cambridge, MA: MIT Press.
 Bradley B. (1999) The Works. The Industrial Architecture of the United States. New York: Oxford University Press.
 Chatzeiosif Ch. (1986) Apopseis Giro apo ti Viosimotita ths Elladas kai to Rolo tis Viomixanias//Aferoma sto Niko Svorono. Vol. B. P. 330–368.
 Grint K., Woolgar S. (1997) The Machine at Work: Technology, Work and Organization. Cambridge: Polity Press.
 Hildebrand G. (1974) Designing for Industry: The Architecture of Albert Kahn. Cambridge: MIT Press.
 Horowitz R. (1997) "Where Men Will Not Work": Gender, Power, Space and the Sexual Division of Labor in America's Meatpacking Industry, 1890–1990//Technology and Culture. Vol. 38. No. 1. P. 187–213.
 Ioannidis I. (1998) To Kapniko stin Kavala. Kavala: Municipal Historical Museum Publications.
 Kaplani G. (2004) Tabakothikes: Koutia Kapnou kai Arravona. Athens: Olkos.
 Lewis R. (2001) Redesigning the Workplace: The North American Factory in the Interwar Period//Technology and Culture. Vol. 42. P. 665–856.
 Lykourinos K. (1997) 'To Kapnemporio tis Kavalasw kai to Ethniko Zitima stis Paramones tou Ethnikou Agona'//Ypostego, Periodiko Ekfrasis kai Logou. Vol. 8–9. P. 95–133.

- Meyer S. (1981) *The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908–1921*. Albany: State University of New York Press.
- Pegios G. (1984) *Apo tin Istoría tou Syndikalistikou Kínhmatos tis Kavalas (1922–1953)*. Athens: Pedagogical Books Organization. P. 16–17.
- Rose M., Tarr J. (1987) Introduction to the Issue on the City and Technology//*Journal of Urban History*. Vol. 14. P. 3–6.
- Slaton A. (2001) *Reinforced Concrete and the Modernization of American Building, 1900–1930*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Stefanidou A. (2007) *Η Πολι Λιμανι tis Kavalas kata tin Periodo tis Tourkokratias. Poleodomiki kai Istoriki Diereunisi*. Kavala: Historical and Folklore Museum.
- Tarr J. (1979) Introduction to the Issue on the City and Technology//*Journal of Urban History*. Vol. 5. P. 275–277.
- Vyzikas G. (1994) *Xroniko ton Kapnergatikon Agonon*. Kavala: Kavala Municipal Museum. P. 53–54.
- Walker M.A. (1864) *Through Macedonia to the Albanian Lakes*. London: Chapman-Hall.
- Yakoumaki P., Charitatos M. (1997) *I Istoría tou Ellinikou*. Athens: Greek Literary and Historical Archive.

MARIA RENTETZI

CONFIGURING IDENTITIES THROUGH INDUSTRIAL ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING:

GREEK TOBACCO WAREHOUSES IN LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY

Maria Rentetzi, Professor, Chair of Science, Technology and Gender Studies, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (FAU), Visiting Scholar, Max Planck Institute for the History of Science (MPI); 6, Bismarckstrasse, Erlangen, D-91054, Germany.

E-mail: mrentetzi@mpiwg-berlin.mpg.de

Abstract

In the late nineteenth century the city of Kavala, a town by the sea in northern Greece, was developed to one of the most important tobacco processing centers in the Balkan area. Powerful tobacco merchants mainly from the Hapsburg and Ottoman empires built a considerable number of tobacco warehouses thus redefining the center of the city, its character, as well as its borders. I argue that the architecture of those warehouses deeply configured the identities of tobacco workers and provided the means to tobacco merchants to publicly present themselves and their achievements. At the same time those early industrial buildings subverted the boundaries between the city and the factory, shedding light on the work culture and everyday lives of Greece's tobacco workers.

Keywords: tobacco warehouses; architecture and technology; technology studies; industrial design; gender; identity

Citation: Rentetzi M. (2020) Configuring Identities through Industrial Architecture and Urban Planning: Greek Tobacco Warehouses in Late Nineteenth and Early Twentieth Century. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 34–49. (in Russian)
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202034-49>

References

- Agriantoni C. (2006) Venizelos and Economic Policy. Kitromilides P. (ed.) *The Trials of Statesmanship*. Athens: Institute for Hellenic Research – Edinburgh University Press. Pp. 254–318.
- Aibar E., Bijker W. (1997) Constructing a City: The Cerda Plan for the Extension of Barcelona. *Science, Technology and Human*, vol. 22, no 1, pp. 3–30.
- Angeloudi-Zarkada S. (1986a) H Kavala os Kapnoupoli' [Kavala as a Tobacco Town]. *Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias* [Greek Technical Chamber of Commerce – Eastern Macedonia], vol. 7, pp. 9–14. (in Greek)
- Angeloudi-Zarkada S. (1986b) O Neoklasikismos stin Kavala [Neoclassicism in Kavala]. *Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias* [Greek Technical Chamber of Commerce – Eastern Macedonia], vol. 7, pp. 15–22. (in Greek)
- Antoniou G. (2006) Oi Ellines Mlxanikoi, Thesmoi kai Ideas 1900–1940 [Greek Engineers, Institutions and Ideas 1900–1940]. Athens: Bibliorama. (in Greek)
- Avdela E. (1993) O Sosialismos ton Allon: Taxikoi Agones, Ethnotikes Sigkrousis kai Tautotites Filou sti Metaothomaniki Thessaloniki [The Socialism of the 'Others': Class Struggle, Clashes Between Ethnicities and Gender Identities in Post-Ottoman Thessaloniki]. *Ta Istorika* [History], vol. 18/19, pp. 171–204. (in Greek)
- Banham R. (1986) *A Concrete Atlantis: U.S. Industrial Building and European Modern Architecture, 1900–1925*. Cambridge: MIT Press.
- Bielman A., Courtois Ch., Ducrey P., Franze B. (2001) Waldemar Deonna (1880–1959) – Paul Collart (1902–1981): Two Swiss Archaeologists Photographing Greece 1904–1939. *Catalogue of an exhibition at Benaki Museum, Athens, March 15 – April 14, 2001*. Athens: Benaki Museum.

- Biggs L. (1996) *The Rational Factory: Architecture, Technology and Work in America's Age of Mass Production*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Bijker W., Bijsterveld K. (2000) Women Walking Through Plans: Technology, Democracy and Gender Identity. *Technology and Culture*, vol. 41, pp. 485–515.
- Bijker W. (1995) *Of Bicycles, Bakelites and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bijker W., Hughes T., Pinch T. (1999) *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bradley B. (1999) *The Works. The Industrial Architecture of the United States*. New York: Oxford University Press.
- Chatzeiosif Ch. (1986) Apopseis Giro apo ti Viosimotita ths Elladas kai to Rolo tis Viomixanias' [Viewpoints on Greece's Viability and the Role of Industry]. *Aferoma sto Niko Svorono* [Special Edition on Nikos Svoronos], vol. B, pp. 330–368. (in Greek)
- Grint K., Woolgar S. (1997) *The Machine at Work: Technology, Work and Organization*. Cambridge: Polity Press.
- Hildebrand G. (1974) *Designing for Industry: The Architecture of Albert Kahn*. Cambridge: MIT Press.
- Horowitz R. (1997) "Where Men Will Not Work": Gender, Power, Space and the Sexual Division of Labor in America's Meatpacking Industry, 1890–1990. *Technology and Culture*, vol. 38, no 1, pp. 187–213.
- Ioannidis I. (1998) *To Kapniko stin Kavala* [Tobacco Matters in Kavala]. Kavala: Municipal Historical Museum Publications. (in Greek)
- Kaplani G. (2004) *Tabakothikes: Koutia Kapnou kai Arravona* [Cigarette Cases: Betrothal and Tobacco Boxes]. Athens: Olkos. (in Greek)
- Lewis R. (2001) Redesigning the Workplace: The North American Factory in the Interwar Period. *Technology and Culture*, vol. 42, pp. 665–856.
- Lykourinos K. (1997) 'To Kapnemporio tis Kavalasw kai to Ethniko Zitima stis Paramones tou Ethnikou Agona' [The Kavala Tobacco Trade and the National Question on the Eve of the National Struggle]. *Ypostego, Periodiko Ekfrasis kai Logou*, vol. 8–9, pp. 95–133. (in Greek)
- Meyer S. (1981) *The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908–1921*. Albany: State University of New York Press.
- Pegios G. (1984) *Apo tin Istorია tou Syndikalistikou Kinhmatos tis Kavalas (1922–1953)* [From the History of Kavala's Union Movement (1922–1953)]. Athens: Pedagogical Books Organization, pp. 16–17. (in Greek)
- Rose M., Tarr J. (1987) Introduction to the Issue on the City and Technology. *Journal of Urban History*, vol. 14, pp. 3–6.
- Slaton A. (2001) *Reinforced Concrete and the Modernization of American Building, 1900–1930*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Stefanidou A. (2007) *H Poli Limani tis Kavalas kata tin Periodo tis Tourkokratias. Poleodomiki kai Istoriki Diereunisi* [The City-Port of Kavala During the Turkish Domination. Urban and Historical Development]. Kavala: Historical and Folklore Museum. (in Greek)
- Tarr J. (1979) Introduction to the Issue on the City and Technology. *Journal of Urban History*, vol. 5, pp. 275–277.
- Vyzikas G. (1994) *Xroniko ton Kapnergatikon Agonon* [Chronicle of the Tobacco Workers' Struggle]. Kavala: Kavala Municipal Museum, pp. 53–54. (in Greek)
- Walker M.A. (1864) *Through Macedonia to the Albanian Lakes*. London: Chapman-Hall.
- Yakoumaki P., Charitatos M. (1997) *I Istorია tou Ellinikou Tsigarou* [The History of Greek Cigarette]. Athens: Greek Literary and Historical Archive. (in Greek)

НИКОЛАЙ РУДЕНКО

ОТ ЗАБВЕНИЯ ДО КАМНЕЙ ПРЕТКНОВЕНИЯ И ОБРАТНО:

АНАЛИЗ КОНТРОВЕРЗЫ ВОКРУГ КАЛИНИНГРАДСКОЙ БРУСЧАТКИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Руденко Николай Иванович, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге; аффилированный сотрудник Социологического института РАН (филиала ФНИСЦ РАН); Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, литера А.

E-mail: diogenstyx@gmail.com

Статья посвящена описанию и анализу ситуации контроверзы вокруг исторического брусчатого покрытия в городе Калининграде в 2010–2013 годах. В 2010-е годы в Калининграде начинается массовое асфальтирование улиц с немецкой брусчаткой, что вызывает недовольство и протесты горожан. Это приводит к появлению первого в городе активистского гражданского движения по защите города и исторического наследия «Спасем брусчатку!». Статья описывает условия появления этого движения, его динамику и причины исчезновения. В качестве теоретической рамки предлагается опереться на французскую традицию прагматической социологии. Так, главный фокус статьи сосредотачивается на том, как разворачивается контроверза вокруг вопроса «Сохранять или убирать историческую брусчатку с улиц города?». Обсуждается, какие ресурсы использует каждая из сторон (городская администрация и активистское движение), какие нормативные, институциональные и политические ограничения делают возможной или сужают критику действий городской администрации. В ходе исследования, опиравшегося на метод кейс-стади, были собраны 10 интервью с участниками движения, а также журналистами, архитекторами, инженерами и т.д., сделан анализ местной периодики, собраны и проанализированы посты и документы в онлайн-группе активистов. Статья показывает, что критика действий власти стала возможной благодаря СМИ, социальным сетям, обращениям к чиновникам, но при этом она была ограничена нормативными документами и административными барьерами.

Ключевые слова: городской активизм; прагматическая социология; брусчатка; Калининград

Цитирование: Руденко Н.И. (2020) От забвения до камней преткновения и обратно: анализ контроверзы вокруг калининградской брусчатки через призму прагматической социологии // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 50–70. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202050-70>

Введение

До того, как случились события, о которых пойдет речь в данной статье, то есть до 2010–2011 годов, в Калининграде не было сплоченной группы городских активистов, которые бы боролись за сохранение историко-культурного наследия города. Не было здесь и разделяемого всеми представления о брусчатке как важной части исторического наследия города. До 2010 года городская администрация едва ли жила в мире горожан и не пыталась говорить на их языке.

В 2017 году, когда автор данной статьи приехал в Калининград брать интервью о старинной немецкой брусчатке, в городе уже было городское активистское движение, которое боролось за трамвай, брусчатку, аллеи и другие важные для горожан объекты. Брусчатка стала культурной ценностью города, по крайней мере в дискурсивном пространстве. Городская администрация научилась говорить с горожанами.

Какие события в 2011–2013 годах привели к такой трансформации? Если говорить коротко — появилось движение «Спасем брусчатку!», которое изменило представление о том, что такое брусчатка Калининграда, и изменило паттерны коммуникации чиновников. Однако, несмотря на это, главная цель движения — создать долговременную стратегию обращения с брусчаткой и в перспективе со всем историческим наследием Восточной Пруссии — провалилась.

В данной статье успех и провал движения анализируются с позиции французской прагматической социологии.

Прагматическая социология города

Чтобы сделать понятными основные идеи прагматической социологии в контексте города, я начну с контрастного подхода городской социологии антропологического толка, а именно с работы городского антрополога Сеты Лоу. Лоу — один из классиков современных городских исследований, и в ее творчестве можно найти многие допущения, свойственные и для других городских теорий. Для Лоу важна дихотомия между видением города как машины роста и города, с одной стороны, как пространства повседневности, а с другой — как места памяти [Тыканова, 2013]. В концептуальном плане Лоу опирается на дихотомию «социальное производство — социальное конструирование». Эта дихотомия строится на идее того, что в городе есть «сильные» акторы, например федеральная и муниципальная власть и крупный бизнес, которые изменяют физическое, идеологическое, социальное и культурное пространство города, потому что обладают нужными ресурсами и видением. Однако в пространстве, которое они меняют, должны жить люди, «слабые» акторы, а у этих людей есть свое представление о пространстве, привычки, память. Когда пространство меняется сверху, это вызывает изменение подобных привычек и представлений и зачастую ведет к напряжению между акторами, и тем самым создается основание для активизма, критики и протестов [Low, 2000].

Прагматическая социология, на которой основана данная статья, проблематизирует все три элемента данного подхода, а именно: наличие сильных и слабых акторов, различие «производство — конструирование» и разделение на людей (которые протестуют) и вещи (по поводу которых спорят или которыми манипулируют во время протестов).

Ключевой момент прагматической социологии состоит в том, чтобы представить саму практику критики, оправдания и столкновения как продуктивный (перформативный) феномен, который перераспределяет власть, идентичности, компетенции и представления между участниками [Барт и др., 2019].

Так, после анализа кейса Пастера Бруно Латуром мы знаем, что сильные акторы не существуют с самого начала, они обретают силу, «заинтересовывая» других акторов и завязывая «союзнические» отношения с ними [Латур, 2002]. И, наоборот, сильные акторы могут терять свою силу, если их союзники отказывают им в поддержке или если их попытки сделать себя представителями других (как людей, так и вещей) проваливаются [Каллон, 2015].

В той же мере неверно говорить о том, что некоторые акторы занимаются производством, а другие — конструированием (в том смысле, что у одних есть способность манипулировать физическими характеристиками, а у других — символическими, такими как память, образы и пр.). Такое видение кажется частью старинного спора, где экономическое и технологическое развитие отдано на откуп капиталу, инженерам и чиновникам, а рабочий класс при поддержке культурной интеллигенции опирается на культуру [Williams, 1983]. С позиции прагматической социологии такое деление неверно, поскольку, как покажет дальнейшая история, обе стороны опираются и на производство, и на конструирование. Необходимо рассматривать эти процессы не как изначально принадлежащие отдельным группам, а как результат выстроенных диспозитивов, одни из которых позволяют — в определенное время — производить город материально, а другие — творить его в воображении и дискурсе.

Наконец, третья дихотомия между людьми и вещами также не признается в качестве значимой в прагматической социологии. По крайней мере не так, как ее может видеть критическая городская социология или антропология города. Во-первых, отказываясь от наивного социального конструктивизма, прагматическая социология утверждает, что мы не можем знать наперед, какими характеристиками обладают вещи, особенно вещи, вовлеченные в спор, пока не закончился сам спор. Как покажет история дальше, на характеристики вещей влияет то, как разные стороны выстраивают сети поддержки: при помощи привлечения инженеров, архитекторов, строителей, чиновников, краеведов можно внутри спора артикулировать и сделать релевантными такие свойства вещей, которых раньше не было. Вторая важная особенность вещей заключается в том, что они способны выступать доказательствами в пользу компетентности тех или иных социальных агентов либо же опорой для критики в некомпетентности. Как мы покажем дальше, активисты «Спасем брусчатку!» несколько раз прибегали к брусчатке как, сначала, опоре для демонстрации Калининграда как города с большой историей

и богатой историко-культурной средой; во-вторых, как к доказательству некомпетентности городской администрации в умении работать с городским пространством.

В отличие от критической социологии, прагматическая социология начинает с понятия спора. Повсеместность распространения критики в современных обществах говорит о том, что жители современных городов привыкли спорить и обосновывать свои позиции, и делают это относительно бескровно [Lemieux, 2018]. Чтобы отметить это, один из основоположников прагматической социологии, Люк Болтански, указывает на то, что любая критика начинается со своеобразного «скандала» — обвинения в нарушении какой-то важной для общества ценности (например, обвинения в коррупции). Однако затем вторая сторона, которую обвинили, почти всегда начинает доказывать свою невиновность или так или иначе высказывается по поводу обвинения. Таким образом, из «скандала» это превращается в «дело» или «историю» (affaire), которые характеризуются тем, что есть две спорящие стороны, у которых есть собственные (зачастую непересекающиеся) видения того, что происходит.

Городские протесты почти всегда характеризуются именно тем, что на публичном уровне представляют собой «историю». Актеры с одной стороны, например активисты, выступают против какой-то инициативы по изменению городского пространства, обосновывая это своим набором аргументов (культурной ценностью), в то время как с другой стороны им отвечают другие актеры, например, муниципальная власть, которые обосновывают свои действия по изменению города указанием на свой набор аргументов (например, действие в соответствии со стандартами и регламентами). Многие исследователи сосредотачивают свое внимание на динамике, ресурсах и результатах этих споров и при этом упускают тот факт, что для понимания городской жизни могут быть важны дебаты сами по себе.

Многие из работ городских исследователей, ориентирующихся на прагматическую социологию, направлены на описание действия активистов и городской власти с целью выявить грады, к которым апеллируют агенты, либо режимы вовлеченности, в которых они находятся¹ [Tykanova, Khokhlova, 2015; Tykanova, Khokhlova, 2019; Гладарев, 2012]. В основном концепты градов, миров, режимов вовлеченности используются как наиболее общие понятия, к которым сводятся отдельные эмпирические референты из поля: исследовательская работа направлена на то, чтобы соединить нарративы из интервью, СМИ и наблюдений с абстрактными градами или режимами, которые выделили классики прагматической социологии. Некоторые исследователи, к примеру петербургские социологи города Е. Тыканова и А. Хохлова, делают более интересные заходы, пытаются объединить теоретические ходы прагматической социологии с другими теориями (например, теорией стратегических действий А. Хиршмана), демонстрируя вариации градов внутри разных действий (выход, голос или лояльность) [Tykanova, Khokhlova, 2015]. Однако даже эти, более интересные, теоретические решения страдают от излишней реификации тех или иных режимов вовлечения или градов оправдания. Кажется, что здесь упускается важнейший момент для прагматической социологии — пытаться описать то, как протекает спор, кто в нем участвует, как трансформируются позиции сторон и, что также важно, как меняется то, по поводу чего спорят конфликтующие стороны. Как отмечают сами основатели подхода, абстрактные грады являются лишь выражением, грубой моделью того, к чему отсылают люди (современных западных обществ) в своих спорах. Они не предзаданы, они могут меняться внутри ситуации, и потому их нужно не реифицировать и канонизировать, но рассматривать лишь как временные подспорья в разворачивающихся дискуссиях [Lemieux, 2018].

Именно здесь возникает следующий важный аспект прагматической социологии — это вещи, вовлеченные в спор. Несмотря на то что практически все городские исследования протестов посвящены борьбе за городское пространство, в критических городских исследованиях очень редко встречаются отсылки к конкретным материальным характеристикам того, о чем спорят. Несмотря на то что сами агенты очень часто отсылают к материальным артефактам как к аргументам в свою пользу, исследователи чаще всего концентрируют свое внимание на том, какие интересы стоят за выбором артефактов, но не обращаются к состоянию или свойствам самих вещей. Между тем то, что отличает любой спор в современном мире, — это именно ука-

¹ Понятие градов, миров и режимов вовлеченности не являются эквивалентными. Первые два понятия вводятся и разъясняются в [Болтански, Тевено, 2013]. Второе понятие берет начало в более поздних работах Л. Тевено [Thévenot, 2001].

зание на конкретное состояние вещей. Для спора о сохранении или сносе здания важны как аргументы с помощью слов, так и опора на материальные артефакты, чтобы доказать, что архитектура здания действительно старинная, что она дорога для жителей города, насколько она действительно ветхая и т.д. Как отмечает исследователь прагматической социологии Томá Бенатуй, «хотя вещи могут квалифицироваться и ими можно по-разному манипулировать, эти манипуляции в некоторой степени зависят от самих объектов — действия не могут быть какими угодно» [Bénatouil, 1999].

Вещи и люди не существуют отдельно, опираясь на собственную агентность и сталкиваясь иногда друг с другом. Вещи и люди обычно соединены вместе в определенных местах, создавая социальную и материальную «оснастку» для действия. Такая комбинация людей и вещей называется диспозитивом² [Болтански, Тевено, 2013; Lemieux, 2018]. Диспозитивы всегда определенным образом упорядочены. Идея Болтански и Тевено состоит в том, что в современном нам мире они упорядочены на основании градов, то есть общих коллективных принципов (рынка, гражданственности, патриархата и пр.). Однако сами по себе диспозитивы всегда могут быть раскритикованы: если в них нет слаженности действия, то они являются удачной опорой для критики (к примеру, плохое состояние дорог в городе служит основанием для критики муниципальной власти в некомпетентности), и, наоборот, связность людей и вещей внутри диспозитивов дает возможность отбиться от критики. Прагматическая социология опирается на идею диспозитива, чтобы указать на то, что действуют не социальные агенты как таковые. И, естественно, не вещи. Действуют диспозитивы людей и вещей.

Таким образом, прагматическая социология — это инверсия традиционной социологии: она заходит не со стороны социальных агентов (например, городской администрации, активистов, городских сообществ и т.д.), чтобы показать, как устроено их взаимодействие [Breviglieri, Stavo-Devaugé, 1999]. Напротив, она сосредотачивается в первую очередь на действии (споре, серии актов, конфликте и т.д.), чтобы из него извлечь постепенно формирующиеся свойства и компетенции действующих диспозитивов. Именно в ситуации критики и обоснования, в ходе обвинений и демонстрации доказательств демонстрируются диспозитивы и сплоченность связей между ними. И потому вещи в таких спорах могут сыграть не менее решающую роль, чем люди.

В данной статье я использую озвученные выше методологические идеи прагматической социологии, чтобы проанализировать спор о калининградской брусчатке в 2011–2013 годах, в рамках которого был создан диспозитив гражданского движения в защиту города и по результатам которого брусчатка стала заметной частью историко-культурного наследия города.

Данные и методы

Данные были собраны в Калининграде в течение двух недель в конце мая — начале июня 2017 года. В ходе полевой работы было собрано 10 интервью с активистами движения «Спасем брусчатку!» (3) — архитекторами (2), журналистами (1), инженерами (1), краеведами (2), экспертами по городскому развитию (1). Многие из информантов участвовали в процессе защиты брусчатки в качестве активистов, но многие не имели к движению «Спасем брусчатку!» никакого отношения, это дало возможность создать более стереоскопическую картину произошедшего. Ограниченностью пула интервью является то, что мне не удалось взять интервью у городских чиновников. Однако мнения чиновников подробно приведены на страницах местных СМИ и даже в социальных сетях, которые также подробно анализируются.

Помимо формальных интервью проводились и фиксировались нерегулярные разговоры с жителями улиц с брусчаткой, а также таксистами Калининграда. Автор посетил музей «Фридландские ворота», книжный магазин с краеведческой литературой, прогулялся практически по всем брусчатым улицам Калининграда, делая записи о состоянии брусчатки на этих улицах и своих ощущениях от нее. Была собрана периодика ведущих калининград-

2 Мы оставляем в русской версии именно это слово, поскольку слово «сеть» по сложившейся в России традиции будет отсылать либо к социальным сетям, либо к акторно-сетевой теории, что не совсем релевантно для прагматической социологии. В русском переводе главного труда Болтански и Тевено [Болтански, Тевено, 2013] также используется слово «диспозитив», так что мы здесь лишь продолжаем традицию.

ских СМИ («Дворник», «Клопс», «Страна Калининград», «Новый Калининград», «Комсомольская правда. Калининград») за 2010–2017 годы — это издания, которые довольно много писали о брусчатке в городе и ситуации вокруг нее. Были проанализированы сообщения и документы в группе «Спасем брусчатку!» в социальной сети Facebook*, которая образовалась на волне активизма в 2012 году, в 2013-м стала менее активной, но до сих пор используется активными членами для коммуникации между собой и сообщений о новых действиях городской администрации.

Основной метод данного исследования — кейс-стади, где объектом выступила калининградская брусчатка как не бросающийся в глаза, но, что иронично, одновременно и самый заметный элемент городской среды. Подробно проанализировав все, что говорится и делается по поводу брусчатки, мне хотелось перейти к более общему суждению о том, как существует современный, хотя и уникальный российский город. Как в нем переплетены культурная логика, отсылающая к ценностям эстетики и истории, и технологическая логика с ее акцентом на эффективности, надежности и экономии? Каким образом возникают и почему проваливаются попытки изменить представление о городе и его функционировании?

Перед тем как я перейду к подробному описанию самого спора (контroversы) вокруг брусчатки, важно коротко рассказать об истории калининградской брусчатки в досоветское время и в период СССР.

История калининградской брусчатки

Брусчатка, о которой идет речь в данной статье, — это немецкая брусчатка, которой укладывали дороги Кёнигсберга в 1920–1930-е годы.³ В досоветский период брусчатка выступала основным дорожным материалом, и в городе было очень много мастеров-тесальщиков и множество фирм, которые занимались нарезанием, обработкой и укладкой камней. Некоторые информанты отмечали, что укладывать брусчатку могли военнопленные и бедные рабочие [Инф. Т].

В советские годы, несмотря на то что шло постепенное избавление от «немецкого» наследия (убирали надписи на немецком, при приезде высокопоставленных советских чиновников окрашивали красные черепичные крыши, в 1967 году взорвали руины Кёнигсбергского замка), брусчатка не убиралась с калининградских дорог. В итоге, как отмечает в интервью калининградский краевед, в этот период брусчатка воспринималась утилитарно: она была исключительно частью городской инфраструктуры и никак не проявлялась в качестве исторической или культурной ценности [Инф. И].

Интерес к брусчатке как к культурной достопримечательности и символу региональной специфики возник в 1990-е годы. По словам одного из информантов, в этот период из брусчатки стали не только выкладывать дорожки на дачах, но и строить целые заборы и даже башни.

Период 1990–2000-х годов показывает, что после распада СССР интерес к брусчатке в Калининграде проснулся. К ней впервые стали относиться не только как к дорожной инфраструктуре или объекту декора, но начали видеть в ней культурную ценность, а именно ценность чего-то немецкого и европейского. На это повлиял, например, тот факт, что брусчатые улицы в советском кинематографе ассоциировались с чем-то европейским, заграничным, престижным⁴. Дело было еще и в том, что в этот период начался процесс постепенного признания важности культурного наследия Германии для Калининграда. Оно стало модным и ценным, а брусчатка была его составной частью. Несмотря на этот поворот в отношении к брусчатке, в медиапространстве города не было никакого дискурса, который говорил бы об историко-культурной ценности брусчатки. В той же мере городская власть относилась к брусчатке скорее как к дорожному материалу, время от времени заменяя ее на асфальт.

Если бросить взгляд на этот краткий исторический экскурс, то будет видно, что бывшая немецкая брусчатка не имела никакой значимости как историко-культурный объект. К началу

3 Калининград и Калининградская область (северная часть Восточной Пруссии) вошли в состав СССР в 1945 году по результатам Постдамской конференции. До 1946 года город назывался Кёнигсберг, но в 1946 году, после смерти Михаила Калинина, он был переименован в Калининград.

4 Подробнее об этом: [Димке, Руденко, 2017].

2010-х годов она была, по сути, историческим пережитком, который к тому же скорее мешал автомобилизации и строительному буму города, чем помогал ему⁵. Ее терпели как необходимость, и при наличии бюджета городская администрация старалась заменить ее на асфальт. Удивительно, учитывая все это, что уже через пару лет брусчатка станет одной из самых важных и обсуждаемых тем Калининграда, превратится в историческую достопримечательность города, а также спровоцирует городских активистов на то, чтобы предпринять весьма амбициозную попытку поучаствовать в развитии города.

Таблица 1. Основные этапы, события, результаты и диспозитивы спора вокруг калининградской брусчатки в 2010–2013 годах

Период	Этап	Что произошло	Результат	Основные диспозитивы спора
Ноябрь – декабрь 2010 года	Первый этап. Первые столкновения	Жители Парковой аллеи протестуют. Встреча жителей с мэром	Отказ от асфальтирования Парковой аллеи. Обсуждение брусчатки в «Живом журнале»	СМИ («Комсомольская правда»)
Январь – декабрь 2011 года	Второй этап. Нарастание протестов	Увеличение количества протестов. Составление списка улиц с брусчаткой и его обсуждение	Составление списка улиц с брусчаткой; опрос и критика администрации на форуме	СМИ («Клопс», «КП»), опрос, форум
Декабрь 2011 года – январь 2012 года	Третий этап. Восхождение к общему	Появление движения «Спасем брусчатку!». Открытое письмо	Восхождение к общему – защите исторического наследия Калининграда	СМИ, опрос, форум, группа «Спасем брусчатку!» в Facebook*, открытое письмо
Январь – август 2012 года	Четвертый этап. Раскручивание спора	Спор между движением «Спасем брусчатку!» и администрацией Калининграда. Углубление критики	Брусчатка признается культурным наследием дискурсивно. Создается Общественный совет, намечается регламент работы с брусчаткой	СМИ, форум, группа «Спасем брусчатку!» в Facebook*, коммуникация с пресс-службой, встречи в администрации
Сентябрь 2012 года – март 2013 года	Пятый этап. Закрытие спора	Критика действий движения в нормативном, экспертном и техническом измерении. Распад движения	Распад движения	СМИ, форум, группа «Спасем брусчатку!» в Facebook*, коммуникация с заместителем мэра; экспертный круглый стол, открытое письмо
Март 2013 года – современное состояние	Шестой этап. Последствия спора	Сохранение культурной ценности брусчатки, появление городского движения, появление коммуникативных способностей администрации	В публичном дискурсе брусчатка – историческое наследие, в городе появилось общественное движение, администрация научилась разговаривать с жителями	СМИ, группа «Спасем брусчатку!» в Facebook*

Источник: составлено автором на основе анализа эмпирических данных.

⁵ Как отмечает в интервью инженер-строитель, в 1990-е годы в связи с бумом автомобилизации брусчатка скорее мешала развитию транспортной сети города, однако денег на ее массовую переукладку не было [Инф. Т].

Спор по поводу брусчатки⁶

Первый этап. Первые столкновения

Фокусированное, но эпизодическое снятие брусчатки и ее замена на асфальт начинаются в Калининграде в 2000-е годы, что связано с выделением федеральных денег городскому бюджету [Денисенков, 2013]. В целом еще с советских времен существовала альтернатива замене брусчатки асфальтом — это перекладка брусчатки. Однако в 2000–2010 годы брусчатка именно снимается с нескольких улиц для замены на асфальт, что вызывает редкие протесты граждан. С 2010 года замена ведется активнее. Самый показательный случай — снятие брусчатки с одной из центральных и старых улиц города, Парковой аллеи. Жители этой улицы протестуют против демонтажа брусчатки, что приводит к столкновениям с компанией, которая занимается демонтажем брусчатки. Конфликт приобретает общегородской масштаб, когда в нему подключаются журналисты местной «Комсомольской правды», которые организуют акцию «Спасем брусчатку старого города!», а также печатают разноречивые мнения о необходимости брусчатки. Чтобы уладить конфликт с жителями Парковой аллеи, с ними встречается мэр города, после встречи он решает приостановить асфальтирование улицы. «Комсомольская правда» в рамках этого спора публикует мнение жителей улиц с брусчаткой и экспертов об этом покрытии. В защиту своей позиции оставить камни на улицах опрошенные отсылают и к физическим свойствам брусчатки (сцепление колес с камнем лучше, чем с асфальтом, это более устойчивое покрытие) и к ее историко-культурным свойствам (она придает своеобразие Калининграду).

Также мэр публикует в своем «Живом журнале» пост о том, что «булыжные мостовые, за сохранение которых выступают жители, действительно являются следами прошлого на наших улицах», но далее он пишет, что перекаладывать брусчатку — тяжелый труд, специалистов для этого мало, а для самого города это дорого [Про брусчатку, 2010]. Он приходит к выводу, что нужно либо тратить деньги на дорогой ремонт исторического покрытия, либо асфальтировать дороги. Важно отметить, что уже в этом посте мэр вводит различие между улицами с интенсивным движением и историческими мостовыми. Под его постом набирается 83 комментария как от защитников брусчатки, так и от тех, кто выступает за асфальтирование улиц.

Таким образом, в ходе первого столкновения жителей Парковой аллеи и мэра города по поводу брусчатки мы видим, как формируются группы сторонников и противников снятия брусчатки, проявляются диспозитивы (СМИ, «Живой журнал»), которые обеспечивают возможность критики и споров. Однако основные действия будут происходить уже после.

Второй этап. Нарастание протестов

В 2011 году брусчатку продолжают снимать, при этом вслед за спальными историческими районами захватывают и центр города — небольшие придомовые улицы (ул. 1812 года, ул. Космическая) и широкие и оживленные магистрали (улица 9 Апреля). Снятие сопровождается протестами жителей улиц, где это происходит. Не только «Комсомольская правда», но и местное издание «Клопс» организует кампанию по составлению списка улиц, где еще лежит брусчатка [Составим список..., 2011]. В свою очередь, администрация города пытается провести свое исследование общественного мнения по поводу брусчатки: в управляющие компании поступает обращение изучить мнение жильцов о брусчатке.

Летом 2011 года городская администрация проводит оперативное совещание, где принимает решение успокоить граждан, но при этом продолжить снимать брусчатку. Это делается с помощью такого объекта, как список улиц. К концу 2011 года архитекторы и чиновники администрации предлагают два списка улиц: один будет включать улицы, где нужно оставить брусчатку, второй — где ее нужно убрать. При этом оба заместителя мэра выражали негативное отношение к брусчатке, приводя разные доводы: сомнения в ее прочности и безопасности,

⁶ В силу того, что количество знаков в статье ограничено, я не буду ссылаться на все СМИ, которые использовались в качестве источников. Я буду давать ссылку только на самые важные для данной истории тексты. В табл. 1 для удобства сведены все этапы, события, результаты и диспозитивы, о которых я рассказываю в этом параграфе.

а также то, что жителям улиц с брусчаткой неудобно по ней ходить в сандалиях, возить коляски и ездить на велосипеде [*Власти предлагают...*, 2011].

В конце года, 28 декабря, администрация опубликовала на своем сайте файл Excel, где был приведен список из 106 улиц города с брусчаткой, 46 из них были отмечены как требующие асфальтирования, а остальные 60 было запланировано оставить с брусчаткой. К файлу было приложено голосование и открыто обсуждение на форуме администрации для комментариев. Жителям отвели два месяца на обсуждение на форуме, после чего список улиц должны были передать для утверждения в Окружной совет депутатов (местный законодательный орган).

К содержанию голосования (и его результатам) доступа получить, к сожалению, не удалось, сами результаты были удалены с сайта городской администрации, хотя другие опросы находятся там до сих пор [*Опросы*, 2020]. Однако комментарии на форуме доступны. На момент исследования в 2017 году там было оставлено 350 сообщений, причем много сообщений было сделано уже после того, как голосование закрылось. Чтение комментариев показывает, что мнения горожан кардинально разделились, и брусчатка стала объектом споров.

Десятки аргументов были высказаны на форуме за и против брусчатки на улицах городов. Среди аргументов за: брусчатка создает в городе уникальную атмосферу, она красивая, она — отголосок истории, экологична, в Европе от брусчатки не избавляются, брусчатка — это «естественный» тормоз, который не позволяет лихачам гонять по городу на большой скорости. Противники брусчатки отмечали среди прочего, что брусчатка шумна, создает пробки, быстро проседает, портит машины, что на нее нельзя нанести разметку [*Форум*, 2020].

Подытоживая этот этап развития публичного спора, стоит отметить, что организованными ею голосованием и обсуждением администрация города открыла «ящик Пандоры». Во-первых, комментарии на форуме показали, что защитников брусчатки действительно много⁷. Во-вторых, многие пользователи писали не о брусчатке, а о разочаровании от того, как администрация работает с общественностью. Иными словами, критике подвергся не объект спора, а сам диспозитив организации спора. Так, одна из пользовательниц писала: «Согласна со всеми, кто уже написал выше о том, что это не опрос вовсе. Каким образом мы увидим реальное количество проголосовавших за брусчатку и против нее?????! В общем, очередная фальсификация» [*Форум*, 2020]. В-третьих, во многих комментариях пользователи писали не о судьбе брусчатки, а подвергали сомнению способность городской администрации работать с брусчаткой из-за коррупции или низкой компетенции. Наконец, в-четвертых, это обсуждение стало площадкой, на которой начало формироваться инициативное движение, впоследствии ставшее «Спасем брусчатку!». Многие из будущих участников этого движения высказывали свое мнение на форуме, а некоторые даже предложили программу общественного движения в защиту брусчатки. В следующем параграфе будет рассказано, как оно появилось.

Третий этап. Восхождение к общему

Организация инициативной группы по защите брусчатки стала следствием критики планов администрации по массовой замене брусчатки на асфальт, ее неспособности вести диалог с общественностью, а также отсутствию у нее планов работы с историческим наследием Калининграда. Одна из участниц «Спасем брусчатку!» в интервью отмечала, что брусчатка была точкой консолидации горожан, недовольных политикой администрации в отношении не только брусчатки, но и всего исторического наследия города [*Инф. О*]. По словам другой участницы, процесс принятия решения по поводу замены брусчатки асфальтом не был открытым. И когда администрация города опубликовала «голосование» и «все увидели количество улиц и в том числе многие увидели свои улицы, то почувствовали угрозу тому, что существенная часть историко-культурного облика города исчезнет, и тогда возникла какая-то критическая масса народа активного, которая сказала: “Ну давайте все-таки не дадим этого сделать!”» [*Инф. Л.*].

Заслуга движения «Спасем брусчатку!» заключалась в том, что оно способствовало повышению уровня обсуждения — с вопроса о сохранении брусчатки на отдельных улицах, акту-

⁷ Примерный порядок соотношения защитников и противников брусчатки такой: около 70% комментариев было за сохранение, 25% — за замену на асфальт, около 5% — предлагали компромиссные варианты.

ального в 2010–2011 годах, перешли к проблеме сохранения историко-культурного наследия Калининградской области в целом. В прагматической социологии это называется «восхождение к общему» [Lemieux, 2018]. Публичные споры, говорят сторонники этого направления, требуют того, чтобы они шли по поводу публичного блага, которое разделяется многими. А это предполагает превращение индивидуальных проблем в коллективные. Брусчатка, которую снимали с улиц, могла вызвать недовольство отдельных людей, которым они могли делиться даже на страницах газет. Но оно все еще оставалось индивидуальным недовольством. Движение «Спасем брусчатку!» превратило его в коллективное недовольство, но не просто политикой в отношении брусчатки, а политикой в отношении всего культурного наследия города.

Кроме того, движение расширило репертуар диспозитивов спора. Активисты организовали группу в Facebook*, где стали собирать, анализировать и обсуждать проблемы, связанные с демонтажем брусчатки, а также с историческим наследием в целом. Они написали открытое письмо губернатору Калининградской области, председателю Калининградской областной Думы и мэру города [Обращение, 2012]. Авторы письма обвиняли городскую администрацию в том, что ее политика в отношении культурного наследия фрагментарная и недальновидная, что она попусту тратит бюджетные деньги (на ремонт улиц, где ремонт не нужен), что по настоящему не прислушивается к мнению жителей.

Однако обвинениями авторы не ограничились: тогда бы и самого движения не существовало. В заключительной части письма подписавшие изложили предложения (по сути, требования), которые стали программой движения на следующий год его существования. Важно выделить три из них:

1. Приостановить замену брусчатки на асфальт до принятия «общественно-приемлемых решений».
2. Создать рабочую группу по решению вопроса брусчатки.
3. Отнести брусчатку к объектам историко-культурного наследия.

Письмо было открытым, и его подписали 476 жителей Калининграда и других городов, включая директоров музеев, архитекторов, университетских профессоров, заслуженных художников, редакторов газет и т.д. Сторонники движения «Спасем брусчатку!» не только смогли совершить восхождение к общему в открытом письме, но и собрали сильную команду «союзников», которые были заинтересованы в решении проблемы с брусчаткой. В отличие от анонимов на форуме городской администрации, от которых можно было легко отмахнуться, это были конкретные люди (в том числе очень статусные), которые были недовольны и которым нужно было что-то ответить.

Уже через 10 дней после публикации письма мэр города встретился с активистами из движения «Спасем брусчатку!».

Таким образом, на данном этапе всего за месяц (декабрь 2011 года — январь 2012 года) произошло «восхождение к общему»: индивидуальное недовольство жителей улиц, с которых снимали брусчатку, превратилось в коллективную общественную инициативу по сохранению исторического наследия города. Это было достигнуто за счет объединения критики работы с брусчаткой и критики текущей работы городской администрации с общественным мнением.

Четвертый этап. Раскручивание спора

Следующий этап — с января по август 2012 года — характеризуется попытками разрешить спор «снимать или не снимать брусчатку с улиц Калининграда».

Однако первые встречи движения с мэром и его заместителями демонстрируют столкновение совершенно разных логик и «градов оправдания» [Болтански, Тевено, 2012]. На первой встрече заместитель мэра по архитектуре отмечал, что при решении вопросов оставления или снятия брусчатки нужно исходить из того, что «все-таки в XXI веке живем», то есть опираться на критерии комфорта, удобства и удовлетворенности горожан. Его основные аргументы касались того, что переукладывание брусчатки — это долгий процесс, для которого придется перекрывать улицу на длительный срок. Представительница движения «Спасем брусчатку!», напротив, попыталась сохранить переход к общему, который был сделан в открытом письме: она указывала, что проблема не в брусчатке, а в историческом облике города. Брусчатка и другие элементы истории города — это ресурс его развития. Если коротко, то с одной точки зрения

брусчатка была частью городской инфраструктуры, а с другой — частью культурного наследия. Соответственно, каждое из этих видений определяло ответ на вопрос: оставлять или убирать?

На том же заседании мэр, несмотря на конфликтующие взгляды на брусчатку, предложил создать рабочую группу по работе с брусчаткой при главе города. Позднее этот орган был назван Общественным советом, о чем пиар-служба мэра отчитывалась на страницах городских газет. Главой совета был назначен заместитель мэра, который, как уже было заметно, видел в брусчатке почти исключительно городскую инфраструктуру. Участники движения были недовольны этим назначением.

Стоит сделать небольшое отступление. Почему мэр стал встречаться со сторонниками общественного движения? Многие участники этого движения и журналисты отмечали, что дело было в том, что в октябре 2012 года должны были пройти выборы мэра. Вероятно, в связи с этим в начале 2012 года действующий мэр, который стремился переизбраться, начал серию встреч с «представителями общественности». Мэр встречался с недовольными садоводами, предпринимателями, молодежью, военно-патриотическими организациями. «Защитники брусчатки» также оказались среди тех, с кем была организована коммуникация. Речь идет о действительно полноценной коммуникации: для этого мэр наделил свою пиар-службу обязанностями организовать постоянные встречи инициативной группы с ним и его заместителями и передавать ему от движения «Спасем брусчатку!» документы и обращения. По сути, использование пиар-службы для коммуникации сильно сокращало время общения между мэром и движением. Таким образом, можно отметить, что диспозитив спора был еще больше расширен. К группе в Facebook*, форуму на сайте администрации, городским газетам и открытому письму добавился прямой канал коммуникации с пресс-службой мэра [Инф. Л].

Однако последующие взаимодействия с мэром и его заместителями привели лишь к углублению спора, но не к его разрешению. Это видно по встрече рабочей группы, которая состоялась в конце января. Она показательна по двум причинам. Во-первых, участники движения предложили свою версию Общественного совета с предложением состава, организации работы, задач данного органа. В предложении инициативной группы Совет должен формироваться из граждан Калининграда, которым интересно участвовать в нем; председатель избирается общим голосованием; Совет занимается стратегией развития Калининграда, в первую очередь развитием историко-культурного наследия.

Однако данное предложение было отклонено представителями администрации города. Главный аргумент в пользу отклонения — и он станет очень важным для всей коммуникации городской администрации и активистов — состоял в том, что по закону совет не мог подменять функции органов государственной местной власти. Иначе говоря, решения Совета могли иметь только рекомендательный характер. Во-вторых, в Общественный совет нужно было обязательно включать чиновников и депутатов Окружного совета, причем они обязательно должны были быть председателями и секретарями. Этот вопрос о Совете останется подвешенным, и после заседания движение обратится к мэру за помощью в договоренности с администрацией⁸.

Здесь важно отметить, что сама городская администрация на этом этапе была не столь монолитна, как могло показаться в ранние периоды. Для движения мэр был человеком с политической волей: вопреки ограничениям законодательных актов и нежеланию чиновников, он мог продвинуть какое-то решение (например, отказаться от бюджетных денег в пользу сохранения брусчатого покрытия). Поэтому оно несколько раз обращалось к мэру, чтобы он повлиял на своих подчиненных. На этом этапе городская администрация «раскалывается» на три лагеря: первый — это мэр, у которого есть политическая воля, второй — это крупные чиновники, обычно его заместители, на которых легла основная работа по утверждению договоренностей с активистами, и третий — остальные чиновники, которые просто делали то, что им говорили. Последние, как отмечалось в интервью, осуществляли «максимальное переключивание ответственности с себя на вот этого человека <мэра>» и не имели прав голоса [Инф. А].

На той же встрече движение в нескольких аспектах изменило свой курс действий. Во-первых, участники «Спасем брусчатку!» стали апеллировать к нормативным актам, а не просто к общественному мнению. Они указали на то, что в 2001 году прежней администрацией были проведены исследования, которые показали, что с брусчаткой городская среда более эконо-

⁸ Необходимость в другом Совете была связана с тем, что, по мнению участников движения, с заместителем мэра невозможно договориться и уладить спор о брусчатке.

мичная и эстетичная. Апелляция к нормативным актам была связана отчасти с тем, что активность проявили архитекторы, а отчасти — с тем, что чиновники хорошо понимали язык нормативных актов, а не красивые метафоры. Во-вторых, основной упор в обсуждении был сделан на то, как происходит заказ строительных работ, как контролируется его выполнение, куда направляется и где хранится брусчатка. То есть от первоначальных разговоров об историческом наследии в тот момент отказались. Согласно комментарию одной из участниц, хотя внутри группы они говорили и писали про брусчатку как культурное наследие и даже были предложены такие метафоры брусчатки, как «кожа города» или «машина времени»⁹, в коммуникации с чиновниками они такими метафорами не пользовались. «Я не могу себе представить, — говорит она, — что мы придем к мэру или к начальнику по дорожным работам и будем им про кожу говорить. Потому что он нам скажет: “У меня там письма <от недовольных жителей> говорят, что нужно снять брусчатку”» [Инф. А.]

Иначе говоря, на этом этапе произошло изменение дискурса движения в споре. Отстаивая культурную ценность брусчатки, общество в своем дискурсе начало реагировать на аргументы городской администрации, что брусчатка — это, может, и историческая ценность, но она неудобна для современного города. Аргумент движения теперь состоял в том, что брусчатка была бы удобной, если бы городская администрация научилась ее перекладывать. После встреч с движением отменяются многие решения по асфальтированию улиц Калининграда в 2012 году.

Казалось, что спор начинал потихоньку разрешаться: мэр прислушивался к движению и администрация переставала снимать брусчатку. Аргументы о том, что брусчатка — это дорого, долго, шумно и непрочно, как будто уступили аргументам о том, что ее надо сохранять, поскольку это культурная достопримечательность Калининграда и поскольку, главное, так считают многие жители города и избиратели.

Однако лето 2012 года показало, что спор еще не закончился. В июне прошла еще одна встреча с мэром города и его заместителями. На этой встрече активисты движения предложили на уровне города признать, что брусчатка — это историческое наследие и нужно сохранять ее везде, где это возможно. Они предлагали зафиксировать это в специальном регламенте, который имел бы обязательный характер для всех чиновников города. Однако заместитель мэра по строительству был с этим не согласен. Он указал, что ремонт дорог и демонтаж брусчатки финансируются по федеральной программе. Если признать брусчатку наследием, надо отказываться от ремонта, но тогда город потеряет много денег. Кроме того, он настаивал, что жители все же недовольны самой брусчаткой как покрытием. Активисты обвинили чиновников в том, что те просто хотят получить как можно больше денег, не заботясь о городе, и указали на то, что намечен ремонт нескольких улиц, находившихся в отличном состоянии.

На этой встрече мэр опять встал на сторону защитников брусчатки. Он отметил, что брусчатку в целом будут в городе сохранять и что администрация создаст специальную группу, которая обсудит регламент по сохранению брусчатки в Калининграде.

Как мы видим, мэр уже на второй встрече поддерживал не своих заместителей с их аргументами о потере финансов и строительных проблемах, а гражданскую инициативу. Причем это делалось как в отношении демонтажа брусчатки, так и в отношении принятия регламента, то есть изменения нормативной документации.

Еще одной важной мини-победой движения в этот период было то, что участники движения посетили склад (бывшее трамвайное депо), где хранилась снятая брусчатка. Оказалось, что большая часть снятой брусчатки находится не у государства, а у частных строительных фирм, которые асфальтируют улицы и снятые камни хранят у себя. Как пояснил директор этого склада, еще четыре года назад (то есть в 2008 году) брусчатка считалась просто строительным бутлом, который используют как сопутствующий материал, не заботясь о нем. Еще недавно брусчатка никого не волновала, а теперь администрация обещает бережно хранить ее на специальных складах. Что, как не это, является подтверждением того, что брусчатка обрела статус историко-культурного наследия, правда пока только в публичном дискурсе?

Таким образом, разворачивание спора состояло в том, что общественное движение переключилось с дихотомии «сохранять или не сохранять» на критику работы городской админи-

⁹ В том смысле, что она переносит пешеходов буквально физически в другое, старинное, пространство: см. схожий аргумент в [Димке, Руденко, 2017].

страции с брусчаткой, а также на создание нормативного регламента работы с брусчаткой. Успех и в том, и в другом направлении мог бы закрепить роль гражданской экспертизы в работе с городским пространством и сделать брусчатку культурной ценностью не только в публичном дискурсе, но и в нормативных документах. Однако, как покажет следующий, заключительный этап, этого не произошло.

Пятый этап. Закрытие спора

Прагматическая социология рассматривает силу и слабость акторов как относительные сущности: никто не может быть силен или слаб от природы, но вынужден опираться на ресурсы, позволяющие быть сильным или лишаящие силы. Когда движение «Спасем брусчатку!» стало выдвигать аргументы относительно нормативного регламента и фокусировать внимание на том, как городские власти работают с брусчаткой, оно вступило в противостояние с такими элементами выстроенной городской властью сети, которые оказались более прочными и которые инициативная группа не смогла мобилизовать в свою пользу.

Прежде всего, движение не смогло подтвердить свои обвинения, что городская администрация и компании, занимающиеся переукладкой брусчатки в Калининграде, работают с камнем некомпетентно. Здесь стоит привести случай с инспекцией переукладывания брусчатки на улице Тельмана в июле 2012 года. Тельмана — старая и одна из самых известных улиц Калининграда, названная в честь немецкого коммуниста Эрнста Тельмана, погибшего в Бухенвальде. Она выложена брусчаткой и идет мимо элитных особняков; рядом — Верхнее озеро, одно из главных мест отдыха жителей города. Брусчатка на Тельмана примечательна тем, что в полной мере воплощает в себе и артикулирует аргументы участников спора. С одной стороны, она вписывается в исторический антураж, сама по себе очень эстетична и красиво выложена «павлиньим пером». С другой стороны, Тельмана — это улица с интенсивным движением, ею часто пользуются те, кто едет из центра города на север и северо-восток. Здесь большой поток машин и состояние брусчатки кое-где не очень хорошее. Городские чиновники часто ссылались на этот факт, говоря о том, что брусчатка не выдерживает интенсивности движения и ее нужно убрать. Но движение за спасение брусчатки на это отвечало, что проблема не в самой брусчатке, а в том, что ее не умеют переукладывать. Именно с этим были связаны вопросы на одной из встреч в июле 2012 года: кто и как контролирует укладку брусчатки? Возможно, вина в плохом состоянии брусчатки на городской администрации, которая не умеет контролировать качество ее укладки? Чтобы проверить и подтвердить это, в июле 2012 года инициативная группа, мэр и заместители мэра отправились на Тельмана, чтобы на месте оценить качество работ.

На встрече участники движения раскритиковали способ укладки брусчатки, отметив среди прочего, что расстояние между камнями шире, чем нужно, камни большего размера, чем указано в нормах, траектория укладки не соответствует технологии и различается от места к месту и т.д. [Новожилова, 2012]. По сути, здесь выдвигается обвинение как дорожной компании-укладчику, так и чиновникам. От компании на встрече присутствовал главный инженер, он был недоволен комментариями и заявил в ответ, что работы еще не закончены, что технологии укладки применяются к калиброванному (то есть имеющему одну и ту же высоту и ширину) камню, а они работают с некалиброванным камнем, что дорогу еще не трамбовали и т.д. В свою очередь, заместитель мэра отверг все обвинения активистов, сказав, что дорожная компания не вела полноценный ремонт камня, а лишь «приводила дорожное покрытие к нужной геометрии» [Там же].

Этот случай весьма показателен с точки зрения прагматической социологии. Эта социология внимательна к проверкам слов и квалификаций, которые даются людям и объектам. Вспомним, что чиновники и сам мэр в разных спорах с 2010 года указывали на то, что брусчатка — менее прочное покрытие. Защитники брусчатки на встречах в начале 2012 года раскритиковали этот взгляд, заменив его двумя другими квалификациями: это не брусчатка не прочна, это а) дорожные компании не умеют ее переукладывать, б) администрация города не умеет следить за качеством укладки. Они выехали на место, чтобы доказать это. И оказалось, что они правы: технология не соблюдалась. Однако им было отказано в этой критике под предлогом незаконченности работы. Вдобавок их квалификации подверглись критике со стороны самих чиновников, потому что, как оказалось, есть разные типы работ с дорож-

ным покрытием: одна — полноценный ремонт, другая — «приведение дорожного покрытия к нужной геометрии». Фактически это означало, что городская администрация сознательно опиралась на позицию не производить полноценного (а значит, технологически верного) ремонта улицы и ее можно было обвинить в том, что она сама же и создавала брусчатку низкой прочности.

После проверки брусчатки на Тельмана движение пишет письмо мэру, обвиняя чиновников в том, что они сами создают основания для плохого ремонта улиц с брусчаткой. Однако в этот, третий, раз мэр (впервые) их не поддерживает. Он защищает позиции дорожной компании и чиновников. Так, в ответном письме он отмечает: «Сертифицированной лабораторией ООО «Калининградстройхолдинг» 24 июля 2012 г. <...> были проведены контрольные замеры коэффициента уплотнения основания, межплиточной засыпки и подстилающего песчаного слоя. Расхождений с требованиями... СНиП не отмечено»¹⁰. Отсылка к лаборатории очень примечательна. Тем самым отклоняются любые аргументы с замерами расстояний между камнями, которые инициативная группа делала «на глазок». Привлечение науки в качестве союзника — это сильный ход, позволяющий отвергнуть почти любые обвинения. На это движение могло мало что ответить.

Вторым фактором проигрыша движения была его попытка написать и принять регламент обращения с брусчатым камнем в городе. Эта попытка была предпринята осенью 2012 года. Общая идея регламента состояла в том, что брусчатое покрытие априори признается исторической ценностью и в случае его снятия городская администрация должна предъявить причины и доказать, что такое снятие необходимо. Помимо этого, предлагалось разработать проект муниципального технического стандарта работ с брусчатым камнем и разработать программу возвращения демонтированного камня обратно в эксплуатацию. Этот регламент преследовал цель, заявленную движением еще в открытом письме в начале года: создать стратегию работы с брусчаткой на городском уровне.

В ноябре 2012 года этот грандиозный документ отправляется в городскую администрацию. В сентябре-октябре проходят выборы мэра, и 1 ноября мэр переизбирается на очередной срок. В январе 2013 года группа проводит городской «день брусчатки», куда приглашает всех желающих, включая мэра.

В феврале 2013 года группа получает от одного из заместителей мэра «замечания (протокол разногласий)», где заместитель во всех подробностях описывает, почему регламент, предлагаемый движением, не может быть воплощен. Этот документ очень любопытен именно в свете того, что он ставит точку в споре между чиновниками и движением «Спасем брусчатку!». Почти каждый пункт проекта регламента был разобран и сопровождался обоснованием, почему он не может быть реализован. К примеру, технический регламент не может быть создан на муниципальном уровне, это прерогатива только федерального закона или указа президента. Брусчатый камень является строительным материалом и не связан с целью сохранения историко-архитектурного облика города. Поэтому нет оснований для его безусловного сохранения. Нет никакого финансирования для разработки программ возвращения камня и других заседаний и обсуждений. Проведение обследований брусчатого камня, чтобы обосновать его демонтаж, также не подкреплено ни финансовыми ресурсами, ни лабораторными мощностями. В регламенте недостаточно данных по тому, куда и как транспортируется камень.

Этот ответ указывает на то, что у движения «Спасем брусчатку!» слишком мало союзников, чтобы продвинуть такой регламент. У них нет ресурсов для изменения федерального технического регламента. Они не могут доказать нормативность утверждения, что брусчатка — часть исторического наследия. У движения нет финансирования и лабораторных мощностей для проведения обследований камня. В конце письма предлагается сохранять брусчатку лишь как часть исторических памятников. По сути, это возвращает движение к самому началу спора, к январю 2012 года, когда оно только зародилось.

Техническая несостоятельность аргументов движения делается видимой и в ходе следующего действия администрации. Она обращается к городским экспертам с вопросом: стоит ли сохранять брусчатку? Так, в начале марта 2013 года в администрации проходит круглый стол, посвященный состоянию улиц Калининграда. На нем не присутствуют представители

¹⁰ Этот и другие документы в открытом доступе можно найти здесь: <https://www.facebook.com/groups/gorodk/files/>

движения «Спасем брусчатку!», зато присутствуют строители, инженеры, доктора технических наук, заместители мэра, компании, которые ремонтируют дороги, сотрудники ГИБДД. На повестке разные дорожные вопросы, но центральный из них — брусчатка. Говоря о ней, один из ученых отмечает, что на больших улицах вроде Тельмана из-за интенсивности движения брусчатка будет постоянно «плыть», и приводит данные по ГОСТу: брусчатка должна находиться на улицах, где интенсивность движения не более 2000 машин в сутки (на Тельмана — 6000). Впрочем, в то же время он отмечает, что на улицах города в некоторых местах брусчатка лежит вполне сносно, потому что сделана по технологии.

Мэр использует этот аргумент и в эфире одной из передач говорит, что снятие брусчатки с улиц санкционировано экспертами. Через несколько дней Окружной совет депутатов постановляет убрать брусчатку с Парковой аллеи, с которой все и началось в 2010 году. Но, видимо, чтобы на всякий случай заручиться поддержкой людей, администрация проводит еще одно интернет-голосование о том, оставлять ли брусчатку на Парковой аллее.

Это действие мэра демонстрирует, что между диспозитивом технической экспертизы и нормативных актов и диспозитивом публичной информации нет четкого перехода. Изменение позиции мэра вызывает неоднозначную реакцию в СМИ. Ученый-строитель — тот самый, который выступал на круглом столе, — пишет в издании «Дворник» статью с критикой решения мэра [Савкин, 2013]. Он отмечает, что в Калининграде есть и негативные, и позитивные примеры восстановления брусчатки и что высказывание мэра о необходимости асфальтировать Тельмана и другие улицы «никаких оснований, кроме эмоциональных» не имеет. В «Комсомольской правде» выходит статья, в которой утверждается, что городская администрация не умеет работать с общественностью, а мэр упрекается в том, что использовал движение «Спасем брусчатку!» в своих «стратегических целях», а именно чтобы выиграть выборы [Денисенков, 2013]. Помимо этого отмечается, что переключать брусчатку никто в Калининграде не только не умеет, но и учиться не хочет. Иначе говоря, повторяются аргументы движения «Спасем брусчатку!».

В связи с новым поворотом движение постаралось опереться на диспозитив, который помог ему добиться расположения мэра год назад. Они помогают активистке с улицы Парковая аллея написать письма с просьбой о помощи губернатору Калининградской области, в Государственную думу и полномочному представителю Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Срабатывает последнее письмо, и в конце марта мэр, полномочный представитель и участники движения встречаются и договариваются, что брусчатку с Тельмана и Пролетарской улицы снимать не будут. При этом решение по Парковой аллее после этих переговоров осталось прежним, и уже осенью, когда начинаются работы по демонтажу брусчатки, жители пытаются писать очередные открытые письма.

Неудачи в защите брусчатки и перемена позиции мэра приводят к напряжению в самом движении. Одна из участниц отмечает, что в феврале 2013 года группа разделилась: одни считали, что нужно продолжать «обрабатывать власть» и общаться с ее представителями, другие — что это бессмысленно, потому что власть просто воспользовалась ими; наконец, третьи говорили о необходимости «партизанить» (то есть выступать против демонтажа при помощи каких-то неформальных средств). В итоге «похорон группы не было, как-то вот затихло, перестали действия предпринимать» [Инф. Л].

Шестой этап. Последствия спора

Группа перестала существовать как активная сила, регламент по защите брусчатки был отозван, а раскритиковать некомпетентность администрации и строительных компаний по работе с камнем не удалось. Однако, несмотря на все это, можно говорить о том, что деятельность движения привела к значительным последствиям в жизни города. Во-первых, в публичном дискурсе было сконструировано предствление о брусчатке как историческом наследии. К нему до сих обращаются, например, СМИ и сами власти. Во-вторых, это было первое в истории города гражданское движение в защиту города. Даже после всех событий с брусчаткой мэр ссылается на это движение, а некоторых участников движения зовут на заседания и публичные встречи, связанные с развитием города. Сами активисты принимали и принимают сегодня участие в защите других элементов городской среды: аллей, городской зелени, старинных мостов и т.д. В-третьих, участники отмечают, что городские чиновники научились разговари-

вать с городскими движениями. Так, одна из участниц говорит про заместителя мэра, с которым они работали: «Во время брусчатки он был просто таким технократом, молодым чиновником, который, в принципе, только ссылался на какие-то регламенты и юридическое поле, в общем-то, ничего не понимал и не желал разговаривать ни с кем... <а теперь> он предпочитает не ссориться, максимально настроен на диалог, идет на встречи, куда его зовут, говорит, что ничего невозможного нет» [Инф. А].

Калининградский кейс в свете прагматической социологии

Вернемся к трем различиям, которые стали камнем преткновения между прагматической социологией и более традиционными городскими исследованиями. После того, как был описан кейс калининградской брусчатки, хочется еще прояснить то, как прагматическая социология может помочь нам улучшить наше понимание процессов оспаривания города.

Сильные и слабые акторы

В то время как критическая социология города видит силу и слабость как некоторую данность, неравномерно распределяя их между акторами, прагматическая социология стремится увидеть силу (например, в виде власти) как практическое достижение или опору на набор устоявшихся сильных союзников.

В случае брусчатки движение изначально было слабым. По сути, участвовавшие в нем люди не отличались от анонимных голосов на форуме городской администрации. Но они становятся сильными, когда привлекают более 476 подписей под своим письмом (включая директоров музеев и редакторов местных газет), когда они становятся представителями недовольных жителей улиц, с которых снимают брусчатку, когда они обвиняют власти в отсутствии продуманной политики в отношении исторического наследия Восточной Пруссии. Их сила проявляется, когда мэр решает пригласить их на встречу и идет им на уступки, несмотря на недовольство своих заместителей и потерю федеральных денег. Когда чиновники на встречах в администрации отчитываются перед ними о том, как создаются технические задания и контролируется работа дорожных компаний. Когда главный инженер одной такой дорожной компании вынужден оправдываться за то, что между камнями слишком широкий зазор или что они неправильно уложены. Их сила подкрепляется знанием о том, что делают в соседних городах, новостями СМИ, которые дают им место для выражения своей критики, мнением архитекторов, которые почти полностью признают важность брусчатки для города.

Однако они начинают терять силу там, где пытаются оспорить существующее положение вещей в техническом и нормативном аспекте. У них нет доступа к инженерным лабораториям и нет денег, чтобы сделать собственное обследование расстояния между камнями брусчатки. Также у них нет инженеров-строителей, которые могли бы экспертно заявить публике, что брусчатку нужно сохранять на улицах. Против них — правовые акты, которые не допускают изменения технологии работы с брусчаткой на местном уровне и не признают брусчатку элементом культурного наследия. Несомненно, у них была возможность сделать себя еще сильнее: если бы они заинтересовали службу охраны памятников, если бы они нашли инвестора, если бы у них был лоббист на федеральном уровне. Но, как показывает «протокол разногласий», таких союзников у них не нашлось, а вместе с тем не нашлось и оснований для реализации своей критики.

В то же самое время сильные акторы, прежде всего чиновники и крупный бизнес (те же дорожные компании), совсем не похожи на априори сильных акторов. Для переизбрания на выборах мэр вынужден договариваться с общественными организациями. Его заместители вынуждены терпеть диалог с движением и критику от него вплоть до обвинений в том, что городские власти не умеют работать с дорожными компаниями, которые делают некачественную работу. Описанная нами ситуация вокруг улицы Тельмана говорит о том, что мэр — а с ним в данном случае и вся городская администрация — сильны не сами по себе: они опираются на нормативные стандарты, научные лаборатории и экспертов. Такую сильную сеть не в силах преодолеть инициативное движение, среди союзников которого нет ни инженеров, ни чиновников.

Таким образом, сила и слабость — это практические достижения, которые опосредованы опорой на устойчивых союзников. Как показывает кейс брусчатки, сети союзников городской

администрации оказались сильнее, чем сети союзников движения, по крайней мере в заключительной части истории.

Машины роста и места памяти

Выше, в теоретическом параграфе, мы показали, что для некоторых исследователей города (в частности, Сеты Лоу) важное значение имеет различие «социального производства» и «социального конструирования» городского пространства. Первая часть различия предполагает материальный аспект изменения города (то есть работу с городской инфраструктурой, застройкой и т.д.), вторая — работу с символическим (памятью, дискурсивностью). Согласно Лоу, городские власти занимаются первым, в то время как жители и городские активисты — в основном вторым. В кейсе калининградской брусчатки мы показали, что в процессе спора инициативное движение было способно влиять и на конструирование, и на производство пространства.

Отталкиваясь от идеи, что брусчатка — это культурное наследие, активисты выступают за изменение конкретной работы с ней, то есть здесь пересекаются между собой материальное производство пространства и символическое конструирование. Движение выступает за производство городского пространства, потому что именно оно предоставляет возможность сохранить исторические камни на улицах города. Благодаря движению камни оставляют на нескольких улицах города, где их планировали убрать. Вместо хранения на складах частных строительных компаний брусчатку начинают складировать в городском трамвайном депо. Далее активисты посещают улицу Тельмана, чтобы проверить расстояние между камнями, и предлагают введение нового технического регламента для работы с камнями.

Помимо этой работы движение сосредотачивает свое внимание на формировании представления о калининградской брусчатке как об историко-культурном наследии, как о символе региона, как о туристической достопримечательности Калининграда, о том, что делает городскую среду более комфортной и «человекообразной». Когда в 2016 году социологи из другого проекта будут исследовать представления горожан о том, что такое хорошая городская среда, то брусчатка будет появляться в интервью очень часто¹¹.

В итоге мы видим, что городское движение во время спора одинаково удачно могло объединять социальное производство и социальное конструирование городского пространства. Априорное различие того и другого кажется ошибочным. Машины роста и места памяти являются для самих акторов практическими достижениями в ходе спора.

Люди и вещи

История с брусчаткой показывает эвристичность подхода объектно-ориентированной политики [Marres, 2007]. Это подход, который демонстрирует, что вещи и их способность к сопротивлению играют активную роль в политике, что люди часто спорят именно по поводу вещей или привлекают их в качестве союзников.

Движение «Спасем брусчатку!» появляется на волне все большей озабоченностей жителей Калининграда ситуацией с брусчаткой. Оно направляет неудовлетворенность разрушением брусчатых улиц и исторических зданий в целом в единую гражданскую инициативу. Когда движение находит временную договоренность с мэром, брусчатку перестают снимать с отдельных улиц. В публичном дискурсе постепенно закрепляется ее статус как культурного наследия, что, в свою очередь, приводит к необходимости иначе с ней обращаться и, прежде всего, научиться работать с ней. Движение пытается критиковать существующие практики городской администрации, как работать с брусчаткой: оно пытается понять, как составляется техзадание на работу с брусчаткой, как контролируются работы и т.д. Движение даже выезжает на одну из главных улиц, по поводу которых идет спор, — на улицу Тельмана, чтобы с помощью линейки и глаза проверить, насколько точно соблюдаются технологии укладки. Однако их критика и обвинение, которые могли бы привести не просто к сохранению брусчатки, а к изменению практик работы с ней и, следовательно, к возможности поддерживать ее в хорошем состоянии в будущем, не срабатывают. Администрация и мэр, опираясь на пока-

¹¹ Личная коммуникация с руководителем проекта О. Сезневой.

зания экспертов из дорожных лабораторий, оправдывают существующую технологию работы с брусчаткой тем, что камень не калиброванный и что речь не идет о полноценном ремонте. То есть выстроенный администрацией диспозитив нормативных документов и союзников от науки выдерживает натиск критики, обвиняя, в свою очередь, самих участников движения в том, что у тех нет никаких оснований для выдвижения полноценной критики: нет лаборатории, нет нормативных актов, нет экспертов. Кроме того, брусчатке так и не придали статус культурного наследия: оказалось, что его просто невозможно придать дорожному покрытию, пусть даже его положили 100 лет назад и «павлиньим пером». В итоге нормативный и административный диспозитивы ограничивают возможности критики движения. И мэр города, сославшись на экспертный круглый стол, способен изменить свое решение и начать убирать брусчатку, потому что ему ничего за это не грозит. Тендеры на замену брусчатки асфальтом опять начинают разыгрывать, а движение, поняв невозможность выиграть в этом административном поле, постепенно исчезает, оставаясь виртуально активным только в публичном дискурсивном поле.

Эта история показывает, что роль вещей в политике не так однозначна, чтобы видеть в них только объекты социального конструирования. Во-первых, вещи собирают людей вокруг себя: так брусчатка собрала вокруг себя защитников исторического наследия. Хотя камни и не обладали собственной агентностью, однако комментарии жителей на страницах газет и на форуме показывают, насколько камни были эстетически и практически приятны и комфортны для горожан — до такой степени, что люди были готовы лично противостоять строительной технике. Постепенно из этого выросло целое городское движение, включающее людей, порой не очень близких друг другу в реальной жизни, но объединенных общим желанием сохранить старинные камни на улицах.

Во-вторых, вещи сопротивляются нарративам агентов и могут выступать «союзниками» в борьбе за отстаивание той или иной версии реальности. В случае брусчатки это вылилось в то, что она становилась частью исторического Калининграда. Чтобы убедить жителей поддержать протест, движению достаточно было призвать их представить город, закатанный в асфальт. Туристический Калининград невозможно представить без брусчатки, что также отмечали городские активисты. «Спасем брусчатку!» как бы говорило: «Если вы хотите туристический Калининград, то вы должны сохранить брусчатку на улицах городах. Нет брусчатки — нет туристов!».

В той же мере замеры расстояния между камнями, совершаемые активистами, касались того, чтобы доказать: городская администрация и строительные компании некомпетентны в работе с камнем. Как мы видели, этот замер показал правоту движения, но он не повлиял на их силу, поскольку городская администрация имела инженерную лабораторию, чье мнение было более авторитетным, чем мнение активиста с линейкой. И тем не менее именно привлечение самих камней позволило выдвинуть критику в некомпетентности.

Таким образом, еще одно различие — между людьми и вещами — может быть проблематизировано, если мы говорим о ситуации спора, где доказательство своей правоты опирается на состояние вещей не в меньшей мере, чем на людей.

Заключение

В данной статье были продемонстрированы возможности применения прагматической социологии к случаю городского спора в России. Был рассмотрен спор между движением «Спасем брусчатку!» и администрацией Калининграда по поводу того, необходимо ли снимать историческое брусчатое покрытие в городе. Было показано, что в анализе подобных споров нельзя начинать с разделения акторов на сильных и слабых: сила и слабость акторов являются практическим результатом их деятельности по заинтересовыванию своих сторонников, а также спора, в котором они участвуют. Также было подвергнуто критике различение «социальное производство — социальное конструирование» городского пространства, поскольку, как было показано, символические и прагматические элементы зачастую бывают перетасованы в споре. Наконец, было показано, что роль вещей в городских спорах, особенно если спорят по поводу них, выходит далеко за пределы только объектов социального конструирования. Целью статьи было в том числе привлечь внимание к эмпирическому измерению самой ситуации спора по поводу городского пространства, — спора, в рамках которого акторы чаще всего обнажают

невидимые до того системы отношений. Вместо рассказывания историй про четкий набор агентов любого городского противостояния, вероятно, порой полезно быть более чувствительным к тому, какие внезапные союзы возникают и исчезают.

Список информантов

Инф. А. – женщина, участница движения, социальный исследователь, преподаватель.
Инф. О. – женщина, участница движения, искусствовед, историк.
Инф. Л. – женщина, участница движения, социальный исследователь, преподаватель.
Инф. И. – мужчина, краевед.
Инф. Т. – мужчина, инженер.

Источники

- Барт Я. и др. (2019) Прагматическая социология: инструкция по применению//Социология власти. Т. 31. № 2. С. 176–216.
- Болтански Л., Тевено Л. (2013) Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов/Пер. с франц. О.В. Ковенева под науч. ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение.
- Власти предлагают «раз и навсегда» определить, где оставлять брусчатку (2011)//Новый Калининград. Режим доступа: <https://www.newkaliningrad.ru/special/roadholes/1287534-vlasti-predlagayut-raz-i-navsegda-opredelit-gde-ostavlyat-bruschatku.html> (дата обращения: 18.05.2020).
- Гладарев Б. (2012) Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 110. № 4. С. 29–43
- Денисенков А. (2013) Как асфальт Калининграда победил брусчатку Кенигсберга//Комсомольская правда. Калининград. Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26049.4/2961767/> (дата обращения: 18.05.2020).
- Димке Д.В., Руденко Н.И. (2017) Когда история дает сдачи: городские пространства и память вещей//Этнографическое обозрение. № 6. С. 14–29.
- Каллон М. (2015) Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё//Социология власти. Т. 27. № 1. С. 196–231.
- «Комсомолка» начинает акцию «Спасем брусчатку старого города!» (2010)//Комсомольская правда. Калининград. Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/24587/756920/> (дата обращения: 18.05.2020).
- Латур Б. (2002) Дайте мне лабораторию, и я переверну мир//Логос. Т. 35. № 5–6. С. 1–32.
- Новожилова Т. (2012) «На брусчатке под дождем»: репортаж «Нового Калининграда.Ru» с улицы Тельмана//Комсомольская правда. Калининград. Режим доступа: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/1642687-na-bruschatke-pod-dozhdem-reportazh-novogo-kaliningradaru-s-ulitsy-telmana.html> (дата обращения: 18.05.2020).
- Обращение о статусе брусчатого покрытия как элемента историко-культурного наследия Калининградской области (2012). Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdVJ0jqsh_XsGw-aUW4KyhAKClnqjSVY7CHKoG7LDSPpfpgw/viewform?formkey=dHc0blhQMjBmLTBqOE9Rc2FXN3VvZFE6MQ (дата обращения: 18.05.2020).
- Опросы (2020)//Горадминистрация Калининграда. Режим доступа: <https://www.klgd.ru/vote/index.php> (дата обращения: 18.05.2020).
- Про брусчатку//Livejournal. Режим доступа: <https://yaroshuk.livejournal.com/?skip=10> (дата обращения: 18.05.2020).
- Савкин Г. Брусчатка насмарку? (2013)//Издание «Дворник». Режим доступа: http://www.dvornik.ru/issue/868/28922/?sphrase_id=230534 (дата обращения: 18.05.2020).
- Составим список улиц, где сохранилась брусчатка (2011)//Издание «Клопс». Режим доступа: <https://klops.ru/news/obschestvo/34228-sostavim-spisok-ulits-gde-sohranilas-bruschatka> (дата обращения: 18.05.2020).
- Тыканова Е.В. (2013) Стратегии и тактики оспаривания городского пространства группами интересов (на примере конфликтов вокруг городского развития в Санкт-Петербурге)//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. Вып. 1. С. 103–110.
- Форум (2020)//Горадминистрация Калининграда. Режим доступа: https://www.klgd.ru/reception/forum/index.php?PAGE_NAME=read&FID=33&TID=212&PAGEN_1=18 (дата обращения: 18.05.2020).

- Bénatouil T.A. (1999) Tale of Two Sociologies: The Critical and the Pragmatic Stance in Contemporary French Sociology//*European Journal of Social Theory*. Vol. 2. No. 3. P. 379–396.
- Breviglieri M., Stavo-Debaugé J. (1999) Le Geste Pragmatique de la Sociologie Française. Autour des Travaux de Luc Boltanski et Laurent Thévenot//*Antropolítica*. Vol. 7. P. 7–22.
- Lemieux C. (2018) *La Sociologie Pragmatique*. Paris: La Découverte.
- Low S.M. (2000) *On the Plaza: the Politics of Public Space and Culture*. Austin: University of Texas Press.
- Marres N. (2007) The Issues Deserve More Credit: Pragmatist Contributions to the Study of Public Involvement in Controversy//*Social Studies of Science*. Vol. 37. No. 5. P. 759–780.
- Thévenot L. (2006) *L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement*. Paris: La Découverte.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2015) The Performative Logic of Urban Space Contestation: Two Examples of Local Community Mobilisation in St. Petersburg//*Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe*/ K. Jacobsson (ed.). Abingdon: Ashgate. P. 139–162.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2019) Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non)Participation in Decision-Making on the Futures of City Territories//*International Journal of Politics, Culture and Society*. Vol. 33. P. 1–22.
- Williams R. (1983) *Culture and society, 1780–1950*. Columbia University Press.

---

*Социальные сети Instagram и Facebook запрещены на территории Российской Федерации. 21.03.2022 компания Meta признана экстремистской организацией.

NIKOLAY RUDENKO

FROM OBLIVION TO THE STUMBLING ROCKS AND BACK

A PRAGMATIC SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONTROVERSIES AROUND KALININGRAD COBBLESTONES

Nikolay I. Rudenko, PhD in Sociology, Researcher at the Center for Research in Science and Technology of the European University at St. Petersburg; Affiliated Fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (branch of the FCTIS RAS); letter A, 6/1 Gagarinskaya Street, St. Petersburg, 191187, Russian Federation.

E-mail: diogenstyx@gmail.com

Abstract

This article deals with the description and analysis of the controversy in 2010–2013 around the historic cobblestones in Kaliningrad when there was massive asphaltting of streets, replacing German paving stones. This caused discontent and protests from citizens, leading to the emergence of the city's first civil activist movement ("Save the cobblestones!") to protect the city and its historical heritage. The article describes the appearance of this movement, its dynamics and the reasons for its disappearance. The French tradition of pragmatic sociology is used as a theoretical framework. The article focuses on how the controversy unfolded around the questions of whether to keep or remove the historical paving stones from the streets of the city, what resources each side used (the city administration and the activist movement), what regulatory, institutional and political restrictions were possible to narrow the possibility of criticism of the actions of the city administration. The article is based on the case study method, during which 10 interviews were collected with participants in the movements, journalists, architects, engineers, etc. Local periodicals, and posts and documents from online activists were collected and analyzed. The article shows that criticism of the actions of the authorities became possible thanks to the media, social networks, appeals to officials, but it was limited by normative documents and administrative obstacles.

Keywords: civic urban activism; pragmatic sociology; cobblestones; Kaliningrad

Citation: Rudenko N. (2020) From Oblivion to the Stumbling Rocks and Back: A Pragmatic Sociological Analysis of the Controversies Around Kaliningrad Cobblestones. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 50–70 (in Russian)
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202050-70>

References

- Bart Y. et al (2019) Pragmaticheskaja sociologija: instrukcija po primeneniju [Pragmatic sociology: the guide]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 31, no 2, pp. 176–216. (in Russian)
- Bénatouil T.A. (1999) Tale of Two Sociologies: The Critical and the Pragmatic Stance in Contemporary French Sociology. *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no 3, pp. 379–396.
- Breviglieri M., Stavo-Debaugé J. (1999) Le Geste Pragmatique de la Sociologie Française. Autour des Travaux de Luc Boltanski et Laurent Thévenot. *Antropolítica*, vol. 7, pp. 7–22.
- Boltanski L., Thévenot L. (2013) Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Očerki sociologii gradov [On Justification: Economies of Worth]/Translation of O.V. Kovenovoj, N.E. Kuposova (ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review].
- Denisenkov A. (2013) Kak asfal't Kaliningrada pobedil bruschatku Kenigsberga [How the asphalt won the cobblestones]. *Komsomol'skaja Pravda. Kaliningrad* [Komsomolskaya Pravda. Kaliningrad]. Available at: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26049.4/2961767/> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Dimke D.V., Rudenko N.I. (2017) Kogda istorija daet sdachi: gorodskie prostranstva i pamjat' veshhej [When the history strikes back: urban spaces and the memory of things]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], no 6, pp. 14–29. (in Russian)
- Forum. Goradministracija Kaliningrada. Available at: https://www.klgd.ru/reception/forum/index.php?PAGE_NAME=ead&FID=33&TID=212&PAGEN_1=18 (accessed 18 May 2020). (in Russian)

- Gladarev B. (2012) Gradozashhitnye dvizhenija Peterburga nakanune «zimnej revoljucii» 2011–2012 gg.: analiz iz perspektivy francuzskoj pragmaticheskoj sociologii [City protection Movements of St. Petersburg on the Eve of the «Winter Revolution» 2011–2012: Analysis from the Perspective of French Pragmatic Sociology]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [HYPERLINK «<https://www.monitoringjournal.ru/index.php/index>» Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], vol. 110, no 4, pp. 29–43. (in Russian)
- Kallon M. (2015) Nekotorye jelementy sociologii perevoda: odomashnivanje morskih grebeshkov i rybakov zaliva Sen-Brijo [Some elements of the sociology of translation]// *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 27, no 1, pp. 196–231. (in Russian)
- «Komsomolka» nachinaet akciju «Spasem bruschatku starogo goroda!» (2010) [The komsomolka started the action “Save the cobblestones of the old city!”]. *Komsomol'skaja pravda. Kaliningrad*. [Komsomolskaya Pravda. Kaliningrad]. Available at: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/24587/756920/> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Latur B. (2002) Dajte mne laboratoriju, i ja perevernu mir [Give me a laboratory and I will change the world]. *Logos* [Logos], vol. 35, no 5–6, pp. 1–32. (in Russian)
- Lemieux C. (2018) *La Sociologie Pragmatique*. Paris : La Découverte.
- Low S.M. (2000) *On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture*. Austin: University of Texas Press.
- Marres N. (2007) The issues Deserve More Credit: Pragmatist Contributions to the Study of Public Involvement in Controversy. *Social studies of science*, vol. 37, no 5, pp. 759–780.
- Novozhilova T. «Na bruschatke pod dozhdem»: reportazh «Novogo Kaliningrada.Ru» s ulicy Tel'mana [On the cobblestones under the rain]. *Komsomol'skaja Pravda. Kaliningrad* [Komsomolskaya Pravda. Kaliningrad]. Available at: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/1642687-na-bruschatke-pod-dozhdem-reportazh-novogo-kaliningradaru-s-ulitsy-telmana.html> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Obrashhenie o statuse bruschatogo pokrytija kak jelementa istoriko-kul'turnogo nasledija Kaliningradskoj oblasti [Appeal on the status of paving as an element of the historical and cultural heritage of the Kaliningrad region] (2012). Available at: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdVJ0jqsh_XsGw-aUW4KyhAkClingJSVY7CHKoG7LDSPpfgw/viewform?formkey=dHc0blhQMjBmLTBqOE9Rc2FXN3BvZFE6MQ (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Oprosy. Goradministracija Kaliningrada. Available at: <https://www.klgd.ru/vote/index.php> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Pro bruschatku [On the Cobblestones]. Livejournal. Available at: <https://yaroshuk.livejournal.com/?skip=10> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Savkin G. (2013) Bruschatka nasmarku? [Do away with the cobblestones?]. *Izdanie «Dvornik»* [Dvornik Periodical]. Available at: http://www.dvornik.ru/issue/868/28922/?sphrase_id=230534 (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Sostavim spisok ulic, gde sohranilas' bruschatka (2011) [Make up a list where the cobblestones remain]. *Izdanie «Klops»* [Klops Periodical]. Available at: <https://klops.ru/news/obschestvo/34228-sostavim-spisok-ulits-gde-sohranilas-bruschatka> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Thévenot L. (2006) *L'action au pluriel. Sociologie des regimes d'engagement*. Paris: La Découverte.
- Tykanova E.V. (2013) Strategii i taktiki osparivaniya gorodskogo prostranstva gruppami interesov (na primere konfliktov vokrug gorodskogo razvitija v Sankt-Peterburge) [Strategies and tactics of the negotiations of the urban spaces by the groups of interests]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Sociologija* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], vol. 1, pp. 103–110. (in Russian)
- Tykanova E., Khokhlova A. (2015) The Performative Logic of Urban Space Contestation: Two Examples of Local Community Mobilisation in St. Petersburg. Jacobsson K. (ed.) *Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe*. Abingdon: Ashgate, pp. 139–162.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2019) Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non)Participation in Decision-Making on the Futures of City Territories. *International Journal of Politics, Culture and Society*, vol. 33, 1–22.
- Vlasti predlagajut «raz i navsegda» opredelit, gde ostavljat' bruschatku (2011) [The authorities propose to determine the fate of the cobble stones]. *Novyj Kaliningrad* [New Kaliningrad]. Available at: <https://www.newkaliningrad.ru/special/roadholes/1287534-vlasti-predlagajut-raz-i-navsegda-opredelit-gde-ostavljat-bruschatku.html> (accessed 18 May 2020). (in Russian)
- Williams R. (1983) *Culture and society, 1780–1950*. Columbia University Press.

АДОЛЬФ ЛООС: АРХИТЕКТОР ДРУГОГО МОДЕРНА

Чем художник отличается от архитектора? Как должен одеваться мужчина? Почему венские шляпники перед Первой мировой ощутимо уступали своим британским коллегам? Какие вещи присущи каждой эпохе? Почему нанесение орнаментов на предметы и здания — это практика прошлого? Чем дом крестьянина отличается от современного сооружения? Почему строительство из красного обожженного кирпича в Данциге или Гданьске можно считать уместным, но в Вене — нет? Наконец, есть ли у материала внутренние и принципиальные свойства? Со всеми этими вопросами работал австро-венгерский архитектор и публицист Адольф Лоос (1870–1933).

Сначала, когда нам предложили включить перевод его текста в данный номер, мы отнеслись к этому скептически. Какое отношение имеет мало построивший архитектор прошлого века к [не]архитектуре? Беглое знакомство со статьями о нем выдает приблизительно следующий набор характеристик: модернист до модерна, предшественник Ле Корбюзье, скандальная фигура венского культурного круга начала XX века, прогрессист и т.д. Более внимательное прочтение раскрывает интересный контекст: вращался в тех же кругах, что и Витгенштейн, и оказал влияние на последнего, его модернизм внешне не очень напоминает строения Миса ван дер Роэ, а также совершенно чужд планировкам Тольятти или Бразилиа. У Лооса можно встретить размышления о качествах и уместности материала и многое другое. Еще больше скрывается Лоос для историков архитектуры и литературоведов. И он оказался интереснее, живее, ресурснее, чем многое из того, что можно сегодня встретить на книжных полках, не говоря уже о газетной публицистике. Без сомнения, для современников Лоос оказался чем-то новым, современным, но также очевидно, что и сегодня он не входит в категорию дряхлого или много раз повторенного.

Наша задача здесь — показать, какого Лооса мы увидели и чем он может быть полезен современникам, поэтому мы будем говорить

не только о переводах, представленных далее, а шире: о Лоосе, как о странном культурном феномене границы длинного XIX и короткого XX века.

И первое, о чем нужно сказать, — это предостережение от прямолинейного, простого прочтения Лооса. Большая часть его наследия — это эссе, газетные статьи, близкие к манифестам, тексты публичных лекций и другие небольшие формы. Может сложиться впечатление, что эти короткие, полемические, эмоциональные тексты и есть наследие странного архитектора. В них он действительно снобистски указывает на преимущества одной культуры, рассматривает ее как итог развития и ставит «примитивные» народы — с их традициями создания орнаментов — на ступени ниже современной ему европейской культуры одежды и строительства. По крайней мере к такому выводу можно прийти, познакомившись только со сборниками переводов, опубликованных издательством Института «Стрелка». Но если принять во внимание окружавший его контекст, читать его заявления не как современного нам человека, а как персонажа из другой эпохи, то начнет проявляться другой автор. Поэтому мы предлагаем прочесть приведенные ниже и уже опубликованные тексты Лооса как расшифровки давно взятых интервью, но по другому проекту и к которым ты обращаешься с иными вопросами, с иной концептуальной схемой, так как не можешь встретиться с информантом сам.

Первый ключевой момент заключается в том, что мы можем найти во всем корпусе текстов Лооса систему различений, говорящих о строительстве и связанных с этой деятельностью профессий. И первое из них — это представление о вернакулярных зданиях, тех, которые строит австрийский (и не только) крестьянин. Он использует для этого местные, а потому доступные в изобилии материалы, думает о дожде, ветре, холоде и зное, которым должен противостоять его будущий дом. Он может использовать орнамент, но этот узор повторяет сам материал или

складывается из него в уникальный рисунок. Такое здание не вырвано из среды, но повторяет ее. Наверняка не все, что строилось и строится людьми исключительно для своих нужд, можно назвать вернакулярными зданиями, но я подозреваю, что и мазанки, и северные русские избы, и традиционные кабилские дома можно отнести к этой группе. Мне кажется, не сильным преувеличением будет сказать, что у вернакулярных зданий измерение экспрессивности, говоря словами Деланда, не задействовано или практически не задействовано.

Лоос много говорит об отношении архитектуры и искусства. Для него это не одно и то же — как минимум в силу того, что предмет искусства не имеет утилитарной функции. Ты можешь смотреть на предмет искусства, а можешь не иметь такого желания. Искусство всегда вписано в ряд преемственности: на что-то ссылается, что-то пытается выразить своим существованием. Продолжая смотреть на эту категоризацию Лооса через словарь Деланда, можно сказать, что искусство (и те здания, которые проходят по этому разряду) в первую очередь экспрессивны, а утилитарны лишь во вторую.

С архитектурой все иначе: она создана для разнообразных видов использования, то есть обладает утилитарностью. Как пишет сам Лоос, архитектор думает о том, как будет использоваться здание, насколько в нем будет комфортно жить, удобно вести разговор, предполагает сценарии того, что и как будет происходить внутри. Он также заявляет, что рисунок может нравиться только его создателю, а архитектура должна нравиться всем. Может ли архитектурное сооружение быть искусством (то есть ссылаться, например, на античные постройки, что-то выражать)? Да, но не обязательно. И именно со стремлением превратить архитектуру только в искусство Лоос боролся через свои тексты и здания. Художник начинает строить здание со стен, с фасада, а архитектор сначала проектирует внутренние помещения. Это странное представление можно проиллюстрировать одним из принципов архитектуры Лооса: раумплан. Каждое помещение, каждая из комнат исходя из своих функций должна иметь определенную и не равную по сравнению с остальными площадь, расположение, форму, высоту потолков. Видимо, работа архитектора заключается и в том, чтобы предложить и умело расположить набор этих функций-комнат между собой.

Итак, крестьянин строит вернакулярный дом, архитектор — архитектуру, художник создает здание как высказывание — развитие ветви идей и формулирование новой мысли. Но в этом ряду пока не хватает одной фигуры, которая много раз встречается у Лооса и имеет свою природу, — ремесленника. Это шляпники и столяры, плотники и портные, вероятно, каменщики и плиточники и многие другие. Можно предположить, что архитектор тоже находится в этом ряду. Работы архитектора и ремесленника имеют много общего. С другой стороны, очевидно, что не все, что простроено, создано крестьянами, архитекторами или художниками. Ангар для трактора, собранный из профлиста, теплица, трансформаторная будка, котельная и многие другие сооружения созданы не руками архитектора или художника, но ремесленниками для своих нужд. В их конструкции нет ни локальных традиций и уместности дома крестьянина, ни связи со значимыми художественными произведениями прошлого, ни заботы о человеке и его деятельности, как у архитектора. Заботу о человеке заменяет/дополняет забота о предмете, ради которого строится сооружение: в музейном хранилище экспрессивное и удобное для восприятия расположение объектов выставки заменяется на наилучшие условия для объектов хранения, а высота потолков в ремонтном цехе определена высотой техники, которая там будет размещаться.

При этом ангар, хранилище или будка сторожа при въезде на склад не могут быть названы ни вернакулярным зданием, ни работой архитектора, ни искусством. Я могу предположить, что они — дело рук ремесленников, созданные их потребностями и потребностями их деятельности без оглядки на архитектуру как искусство, с одной стороны, и без строгой детерминированности локальными материалами и условиями, как в случае с крестьянином, — с другой. Продолжая логику Лооса и его исследователей, их можно назвать сооружениями.

Таким образом, в ряду крестьянин — ремесленник — архитектор — художник между соседними фигурами есть значимые пересечения, они во многом подобны друг другу. Ремесленник во многом подобен крестьянину — тем, что строит из утилитарной потребности. Архитектор и ремесленник строят, держа в уме то, как будет использоваться пространство, но с разными модусами. Наконец, художник и архитектор, в отличие от пре-

дыдущих фигур, задумываются о том, что и каким образом их работа будет выражать, но если для первого высказывание нового — это самоцель, то для второго — лишь опция сделать работу лучше. В то же время отношения через соседние фигуры (крестьянин — архитектор или ремесленник — художник и тем более крестьянин — художник) имеют слишком мало общего.

Еще одно примечательное понятие из словаря Лооса — вещи эпохи. Он говорит о них неоднократно, обсуждая моду, архитектуру и устройство жизни вообще. Так, «вещи делают нашу жизнь возможной», имея в виду, что современный образ жизни подразумевает наличие печатных машинок, телеграфа, пароходов и водоснабжения и пр. Для окситанского кюре XIV века этот набор вещей будет совершенно другим, как другим будет и набор, используемый нами. Задействование вещей, соответствующих времени, делает жизнь современной. Поэтому он призывал не отказываться от возможностей в архитектуре, появившихся вместе с новыми материалами и технологиями. Также, например, он считал недалёковидным и повседневное использование национального костюма.

Любопытным и странным является то, что, будучи архитектором, Лоос почти не пишет про города. У него встречаются большие пассажи о современной ему Вене, но лишь в контексте рассуждения об уместности того или иного здания. Причем эти заключения практически идентичны его рассуждениям об уместности той или иной одежды в определенных ситуациях/месте и идентичны примеру об уместности крестьянского дома на фоне гор. То есть города для него — лишь фон для архитектуры, которая сама этот фон и создает. Это четко видно в его размышлениях об уместности «голого» кирпича в Данциге, но не в Вене, или в его возмущении об импорте совершенно неподходящих, на его взгляд, типов домов в ту же Вену. Везде в этих случаях речь идет лишь про некоторую уместность. Такое внимание к каким-то местным особенностям и традициям не позволяет сказать (как это могли бы сделать чересчур прямолинейные читатели Лооса), что он сторонник «единого прогресса, шагающего неотвратимыми шагами, в ногу со всеми народами Земли». Лоос глубже таких простых, хоть и характерных для его времени, представлений.

Следуя этой логике, мы можем попробовать объяснить критику орнаментов и современной автору архитектуры. Прямолиней-

ное прочтение может дать лишь странное, некорректное и несовременное утверждение, что орнамент — это признак примитивности и его необходимо оставить обществу с менее развитой культурой. Но можно увидеть, что у орнамента самого по себе нет практической пользы в Вене начала XX века. Он может быть связан с технологией изготовления вещи, как, например, орнамент на дамасской стали, или определен технологическими ограничениями, как витражные стекла в средневековых соборах. Но если это не так, тогда он является искусством или средством художественной выразительности. В таком случае на него распространяются все требования к искусству. Орнамент уместен там, где он — неотъемлемая часть вещи или материала — например, кирпичная кладка экспериментального дома-дачи Альвара Аалто, где он применял различные типы кирпича и кладки. Он уместен с художественной точки зрения на персидском ковре или своде готического собора, на китайской фарфоровой вазе или на гравюре. Таким образом, колонне дорического ордера нет места в современном здании по двум причинам. Во-первых, она не несет строительной функции, так как не поддерживает никаких других конструктивных элементов. Если же на ней все-таки есть функциональная нагрузка, то это просто несовременно, не является вещью нашей эпохи, поскольку со времен античности инженерная мысль произвела новые конструктивные решения. Во-вторых, она не несет в себе художественного смысла, так как всего лишь копирует старый образец, не добавляя новых смыслов и высказываний. Попытки современных Лоосу архитекторов украсить и декорировать здания казались ему чем-то неуместным, как если бы портной украсил лацканы строгого костюма горностаевым мехом или шляпник прикрепил бы к обычной войлочной шляпке котелку Пуаро бусы, талисманы и украшения с тюрбана.

Кроме того, у Лооса есть рассуждения о материалах — их типах, уместности, фактурах и применимости, — обладающие потенциалом для архитекторов. Персона самого Лооса может заинтересовать историков границы XIX–XX веков, историков архитектуры и философии. Так, известно, что Лоос оказал серьезное влияние на Витгенштейна — последний был хорошо знаком с архитектором и при строительстве дома для своей сестры использовал теорию и наработки Лооса, а представленные ниже «Правила для тех, кто

строит в горах» по форме очень близки к его логико-философскому трактату.

Ну и кроме прочего, Лоос не только писал, но и строил здания, вызывавшие непонимание у венской общественности. Сейчас трудно вообразить себе такую постройку, такую архитектуру, которая возмущала бы нас своей модерностью. Нам сложно представить архитектурный скандал того свойства, какой вызывали его работы. На данном этапе истории уже мало кого могут восхищать минималистичные и полупрозрачные дома скандинавской архитектуры, мы привыкли к декорированным сараям торговых центров и к обновленным краснокирпичным «креативным кластерам», не обращаем вни-

мание на пяти- и двадцатипятиэтажных потомков фабрик для жилья. По всей видимости, Лоос был не только архитектором, но и художником, раз ему удавалось выразить через камни что-то настолько новое. И поэтому мы рады предложить его тексты нашим читателям.

Вероятно, он и его архитектура — из того модерна, в котором мы пока еще не были.

*Иван Тарасов,
социолог, независимый исследователь*

АДОЛЬФ ЛООС

ДВА ОЧЕРКА И ДОПОЛНЕНИЕ О ДОМЕ НА МИХАЭЛЕРПЛАЦ¹

1910. Мой первый дом

Не знаю, как мне благодарить управление городского строительства за рекламу, которую они мне сделали своим запретом продолжать работу над фасадом. Благодаря ему вышла на свет давно охраняемая тайна: я строю дом.

Мой первый дом! Дом! Тогда я даже и мечтать не мог о том, что в мои-то годы я буду строить дом. После всех неудач я был уверен, что едва ли найдется тот безумец, кто закажет у меня дом, и что будет невозможно даже пытаться продвинуть мои планы в стройнадзоре.

Ведь опыт-то у меня уже был. Мне выпала почетная миссия построить в Монтрё, на прекрасном берегу Женевского озера, домик привратника² (рис. 1). Берег был усыпан камнями, и так как издревле жители побережья строили дома из этих камней, то и я решил сделать то же самое. Во-первых, это не так дорого, что не может не отразиться на гонораре архитектора (потратится гораздо меньше), а во-вторых, меньше забот с доставкой. Я принципиально против того, чтобы много работать, в том числе и самому.

Словом, я ни о чем плохом не думал. Каково же было мое изумление, когда меня вызвали в полицию и спросили, как я, чужеземец, мог так надругаться над красотой Женевского озера. Дом слишком прост. Где орнамент? На мое робкое возражение, что само озеро в штиль гладкое, на нем вообще нет никакого орнамента, и тем не менее некоторые считают его вполне сносным, реакции не последовало. Я получил справку, что возводить такие простые, а следовательно, уродливые сооружения запрещено. Я шел домой счастливый и довольный.

Счастливый и довольный! Какой еще архитектор на планете получал от полиции справку, черным по белому, что он художник? Каждый считает себя художником. Однако нам не всегда верят. Одни верят тому, другие этому. Большинство — никому. Мне все это было нужно, мне самому нужно было в это поверить. Ведь меня запретили, запретила полиция, как Франка Ве-

1 Перевод с немецкого выполнен Анной Васильевой и Валерием Анашвили по изданию: Adolf Loos. *Sämtliche Schriften in zwei Bänden/Herausgegeben von Franz Glück. Verlag Herold; Wien-München, 1962. Bd. 1. S. 293–301.*

2 Австрийский профессор сравнительной физиологии Венского университета Теодор Бир (1866–1919 гг.) в 1903 году заказал своему другу Адольфу Лоосу проектирование и постройку сторожки на участке, где располагалась его швейцарская «Вилла Карма». В 1904 году перестройка самой виллы также была поручена Лоосу (ранее этим занимался архитектор Анри Лаванши). В 1905 году Теодор Бир был привлечен венским судом к ответственности за то, что в своей домашней фотостудии просвещал двух мальчиков (один из них был сыном придворного адвоката Генриха Штегера, другой — неназванного правительственного советника) относительно их гендерных особенностей, якобы принуждая их к мастурбации, и «развратно трогал», и приговорен к тюремному заключению сроком на три месяца. В ходе судебного разбирательства дело было перевалифицировано на более мягкое обвинение (с педофилии, § 128 Имперского уголовного кодекса, на гомосексуализм, §129; одним из доказательств последнего послужили замечания прокурора на допросе в зале суда, что Лаура, жена Теодора Бира, носит короткие волосы; в июне 1906 года на «Вилле Карма» Лаура Бир в возрасте 23 лет покончила с собой). Отсутствие у следствия прямых доказательств, помимо путаных показаний мальчиков («Профессор рассказывал мне, что детей не приносят аисты»), стало возможным благодаря помощи Адольфа Лооса, который, не дожидаясь ареста Бира, спрятал у себя принадлежащую тому коробку с детскими порнографическими снимками. Биру было временно запрещено покидать Австрию и возвращаться на его швейцарскую виллу; тюремное заключение он отбывал с октября 1906 года. В 1919 году Бир совершил самоубийство, разорившись на неудачных инвестициях в обесценившиеся послевоенной гиперинфляцией австро-венгерские военные облигации. — *Здесь и далее прим. пер.*

© CC BY-SA 3.0

Рис. 1. «Вилла Карма», Монтрё, Швейцария (1903–1906 гг.)

Источник: <https://commons.wikimedia.org>.

Пришел как-то ко мне один отчаянный человек и сделал заказ на план постройки дома. То был мой портной. Этот смелый человек — на самом деле это были двое смелых людей — год за годом поставлял мне костюмы и исправно присылал счета на первое января, и счета, что таить, только росли и росли. Я не мог, да и до сих пор не могу, несмотря на горячие уверения моих меценатов, отделаться от мысли, что мне поручили этот заказ лишь затем, чтобы хотя бы сократить долг по этим счетам. Архитектор получает почетный дар, гонорар архитектора. Несмотря на красивое название, этот почетный дар не спасает от погашения неоплаченных счетов.

Я предупреждал этих двух смелых людей о той истории, но тщетно. Им очень хотелось, чтобы счет был поменьше — пардон: поручить строительство официальному художнику со штампом. Я спросил их: вы, люди с пока еще безупречной репутацией, правда хотите иметь дело с полицией? Они были не против.

Все произошло так, как я и предсказывал. К счастью, в последний момент пришел советник по вопросам строительства Грайль и кивнул полицейскому, который уже получил приказ упрячь преступников в муниципальную тюрьму. Кроме высокой власти, есть, слава богу, власть и повыше.

Дом скоро будет готов³ (рис. 2). Как это отразится на стоимости моих костюмов, я пока не знаю. Еще один дом мои заказчики строить пока не хотят. Придется искать нового порт-

декинда или Арнольда Шёнберга. Точнее, как запретили бы Арнольда Шёнберга, умеи полиция читать мысли, стоящие за его нотами.

У меня было осознание того, что я художник, я всегда смутно в это верил, и это теперь официально было подтверждено полицией. А как добропорядочный гражданин я верю только большой круглой печати. Но это знание дорого стоило. Кто-то, может я сам, где-то это сболтнул, и так и пошло, и никто больше не хотел иметь никаких дел с таким опасным человеком, каким является художник. Но не думайте, что я прозябал в праздности. Если у кого-то была тысяча крон и ему требовалось жилое помещение, которое будет выглядеть на пять тысяч, он приходил ко мне. Здесь-то я стал мастером. Но те, у кого было пять тысяч крон и кто желал получить за эту цену ночной столик, который выглядел бы на тысячу, шли к другому архитектору. Теперь, когда первая категория людей встречается чаще, чем вторая, у меня полно дел. Видите, я не жалуясь.

³ Конторский дом Goldman & Salatsch в центре Вены на Михаэлерплац 3 (знаменитый «дом без бровей», памятник венского модерна) был построен в 1911 году прямо напротив Хофбурга — зимней резиденции австрийских Габсбургов. Контракт с Адольфом Лоосом на его строительство заключил в 1909 году Леопольд Голдман, совладелец компании Goldman & Salatsch, основанной в 1883 году его отцом Михаилом Голдманом и Йозефом Салачем. Лоос также проектировал интерьер для частного дома Леопольда Голдмана. Компания Goldman & Salatsch была одним из самых известных и престижных ателье мужской одежды, нижнего белья и модных сопутствующих товаров для мужчин, ее услугами пользовалась вся высшая аристократия и буржуазия Вены. Помимо пошива и продажи готового платья из Англии Goldman & Salatsch поставляла новейший спортивный инвентарь для яхт, автомобилей, тенниса, гольфа, верховой езды и охоты (в том числе компания в 1903 году участвовала в III Международной автомобильной выставке в Вене как поставщик для австрийского автомобильного клуба различных аксессуаров, таких как очки, защитные капюшоны, пыльники, водонепроницаемые изделия и меха). В 1909 году компания получила титул постав-

ного. Если он будет таким же бесстрашным меценатом, как и мои предыдущие поставщики одежды, лет через десять может появиться второй дом.

Вопросы венской архитектуры

Есть что-то особенное в архитектурном облике города. В каждом что-то свое. То, что для одного города красиво и восхитительно, для другого может оказаться уродливым и отвратительным. Гданьские кирпичные здания немедленно утратили свою красоту, как только их захотели перенести на венскую землю. Здесь не говорится о силе привычки... Есть вполне определенные причины, по которым Гданьск — город кирпичного строительства, а Вена — город известковой штукатурки.

Я не хочу обсуждать здесь эти причины, рассуждений хватило бы на целую книгу. Не только материал, но и конструктивная форма домов зависят от места, грунта и свободного пространства. В Гданьске высокие и крутые крыши. Архитектурное решение этих крыш не на шутку разбудило изобретательский азарт гданьских архитекторов. В Вене все иначе. В Вене тоже есть крыши. Когда в день солнцестояния на рассвете оказываешься на пустых и безлюдных улицах, залитых ярким утренним светом, кажется, что бродишь по незнакомому городу, ведь не нужно обращать внимание на прохожих, трамваи и автомобили, и поражаешься изобилию деталей, которые скрывает день. Видишь венские крыши, видишь их как будто впервые — и удивляешься, что не обращал на них внимание днем.

Но венские архитекторы отдали крышу целиком на откуп плотникам. На главном карнизе работы завершались. Дворцы получили аттики с вазами и статуями. Простые горожане отказались и от этого.

В пяти минутах от Вены, если пересечь гласис, нынешнее кольцо⁴, была «крыша». Тем же самым архитекторам, которые не брались за проектирование венских крыш, хватало ума и изобретательности, когда речь шла о крышах и куполах домов или дворцов в пригороде. Я указываю на это лишь для того, чтобы показать, что прежние венские архитекторы брали в расчет архитектурный облик места и сознательно избегали всего, что могло его нарушить.

Я обвиняю наших сегодняшних архитекторов в том, что они не учитывают архитектурный облик. Строительство кольца упорядочило город. Но если бы кольцо построили сегодня, у нас было бы не кольцо, а архитектурная катастрофа.

Венский карниз — прямой, без крыш, куполов, эркеров и других сооружений. В законе о строительстве говорится о высоте 25 метров до верхнего края главного карниза. Но нет, непременно надо впихнуть на крышу студии и другие помещения под аренду! Фундамент стоит больших денег, а налоги высоки. Из-за этого финансового вопроса прежний архитектурный

© Thomas Ledl/CC-BY-SA-3.0

Рис. 2. Дом Goldman & Salatsch, Вена, Австрия
(1909–1911 гг.)

Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/>.

щика Двора Его Императорского и Королевского Величества. В 1931 году было объявлено о банкротстве компании. Леопольд Голдман, его жена Лилли и их дети погибли во время Холокоста после нацистского аншлюса Австрии.

4 Имеется в виду Рингштрассе (букв. «Кольцевая улица») — улица Вены, которая опоясывает центральный район — Внутренний город. Улица по распоряжению императора Франца-Иосифа проектировалась и застраивалась начиная с 1858 года на месте городских стен и гласиса, первоначально созданного с фортификационными целями оголенного участка земли перед крепостными сооружениями вокруг старого города. С течением времени гласис постепенно утратил свое предназначение и был превращен в парковое пространство для прогулок горожан, которое было заменено буржуазной застройкой второй половины XIX века. В результате Рингштрассе, в значительной степени состоящая из бульваров и площадей, отделяла старый аристократический город от новых городских районов, менее фешенебельных и гораздо более разночинских, Старую Вену от бывших пригородов.

облик Вены утерян. Я знаю одно средство, как его вернуть. Отнюдь не новыми законами, которые отняли бы права у домовладельцев и землевладельцев. Отнюдь не по старому принципу: равная несправедливость для всех. Но: кто обязуется ничего не строить над главным карнизом, тому разрешат иметь шесть этажей. Лучше честный высокий дом, чем тот, что с крышами, построенными в так называемом «стиле заимствования». Тогда у нас снова будут прекрасные монументальные линии и великие пропорции, у нас, на кого веками дул итальянский воздух с Альп, итальянское величие и монументальность, то, что в нас заложено и чему жители Гданьска смогут нам по праву позавидовать.

И потом, у нас известковая штукатурка. На нее смотришь, пожимая плечами, и в материалистическом мире начинаешь ее стыдиться. Старая добрая венская штукатурка была испорчена и проституирована, больше не имела права говорить, кто и что она есть, и стала использоваться, чтобы подражать камню. Потому что камень дорогой, а она дешевая. Но в мире нет дорогих и дешевых материалов. У нас воздух дешевый, а на Луне дорогой. Для Бога и для художника все материалы ценны одинаково. Я за то, чтобы люди смотрели на мир глазами Бога и художника.

Известковая штукатурка — это облицовка. Камень — часть конструкции. Несмотря на общий химический состав, разница в применении огромна. Известковая штукатурка имеет больше сходства с кожей, обоями, тканями для стен и эмалевой краской, чем со своим собратом известняком. Когда известковая штукатурка честно применяется как отделка кирпичной кладки, ей так же мало следует стыдиться своего простого происхождения, как тирольцу в императорском замке — своих кожаных штанов⁵. Если же оба наденут фраки и белые банты, то человек почувствует себя там неуверенно, а известковая штукатурка вдруг ощутит себя самозванкой.

Императорский дворец (*рис. 3*)! Его близость уже сама по себе это оселок для различения истинного и ложного. И вот встала задача построить в окрестностях императорского дворца новый дом, современное торговое здание. Требуется создать переход от императорской резиденции через дворец феодала на самую престижную торговую улицу, Кольмаркт. Место, выбранное под строительство, раздвинулось, и конечно, в ущерб площади. Мы предприняли попытку компенсировать этот недостаток при помощи большой мраморной колоннады; в результате фасад уходит вглубь первого этажа и мезонина на три с половиной метра. Он должен стать городским домом: архитектурная форма заканчивается главным карнизом, и о медной крыше, которая скоро потемнеет, будет известно только полумножникам в канун летнего солнцестояния. Четыре этажа будут покрыты известковой штукатуркой. То, что необходимо для украшения, должно быть честно нанесено рукой, как это делали наши старые барочные мастера в те счастливые времена, когда еще не было закона о строительстве, потому что каждый носил закон в своем сердце.

Но на первом этаже и в мезонине, там, где торговые залы, современная деловая жизнь по праву требует современного решения. Старые мастера не оставили нам образцов для подражания, чтобы строить современные конторы и устанавливать электрические осветительные приборы. Поднимись они из могил, они бы нашли решение, но не в так называемом современном смысле и даже не в духе старых обойщиков, которые вставляют фарфоровые свечи с лампами в старые подсвечники, а решение новое, современное и совсем иное, нежели думают во враждебном мне лагере.

Попробуем. Мы попробуем возвести дом в соответствии с императорским дворцом, площадью и городом. Если все получится, то нам воздастся благодарностью за то, что жесткий закон с тонким художественным вкусом нашел поистине вольнодумное толкование.

Дополнение

Каждое слово, которое можно прочесть о славе нашего старого города, о спасении утерянного городского пейзажа, конечно, отзовется во мне сильнее, чем у других. Но то, что я, именно я, должен нести ответственность за преступление в отношении старого облика города — это обвинение поражает меня сильнее, чем могли бы посчитать некоторые. Я спроектировал дом

⁵ Ледерхозен — национальная одежда баварцев и тирольцев, короткие кожаные штаны на подтяжках, богато украшенные вышивкой или тесьмой.

© Diego Delso/CC-BY-SA-4.0

Рис. 3. Императорский дворец Хофбург, Вена, Австрия (1279 г.)

Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/>.

так, чтобы он по возможности вписывался в площадь. Стиль церкви⁶ в пандан к этой стройке стал для меня решающим (рис. 4). Форму окна я выбрал не для того, чтобы отразить свет и воздух, а для того чтобы — соответствуя законным требованиям нашего времени — приумножить и то и другое. Окна не двухстворчатые, а трехстворчатые и идут от подоконника до потолка. Я выбрал настоящий мрамор, поскольку мне отвратительна любая имитация, а штукатуркой пользовался как можно проще, поскольку жители Вены тоже строили просто. Только феодал имел в своем дворце сильные архитектурные элементы, которые были выполнены, однако, не в цементе, а в камне, а теперь их скрыла штукатурка. (У дворца Кинских (рис. 6) и у дворца Лобковиц эти камни воскресили к новой жизни.) Мне было поручено строго разделить торговые залы и жилой дом. До сих пор я находился в заблуждении, что решил задачу в духе наших старых венских мастеров. И в этом заблуждении меня еще больше укрепило высказывание враждебно настроенного мне современного художника, который сказал: да какой же он современный архитектор, если строит дом, похожий на старые венские дома!

Рис. 4. Михаэлеркирхе, Вена, Австрия (1221 г.)

Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/>.

⁶ Михаэлеркирхе (приходская римско-католическая церковь Святого Михаила) была построена в 1221 году в романском стиле, в XVI веке перестроена в готическом стиле, в 1792 году западный фасад был оформлен в классицистском стиле. К приходу Михаэлеркирхе относилась императорская резиденция.

АДОЛЬФ ЛООС

ПРАВИЛА ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРОИТ В ГОРАХ¹ (1913 г.)

© MathiasSeyfert /CC-BY-SA-4.0

Рис. 1. Храм гусаров («Храм воинской славы», 1813 г.)

Источник: <https://ru.wikipedia.org/>.

Не стремись строить живописно. Оставь это скалам, горам и солнцу. Человек, который одевается «живописно», выглядит не живописно, а как скоморох. Крестьянин не одевается живописно. Но он живописен.

Строй настолько хорошо, насколько можешь. Не лучше. Не переусердствуй! Но и не хуже. Не опускайся нарочито ниже того уровня, что задан твоим происхождением и воспитанием. Даже когда ты отправляешься в горы. Говори с крестьянином на своем языке. Венский адвокат, который говорит с крестьянами на диалекте Ганса-каменотеса, заслуживает казни.

Обрати внимание на формы, которые использует при строительстве крестьянин. Ибо это и есть субстанция концентрированной исконной мудрости. Но ищи причину такой формы. Если позволяет технологический прогресс, улучшай форму, такое улучшение всегда будет воспринято. Молотильный цеп заменяется молотильной машиной.

Долина требует ставить здания вертикально, горы — горизонтально. Творению человека не сле-

дует соревноваться с делами Бога. Сторожевые башни Габсбургов нарушили линию холмов Венского леса, но Храм гусаров² вписывается в нее гармонично (рис. 1).

Не думай о крыше, думай о дожде и снеге. Именно так думает крестьянин и поэтому строит в горах самую плоскую крышу, которая только возможна, исходя из его технических навыков. В горах снег не должен соскальзывать, когда ему вздумается, но лишь когда этого захочет крестьянин. Поэтому крестьянину нужно иметь возможность без риска для жизни забраться на крышу, чтобы избавиться от снега. Так что мы тоже должны создать самую плоскую крышу, которая только возможна исходя из *нашего* технического навыка.

Будь правдив! Природа считается только с истиной. Она хорошо ладит с железными фермами мостов, но готические арки с мостовыми опорами и амбразурами она отторгает.

Не бойся упреков в старомодности. Изменения старых строительных методов допустимы лишь тогда, когда они означают улучшение, в противном случае пусть остаются прежними. Ибо истина, будь ей даже сотни лет, имеет с нами больше внутренней связи, чем ложь, которая шагает рядом с нами.

¹ Перевод с немецкого выполнен Валерием Анашвили по изданию: Adolf Loos. Sämtliche Schriften in zwei Bänden/Herausgegeben von Franz Glück. Verlag Herold; Wien-München, 1962. Bd. 1. Ss. 329–330.

² Храм гусаров (нем. Husarentempel) — строение-памятник «Храм воинской славы», возведен в 1813 году в стиле неоклассицизма в природном парке Фёренберге («Сосновые горы»), на вершине горы Кляйнер-Аннингер, 496 м. Не является религиозным объектом. Внутри находятся саркофаги с останками пятерых солдат, участвовавших в битве при Асперн-Эсслинге 21–22 мая 1809 года, когда войска Австрийской империи одержали победу над армией Наполеона, пытавшейся форсировать Дунай.

АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ, ВИКТОР ВАХШТАЙН ГОРОД КАК КОНТИНУУМ ГРАНИЦ¹

Новиков Алексей Викторович, кандидат географических наук, президент и соучредитель компании «Habidatum».

E-mail: an@habidatum.com

Вахштайн Виктор Семенович, кандидат социологических наук, магистр социологии (Университет Манчестера), декан факультета социальных наук МВШЭСН; декан философско-социологического факультета, директор Центра социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ; главный редактор журнала «Социология власти»; Российская Федерация, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.

E-mail: avigdor2@yahoo.com

Участники дискуссии обсуждают границы и разграничения в городе с социологической и географической точек зрения, привлекая множество примеров, теорий и исследований. Дискуссия выстраивается вокруг трех тем. Во-первых, как воплощается в городском пространстве различие doing и being, по-разному интерпретируемое участниками как труд и жизнь для себя или же как рутинизированное и осознанное существование. Во-вторых, проблема того, что по сравнению с действиями горожан их намерения крайне мало исследованы и трудно регистрируемы, однако играют значительную роль в развитии города, способствуя или препятствуя ему. В-третьих, переопределение оппозиции между присутствием и связью в условиях наступления виртуального пространства и обусловленные им возможные трансформации города.

Ключевые слова: граница; город; намерение; действие; география; социология; присутствие

Цитирование: Новиков А.В., Вахштайн В.С. (2020) Город как континуум границ. Дискуссия//Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202081-93>

Границы: провести или обнаружить?

Алексей Новиков: Большое спасибо Архитектурной школе МАРШ и компании Habidatum за приглашение и организацию этой дискуссии. Я предлагаю нам с Виктором сначала обсудить саму тему «Континуум границ», поскольку это не просто название, а научное понятие. Его ввел в оборот много лет назад Владимир Леопольдович Каганский, который сформулировал задачу пространственных наук, в том числе географии и урбанистики, как прочтение «текста» территории, герменевтику ландшафта.

Ключевая проблема и вся исследовательская нетривиальность географии состоят в том, что она имеет дело не просто с социальными и культурными гибридами, а сам предмет ее по сути есть гибрид физического и социального пространств. Я думаю, что основы такого взгляда заложил еще Теодорик Шартрский, который утверждал, что Земля — это самое первое святое описание, созданное еще до Библии. Задача исследователя, по Теодорику, — интерпретировать рисунки земной поверхности как послания Бога, расшифровывать их и объяснять.

Продолжением этого взгляда стали телеологические концепции немецкого географа Карла Риттера, который искал в каждом ландшафте божественное «испытание» для населяющих его людей. В таком случае рисунки поверхности земли, ее рельеф, растительность и климат становились «условиями», в которых человечество приобретало «опыт».

Еще более ярко и отчетливо такой взгляд представлен у Тейяра де Шардена, который, судя по его высказываниям, выводил из шарообразной формы Земли два основных принципа будущего человечества: 1) ни одна из точек на шарообразной поверхности не может быть центром и в то же время каждая может им быть; 2) на замкнутой сферической поверхности Земли происходит «социальное сжатие» (компрессия), которое создает социального человека Ното

¹ Дискуссия состоялась в рамках XXVII Международной выставки архитектуры и дизайна «АРХ Москва», 8–11 июня 2021 года.

socialis, из Homo sapiens, и это продолжение биологической эволюции. Отсюда у Шардена появляется теория ноосферы — еще одной оболочки планеты.

Параллельно с гибридностью «оболочек» и вертикальными градиентами на поверхности земли появляются горизонтальные гибриды и «переходные пространства», которые легли в основу научных представлений о пространстве как «континууме границ».

У географов для этого есть хороший теоретический и исследовательский инструментарий — теория районирования в разных ее форматах — интегральном, индивидуальном, однородном, узловом и безграничном. Теория «безграничного районирования», разработанная Леонидом Викторовичем Смирнягиным, по сути, основана на представлении о пространстве как «континууме границ». Это не просто метафора, а вполне инструментальное определение, связанное с устройством территории вообще и городского ландшафта как градиентной среды и как текста в частности.

Виктор Вахштайн: Спасибо большое Habidatum и МАРШ за приглашение. Меня тоже очень заинтриговала тема континуума границ, хотя все же в социологии она схватывается немного в другом ключе, в другой перспективе. В современной социальной теории этот вопрос отсылает к философии пространства и города. Например, к работам Мануэля Деланда и его теории ассамблежей. Деланда задает простой на первый взгляд вопрос. Почему для жителя древнегреческого полиса или для жителя Рима покинуть город не означало перестать быть его частью? Вы вполне могли быть землевладельцем, который уезжает из Рима куда-нибудь к себе на дачу, и при этом оставаться римским гражданином. Это никак не сказывается на ваших привилегиях и правах. Так же и греков военные угрозы побуждали скорее рассредоточиться на местности, покинув город (а не укрыться за его стенами). Граница между полисом и сельской местностью оставалась размытой, нечеткой.

Но в средневековом городе физическая граница — крепостная стена, которая задает абрис этого города на местности, — одновременно является границей и в социальном, и в юридическом, и в символическом пространстве. Покинув его, выйдя за стену, вы, по сути, перестаете быть его частью. Лишаетесь тех привилегий, которыми обладали, пока находились на его территории. Пространственные и социальные границы совпадают. Их наложение и является предпосылкой средневековой городской идентичности, которая позволила Броделю назвать европейские города «первыми отечествами Европы».

Континуум границ — это как раз вопрос о том, сколько границ сошлись в одном месте, наложились друг на друга. Совпадают ли границы между местами, социальными группами, повседневными практиками, юридическими регуляциями, символами и идентичностями? Если граница между X и Y разделяет не просто два пространства, но два образа жизни, два юридических порядка, две социальные группы, две идентичности, две идеологии, то мы назовем ее жесткой. Если же эта граница проведена наблюдателем, которому — в силу требований профессии или практической необходимости — потребовалось отделить одно от другого, нарезать территорию на некоторые «районы», и за этим разделением не стоит ничего, кроме его собственной оптики, мы назовем ее мягкой. Граница городского гетто, очевидно, жестче, чем граница вернакулярных районов (например, «Гражданка До Ручья» / «Фешенебельный район Гражданки»).

Так что для социолога вопрос о континууме границ — это всегда два вопроса. Первый: кто наблюдает? Где проводит различение? Где сам при этом находится? И тут мы совпадаем полностью. Различать и разграничивать можно только находясь в пространстве. Любая точка зрения — это точка в пространстве. Оптика требует местоположения. Но второй вопрос — вопрос жесткости: чему равна эта граница, сколько на самом деле границ в ней слились?

Мы сейчас с вами находимся в помещении, где наше мероприятие не отделено стеной или хотя бы ширмой от других мероприятий. Граница размыта. И тем не менее каждый проходящий мимо видит, что здесь что-то происходит, он может замедлить шаг, остановиться, присоединиться к нашим слушателям в формате «полуприсутствия» или пополнить аудиторию, сесть на стул. А может пройти мимо. Каждый — наблюдатель, и каждый проводит границу между «зоной мероприятия» и «зоной прохода». Но граница эта — лишенная материальных носителей вроде городской стены, крепостного рва или хотя бы занавески — все равно поддерживается практиками участников: те, кто проходит мимо, стараются даже не смотреть в нашу сторону, чтобы показать: здесь еще зона прохода, здесь можно свободно ходить, не включаясь в наш разговор о границах. Мы тоже поддерживаем эту границу, используя микрофоны

и собственную речь. И если в соседней локации люди говорят намного громче нас, то шум — непрерывно пересекающий границы локаций — делает нашу дискуссию невозможной. Как бы наблюдатели эти границы ни нарезали, сами эти границы остаются мягкими, проницаемыми, не гарантированными ничем, кроме практик участников.

А.Н.: Очень интересно, что вы сказали по поводу различения. В пространственных науках, в частности в районировании, есть как минимум три процедуры, позволяющие дифференцировать пространства. Первая — «разграничение», то есть создание объектов, которые мы потом будем различать. То есть мы начинаем различать какие-то сущности. Вторая — «различение» уже разграниченных объектов. Это не тождественные друг другу процедуры. Разграничить территории Москвы и пригородов вы можете по плотности застройки, но различать вы их будете по многим другим факторам.

Признаки различающие и разграничивающие зачастую совершенно разные. Есть, наконец, третья процедура — описание. Мы разграничиваем, различаем и описываем — все три процедуры представляют собой итеративный процесс бесконечного возвращения от одной стадии к другой: описание генерирует новые различения, а те, в свою очередь, разграничения. Этот итеративный процесс и есть районирование.

Районирование, конечно, гораздо интереснее, чем просто группировка и классификация, потому что мы должны сначала создать свой объект, потом каким-то образом отличить его от другого и описать. Понятно, что я говорю не о тех институционализированных границах, о которых говорит Деланда. Для него важен именно социальный и гражданский статус. В моем случае речь идет о механизмах познания пространства посредством научного языка районирования.

Город между *doing* и *being*: борьба за досуг и выход из рутины

А.Н.: Думаю, институционализацию пространственных границ мы можем обсудить в контексте нашей первой темы про *doing* и *being*. Откуда взялось это противопоставление? Так получилось, что современный город в основном про действие (*doing*), он — проекция трудового законодательства, организован на 8 часов рабочего времени, на час или два трудовой поездки. Так он и выстроен, ровно для этого. Иногда мы называем это фордистским городом. Москва, например, в десять раз больше, чем Детройт, но устроена примерно так же: административный центр, производственные зоны, спальные районы и выматывающие трудовые маятниковые миграции из одного места в другое по утрам и вечерам.

То, что сейчас происходит в современном городском обществе, полностью противоречит такому устройству города. Выясняется, что где-то 30% людей (если не больше), проживающих в той же Москве или в европейских столицах, обладают большим количеством свободного времени и денег. Они могут вести себя так, как хотят, график их активности смещен в сторону вечера. Они могут позволить себе не работать полную неделю. И это данные еще до COVID-19, пока без учета удаленной работы. Они живут в городе, а не действуют, их отношения с городом, возможно, менее утилитарны, чем у классического комьютера.

Жан Виар, известный французский социолог, работающий в области социологии *real estate*, напоминает нам, что только 12% времени нашей жизни мы тратим на работу. Остальное время уходит на детство, старость, выходные, отпуска, сон. Проблема в том, что город организован под эти 12% труда, а не 88% жизни.

Более того, если мы посмотрим на структуру экономики современного города, то 80% городского продукта приходится на так называемые *non-tradables*. Это недвижимостные услуги, то есть те функции в городе, к которым нужно приехать. То, что само не перемещается, само к вам не придет. Остальные 20% — *tradables*, товары, которые перемещаются как и куда угодно. При этом современный город спланирован под эти 20%, под производство товаров. Этот очевидный диссонанс бросается в глаза.

Помимо этого противоречия есть еще и другие. Мы все, разумеется, находимся одновременно и в сфере *doing*, и в сфере *being*. В своей деятельности мы тратим время на обычное созерцание, погружение в среду — словом, на *being*. Все перемешивается. Из-за этого в городе рождаются функциональные гибридные пространства.

Например, в Сан-Франциско и Нью-Йорке компания *Spacious* (ныне часть *WeWork*) организовала модный бизнес по совмещению ресторанов и коворкингов. В ресторанах, которые

имеют провал в посещаемости, посреди дня устроили коворкинги, а на вечер и утро оставили их основную функцию. В отделениях банков теперь можно встретить кафе, турагентства, места для домашних животных.

Мы видим, как гибридизируется это пространство. Вы можете в банке — пока не в нашем российском, не в московском — оставить собаку, уйти куда-нибудь, ребенка в манеж посадить, за ним последят. Вот такие гибриды doing и being стали появляться. Стали размываться границы в пространственно-временном переплетении практик doing и being, хотя сами элементы этого переплетения по-прежнему почти неизменны.

Как мне кажется, морфология физического пространства города к такому процессу не готова, то есть она его «встречает» пока что с крайним удивлением. Понятно, физическая среда города очень консервативна, ее быстро не адаптируешь к социальным изменениям. Но так или иначе в планировании города, в новых архитектурных проектах гибридизация должна быть схвачена.

В.В.: Да, интересный заход. Город, как проекция трудового законодательства — отличная метафора. Но город же всегда проекция чего-то. Это никогда не проекция чего-то одного. Мне страшно представить, проекцией скольких законодательств на сегодняшний день является Москва. Надеюсь, пока еще не законодательства об иноагентах. Хотя, кажется, мы движемся и в эту сторону тоже. Чем больше проблемы безопасности будут подниматься в повестке дня в связи с пандемией, тем больше будет конструироваться «угроз» и «опасностей» для усиления контроля над территорией. А значит, больше различений, разграничений и институционально оформленных границ будет появляться в городе.

Но вернемся к предложенной вами оппозиции doing и being. В том различении, которое вы провели, есть сильная связка doing с трудом, а being — с досугом, со временем для себя или созерцанием. И в социологических исследованиях города такая интерпретация (где «делание» — это именно «работа») долгое время доминировала. То есть действовать в городе значило, прежде всего, зарабатывать в нем деньги. Но в 1960-е годы все немного поменялось. Исследователи начали замечать незаметное. То, что городское пространство наполняется не столько трудовой активностью — в норме она довольно четко локализована в специально отведенных местах от офисов до фабрик, — сколько повседневными, нерелексивными, рутинными, бесконечно воспроизводимыми действиями. Теперь doing — это то, что вы делаете в городе, не приходя в сознание. А being — это как раз про выход из повседневности, про отстранение, про ощущение момента, про опыт осознания себя здесь и сейчас.

Как это различение двух модусов человеческого существования проявляется в городе? Насколько город вообще чувствителен к двум этим типам опыта?

Москва — яркий пример. Здесь 90% людей живут как в рассказе Пелевина о человеке, который периодически просыпался, обнаруживал себя в новой локации (на лекции, в армии, на собрании, на свадьбе), снова засыпал. Примерно так и прошла его жизнь с редкими периодами пробуждения и просоночного состояния.

Чтобы жить в городе, мозг не нужен. Нужна прочная база рутинных действий. Города — это про doing. Они организованы как американские казино, каждый элемент пространства которых подчинен одной цели: не дать игроку вспомнить о «внешнем мире», не отвлекать его от проигрывания денег. Если немного рефокусировать ту постановку проблемы, которую вы предлагаете, то одна из задач классического мегаполиса состоит именно в том, чтобы возможностей для being в городе было как можно меньше. Если вы отвлекаетесь, выходите из рутины, задаетесь мировоззренческими вопросами, начинаете рефлексировать свое существование в городском ритме, этот ритм нарушается. Колесо мстит белке, которая вдруг перестала его крутить. Такие прерывания, пробои диэлектрика, Мишель Уэльбек называет «поэтикой остановленной городской машины» (он связывает их с масштабными парижскими забастовками 1968 и 1986 годов).

Классический модернистский мегаполис — пространство «принудительной имманентности», он принуждает вас жить в модусе doing, а не being. Это хорошо понимали люди вроде Роберта Мозеса или Нормана Бела Геддеса (которому принадлежит замечательная фраза: «у автомобилиста в городе должно быть так же мало причин для остановки, как у авиатора, пролетающего над городом на самолете»). Современный мегаполис — вы абсолютно правы — уже более чувствителен к этому различению. Но эта чувствительность выражается не только в создании мультимодальных, гибридных пространств. К примеру, хипстерский урбанизм —

еще одна попытка дать горожанину ощущение being, выхода из рутины, прерывания повседневности. Станции в метро начинают объявлять известные артисты, превращая поездку в аудиоспектакль, на площади появляются гигантские качели, намекая на родство площадей и дворов, парки заполняются чем-то принципиально негородским, чем-то, что дает вам ощущение «иного пространства». Это механизмы «безопасного» выхода из повседневности, не подвергающего риску всю машинерию городской рутины. Пространства «имманентной трансцендентности», сказали бы философы. Лучше дать человеку возможность выйти из потока doing и позадаваться экзистенциальными вопросами где-нибудь в парке Горького, на сеансе йоги или на выставке под открытым небом, чем ждать тотальной остановки городской рутины.

Впрочем, любые опыты дерутинизации городской жизни в конечном итоге оборачиваются новой рутинизацией. Казалось бы, что больше разрушило ткань городской повседневности, чем пандемия? Но пандемия создала новую рутину уже через две недели самоизоляции. Работодатели, не имея возможности контролировать сотрудников «пространственно», на удаленке усилили контроль за их бюджетами времени. Профессора, перебравшиеся из города на дачные участки, читали лекции из сараев и бань (единственные уединенные места). В «Южном парке» была шутка про то, что туалет — последний фронт американской свободы (поскольку лишь там американец может остаться один на один со своими мыслями). Но и туда добрался телефон/ноутбук с идущим в зуме рабочим совещанием.

Возникнут ли в городах новые механизмы дерутинизации, приостановки повседневной летаргии и трудовой лихорадки? Какую роль архитектура и дизайн играют в переходе горожанина от doing к being? Да и есть ли вообще место для being в мегаполисе? Мне кажется, это все — открытые вопросы.

А.Н.: Спасибо большое. Это очень интересно. Опять же хочу вернуться к Владимиру Леопольдовичу Каганскому, которому принадлежит выражение, что наше общество «пространственно невменяемо». Чувствуется тоска по той рефлексии, которая почти невозможна в крупном мегаполисе или очень часто блокируется. Есть один интересный эксперимент. Я недавно оппонировал на защите магистерской работы на кафедре географического страноведения географического факультета МГУ.

Она была посвящена такому замечательному месту, как Black Rock City. Я не знаю, слышали ли вы о таком. Это совершенно уникальное место на севере штата Невада. Сделан утопический город почти что по модели Эбенизера Говарда. Это серия незаконченных концентрических окружностей, по ним расположены разного рода домики, поселения, палатки и так далее. Там проводится знаменитый международный фестиваль Burning Man. Туда приезжают люди со всего света. В этом городе запрещены денежные и товарные отношения. Там невозможно ничего купить. Единственное, что там продается за деньги, это вода. Это социальный эксперимент в «пробирке». В городе возможен обмен только знаниями, эмоциями и ничем другим.

Андрей Пронин, который защищал эту работу, сделал анализ связности внутри Black Rock City. Он выявил точки, где расположены основные центры пересечения маршрутов, и проанализировал, насколько они связаны между собой. Связность описывается тремя категориями. Первая категория — количество мест, которых можно довольно быстро достичь из каждой локации в городе. Вторая — посредничество, то есть, условно говоря, сколько через эту точку проходит людей и откуда. Третья — полнота интеграции данной точки в территорию города в целом.

Эти три параметра, по сути, геометрические. Они показывают нам, как ведут себя люди в идеальном пространстве, в которое они приехали, чтобы пообщаться и ничем не обмениваться, ничего не делать и не покупать. В чистом виде being, в чистом виде обмен знаниями и получение удовольствия. Результат исследования довольно ошеломляющий. Оно показало, что фактически никаких существенных корреляций между этими тремя важными морфологическими свойствами пространства нет.

Единственное, что всерьез влияет на выбор местоположения в городе, это так называемый choice (свобода выбора). Это пространство, где люди могут получить максимальную свободу последующих действий не только с точки зрения общения, но и бегства от него. То есть управляет динамикой размещения в городе возможность максимальной степени свободы последующих действий, включая отрицание самой цели посещения этого места.

В этом смысле, переходя от модельного города в обычный, можно утверждать, что полностью избавляться от старых морфотипов застройки в городе — это ошибка.

Пятиэтажки, несмотря на их старомодность и нерентабельность, — это важный морфотип застройки, так как он дает горожанам дополнительную степень свободы выбора нужного им формата обитания в городе.

С другой стороны, есть в городе и спрос на анонимность проживания, на крупные жилые многоэтажные комплексы. Есть спрос на тесные соседства, которых в Москве почти не существует. История с вернакулярными районами все время кажется мне надуманной для Москвы, просто потому что нет этих вернакулярных районов или они очень слабо выражены. Их нужно искать в Москве, прибегая к помощи инструментария археолога. Но всегда есть исключения, всегда есть степень свободы. Вариативность того, что существует вокруг вас, может считаться важным элементом being. Это выводит нас к следующей теме: действия и намерения в городе.

Ускользящее намерение и пандемия как машина желаний

А.Н.: Если мы более или менее умеем работать с действиями, которые человек совершает в городе, то про намерения горожан и их связь с локациями в городе мы вообще ничего не понимаем. Ярким примером такого непонимания служит история о том, как в одном из канадских городов местные власти закрывали один из городских парков, практически заброшенный и никем не используемый. Был придуман довольно интересный проект его преобразования. Там оставалось много зелени и появлялась интересная архитектура, образовательные учреждения, жилье. Проект выглядел как очень интересное предложение по развитию города. Но когда о нем объявили, горожане стали возмущаться и выходить на демонстрации, так как решили, что администрация города наступает на важные для них права и интересы. В итоге был проведен опрос тех горожан, которые выходили на демонстрации и требовали остановки проекта. Результаты этого опроса выглядели примерно таким образом.

Из 100 человек 15 были против, потому что они принципиально не доверяют любым действиям, исходящим от правительства и муниципальной власти. Еще 15% в принципе отрицают любой проект, в котором трогают хоть одно зеленое насаждение, даже если вместо него посадят еще десять. Но 70% опрошенных, как оказалось, «намеревались» когда-то посетить этот парк, а у них отобрали надежду. Примечательно, что из этих 70% большинство узнали о существовании этого парка в тот момент, когда его захотели закрыть. То есть само намерение его посетить было порождено реакцией на информацию о его закрытии и перепрофилировании. Меньшая же часть из этих 70% действительно хотела его посетить, но откладывала и, возможно, никогда бы не посетила.

Сила, с которой люди реагируют на потерю таких мест в городе — даже тех, которые не используются и не приносят деньги, — очень мощная, но городские планировщики про нее ничего не знают, не умеют ее выявлять и измерять. Намерение вдруг возникает как мощнейший фактор, эмоциональный, социальный и экономический, зачастую как препятствие для планов по развитию города. Было бы очень важно узнать карту намерений жителей Москвы.

Несколько лет назад в одной из передач на «Эхо Москвы» мы начали обсуждать вопрос о целесообразности слабо востребованного маршрута троллейбуса по Маросейке. Просто обсуждали, нужен ли вообще там троллейбус или нет. Разумеется, мы не только не предлагали его отменить, а, напротив, готовы были голосовать за троллейбус с одним пассажиром просто ради возможности связать разные точки в городе. Однако нам было интересно мнение слушателей.

Рейтинг этой программы взлетел в несколько раз из-за огромного количества возмущенных людей, которые позвонили в эфир и оставили на сайте свои проклятия. Сама постановка вопроса воспринималась как угроза. Как вы думаете, намерение — это серьезная сила в городе?

В.В.: Мне очень нравится этот заход. Я думаю, что вашу с Венедиктовым провокацию можно продолжить, вывести ее на уровень контролируемого социологического эксперимента. Нужно взять три города, в каждом из трех городов объявить о закрытии какого-нибудь парка, который в этом городе не существует, сделать страницу в «Википедии» об этом парке, обязательно с фотографиями — прогуливающимися людьми, зоны отдыха. Организовать общественные обсуждения (удаляя с них по возможности адекватных и вменяемых людей, которые говорят, что в городе такого парка нет). И замерить в итоге, какую степень коллективного бурления, негодования, активистского протеста можно будет спровоцировать. Если мы возьмем Москву, Петербург и Екатеринбург, то мы уже сейчас можем делать ставки, где бы это вызвало наибольшее возмущение. Подозреваю, что не в Москве.

Но тут мы сталкиваемся с проблемой. Намерение, которое декларируют возмущенные горожане, — это намерение или декларация? Как бы мы ни иронизировали по этому поводу — а в каждом горожанине есть что-то от героя Венички Ерофеева, который каждый день намеревался посмотреть на Кремль, но ноги сами несли его к Курскому вокзалу, — мы не можем скинуть со счетов силу намерений. Не как атрибута градозащитных деклараций, а как необходимого условия любого осмысленного действия.

Намерение странным образом ускользает от исследователя. Оно воспринимается либо как характеристика субъекта и его позиции в социальном пространстве, либо как свойство самих действий. Если мы говорим о намерениях как о характеристике некоторых социальных групп — жителей Патриарших, автомобилистов, владельцев домашних животных, — то все сводится к установкам и габитусам — иными словами, к набору предрасположенностей действовать определенным образом. В духе: «представители данной социальной группы чаще посещают публичные лекции в парке Горького, читают по утрам “Медузу”^{*}, тратят четыре часа в день на фейсбук^{*}-активности и в три раза чаще пользуются каршерингом». Но это не намерение в чистом виде. Это обобщенная «готовность», «предрасположенность», «диспозиция». Такая готовность может вообще не конвертироваться в реальные действия. Как в старом советском анекдоте: «— Я опять хочу в Париж. — А ты в нем бывал? — Нет, но вчера тоже хотел». Такие намерения что-то говорят о человеке, но ничего — о его потенциальном поведении.¹

Если же намерение все же конвертируется в действие, мы уже говорим о нем не как о намерении, а только как об элементе действия. В логике другого советского анекдота: «— Мне вчера хотели дать в морду. — Откуда ты знаешь? — Так потому что дали. — Тогда почему ты говоришь, что “хотели”? — Ну а если бы не хотели, разве б дали?».

Получается, намерение — это такое трудноуловимое связующее звено между человеком и его действием. Когда действие реализовано, намерения уже нет (оно стало его частью), пока оно не реализовано — его еще нет (это просто часть позиции, коллективного интереса или декларации). Хотя идея сделать карту нереализованных намерений в Москве — как арт-проект или арх-проект — кажется очень интересной. Москва как машина желаний. Все, что вы хотели, но не успели сделать в этом городе за последние двадцать лет.

В каком-то смысле такой машиной желаний для москвичей стала пандемия. Помните, сколько людей в начале локдауна говорили: «Отлично! Теперь-то я займусь спортом, подтяну испанский, напишу книжку, буду читать художественную литературу и займусь тем, что для меня по-настоящему важно». Но если делать вывод о том, что по-настоящему важно для людей, — не по их декларациям, а по фактическим действиям в период карантина, — то может показаться, что единственное искреннее намерение (опять же в духе Ерофеева) — выпить.

Пандемия — это машина желаний братьев Стругацких. Она выполняет не те желания, которые вы озвучиваете, а те, которые не озвучиваете. Не декларации, а интенции. Во фрагменте сценария, который Тарковский выбросил, сталкер (кажется, Дикобраз) просит у машины желаний вернуть брата, загубленного в Зоне. Но, вернувшись домой, обнаруживает, что дом завален золотом. Потому что это и было его подлинным, не озвученным желанием.

Так работает пандемия. И так работает город. Они отделяют слова от дел, декларации от намерений. В них реализуется не то, что вы говорите, а то, чего вы хотите на самом деле. Хотя я бы все равно с удовольствием посмотрел на карту нереализованных московских желаний: что будет выступать их объектами? И где эти объекты локализованы пространственно?

А.Н.: Да, и, пожалуй, самое интересное состоит в том, что независимо от того, как выражена связь человека с возможностью будущего потребления того или иного места в городе — открытое намерение, диспозиция, готовность, декларация, ожидание, удивление или просто желание вступить в любое острое обсуждение, — от этой связи зависят оценки конкретных объектов недвижимости в городе, проекты на миллиарды долларов. В парк никто не ходит, но про него все думают, поэтому цена этого места может быть еще выше, чем у того парка, в который все ходят.

На самом деле это совершенно не праздный вопрос. Всемирный банк как-то пытался со-здать бухгалтерский баланс города, такой же как у компании. В левой части баланса сначала

^{*}СМИ включено в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

^{*}Социальные сети Instagram и Facebook запрещены на территории Российской Федерации. 21.03.2022 компания Meta признана экстремистской организацией.

стоят ликвидные активы, деньги, потом ожидаемые поступления, ценные бумаги, затем в конце идет неликвидное имущество, которое нужно как-то оценить. Для компаний неликвидное имущество — проблема, для города, наоборот, вся важнейшая его инфраструктура (мосты, дороги, общественные пространства). Но как оценить, например, мост через реку?

Самый простой и разумный подход, который не сводился к суммированию расходов на постройку и эксплуатацию моста, а нацеливался на понимание его экономической полезности, состоял в исключении моста из системы дорожных коммуникаций города. Вопрос состоял в оценке издержек, возникающих от перекрытия моста. Они огромны. Эти издержки и есть эквивалент его стоимости. Примерно такой же подход применим и к экономике пустоты в городе.

Возьмем, например, историю с нью-йоркским Цукотти-парком, который находится прямо рядом с Уолл-стрит. Это то место, где когда-то расположили свои палатки активисты Оссиру Wall Street, поскольку это частный парк и он не закрывается на ночь как обычные городские парки. Так вот, эта пустая территория принадлежит компаниям, которыми владел легендарный городской планировщик Нью-Йорка Джон Цукотти.

Вся недвижимость вокруг этого парка также принадлежала ему. Цукотти решил оставить это место пустым и не застраивать его. Его экономический расчет был прост: оставив это место пустым, он создаст такую разреженность в плотно застроенном пространстве финансового района Нью-Йорка, что прирост стоимости квартир вокруг парка перекроет возможные выгоды от его застройки премиальным жильем. Парк, просто пустырь или велодорожка могут оказаться самыми дорогими объектами в городе. Пустота часто значительно дороже плотно застроенных и коммерческих городских пространств, но это тема отдельной дискуссии.

В.В.: Мне просто стало интересно, как можно было бы картографировать такие вещи? То есть создать большой список локаций, каким-то образом квантифицировать пространство Москвы, сделать некоторый корпус выборки людей, опросить, что если мы завтра закроем Кремль, то насколько вы расстроитесь по 10-балльной шкале. А они: «Нет, я хотел туда сходить! Нельзя его закрывать». Как мы в таком случае можем измерить, где намерение — это просто слова, оправдывающие некоторое отношение к пространству, а где за ним действительно стоит интенция, намерение трансформации. Для меня как раз интенция — это не то, что будет говорить возмущенные горожане. Чем более они возмущены, тем интереснее их изучать.

Для меня интенция — это то, что делает Роберт Мозес, человек, у которого намерение и действие не расходились друг с другом. Это интенция. Возможно, разрушительная. Но вот он в юности пишет футуристическое стихотворение про «город завтрашнего дня». И вот он уже делает это стихотворение былью в районе Флашинг Медоуз (том самом, который Скотт Фицджеральд описал как ад на земле — зияющую рану индустриализации на теле Нью-Йорка). Теперь его принято ненавидеть.

А.Н.: Хочу защитить Мозеса. Он, конечно, один из самых гениальных творцов Нью-Йорка.

В.В.: От меня точно не надо защищать, я его фанат. Но есть список тех, от кого стоит.

А.Н.: Я понимаю. Его конфликт с Джейн Джекобс — это как раз то противостояние, которое должно быть в здоровом городе. Это норма, а не аномалия. И он, и она — позитивные персонажи, абсолютно великолепные. По поводу карты: мы попытались создать нечто подобное в Майами. Проект осуществлялся вместе с архитектурным бюро Cooper Robertson по мастер-плану Миракл-Майл. Миракл-Майл — это район старого заселения кубинской иммиграции. После прихода к власти Фиделя Кастро богатые кубинцы бежали со своим состоянием в Майами и создали там этот шикарный район с кафе, клубами, ресторанами, особняками и кубинской музыкой.

В какой-то момент, не так давно, район стал терять популярность, постарели его жители, изменились предпочтения горожан. Нужно было переосмысление. Частью проекта нового мастер-плана был анализ настроений людей по поводу этого места в городе и других конкурирующих локаций. Тогда еще была возможность анализировать соцсети машинным способом. Важно было понять, о чем, о каких местах в Майами пишут люди, находящиеся в Миракл-Майл. Пишут ли об этом районе люди, находящиеся в других местах города и в каком контексте. Для этого мы выискивали в соцсетях посты, в которых упоминался любой топоним, например Майами-Бич, или Ки-Бискейн, или порт Майами. Нам также был интересен контекст, в котором упоминался этот топоним. Выяснили, что люди, которые находились в Миракл-Майл, обсуждали не сам этот район, а другие районы города, причем в контексте потребления, наме-

рения что-то купить. А горожане, которые находились в других местах, Миракл-Майл в этом контексте почти не обсуждали.

Если не само намерение, то, как минимум, какой-то признак этого намерения можно уловить через коммуникацию в соцсетях и построить карту, о которой мы с вами сейчас говорим.

В.В.: Мне очень нравится этот район кубинских эмигрантов в Майами. Там есть парк с шахматными столиками и табличками «Не садиться, если вам нет шестидесяти».

А.Н.: Пенсионеры.

В.В.: Возвращаясь к интенции, мы можем посмотреть на нее и с другой стороны. Вот, например, правительство Дании потратило немалые средства, чтобы воспроизвести страну в «Майнкрафте». (По удачному стечению обстоятельств Дания плоская как стол и с рельефом проблем не возникло.) Каждое здание Копенгагена было старательно воспроизведено в игровом мире. Но авторы проекта не учли, что в «Майнкрафте» есть занятный баг. Здания — при некоторой степени изобретательности — все же можно взрывать. Первым анонимные пользователи взорвали Королевский дворец. Потом — суд. Потом — парламент. Изучая последовательность и частоту виртуальных подрывов, мы можем фиксировать те самые намерения.

А.Н.: Это очень интересно! Игровое пространство действительно может быть привлекательным исследовательским проектом. Возможно, именно там проявятся многие намерения, которые не видны офлайн. Это мостик к нашей следующей теме — виртуальным пространствам и оппозиции между присутствием (presence) и связью (connection), опосредованной виртуальным пространством.

Уникальное ощущение близости, как бы далеко ни было

А.Н.: Есть три большие метаморфозы, связанные с виртуальным и физическим пространствами, на которые мне хотелось бы обратить внимание. Первая — отделение места работы от рабочего места. Этот процесс начался давно, речь не о работе из дома, а о работе откуда угодно. В этом основная суть происходящего. Рабочее место отделяется от рабочего места так же, как Message отделилось от Messenger (послание от посланца).

Вторая — отделение места от местоположения. Само по себе место со своим содержанием и топографическое местоположение сильно друг от друга отделились. Кокон «среды» нейтрализует местоположение как точки в системе координат «далеко-близко», прогресс транспорта убивает расстояние.

Третья — появление времени в городе. Город вдруг снова стал пространственно-временным объемом, стал переживаться как длительность. То ли потому, что возникло новое стихийное представление о будущем, апеллирующее к технологиям и инновациям, то ли из-за чувствительного сюжета с охраной памятников истории и культуры. Появились новые движения в архитектуре, пропагандирующие безразличное ко времени пространство, переиспользование и реконфигурацию пространства, архитектуру second hand.

Мы начинаем ощущать и вести себя в городе как меньшинство, так как застраиваемый нами на столетия город будет наполнен совершенно новыми людьми, которые, возможно, не захотят жить в бетонных оковах, отпечатанных по лекалам предков. Через 30–50 лет система ценностей и фундаментальный спрос изменятся, так что целью городского планирования становится не видение будущего, а готовность к изменениям. Как говорил Зигмунт Бауман, нам нужна система готовности, а не планирования.

Эти три метаморфозы, думаю, напрямую связаны с феноменом присутствия и связности, феноменом экстерриториальности, с возможностью выпасть из местного контекста и переместиться в совершенно другой контекст, независимо от местоположения и времяпрепровождения, будь то работа или общение.

Мне кажется, в этом очень много позитивного. Если смотреть совсем уж приземленно, то, например, работа откуда угодно открывает совершенно новые просторы для жизни малых городов, потому что если раньше у вас была щетинная фабрика, единственное место, в котором вы могли работать, а альтернативой был отъезд из города, то сейчас все обстоит совершенно иначе. Перед вами раскрывается весь рынок труда, включая мировой. Это начало очень важного процесса, который может спасти многие малые населенные пункты.

Есть заход с другой стороны. Посмотрите на то, что сейчас происходит в Бенилюксе и Северной Германии. Это почти кристаллеровское расселение. Люди понимают, что если раньше

их присутствие в городе или рядом с городом давало им возможность выбора и разнообразие услуг, то сейчас они могут спокойно переселиться в ту точку кристаллеровской решетки, которая равноудалена от всех крупных центров, находится в сельской местности с прекрасным ландшафтом и просторными домами. Прогресс транспорта зашел так далеко, что время на перемещение в соседние города резко сократилось, и тогда получается, что уже можно жить в окружении 5–6 крупных городов и пользоваться двадцатью аэропортами, а не двумя, пятью-десятью театрами, а не пятью, ну и так далее. Дети имеют широкий выбор школ и университетов. Пространственные хореографии членов семьи различаются: в одном городе в детском саду ребенок, в другом работают бабушка с дедушкой, в третьем — жена, в четвертом — муж.

В добавление к этому вы получаете прекрасный ландшафт вокруг вместо плотной городской застройки. Такая схема лучше работает для *barbecue generation*, чем для молодежи. Это мощный процесс, который идет уже более десяти лет. У районов Северной Германии и Бенилюкса позитивное сальдо миграции. Решетка Кристаллера вывернулась наизнанку: теперь самая удаленная от крупных городов точка выше в иерархии поселений, чем самый крупный город. Не субурбанизация и не рурбанизация, а новый виток урбанизации. Свободный выбор места в системе расселения и отсутствие периферийных локаций, поскольку все они легкодоступны, позволяет вам ежедневно выбирать из нескольких городов и увеличивать спектр доступных вам социальных и профессиональных ролей.

В.В.: Интересно, что Деланда в той же логике описывает субурбанизацию. Городской асамбляж теряет внятность своих границ в пространстве (у него этот процесс называется «детерриторизацией»), зато формируются новые околгородские центры. И тогда описанная вами рурбанизация — просто следующий этап детерриторизации города. Все это работает, пока транспорт ходит по расписанию, его скорость позволяет вам после работы забрать детей из детского сада в соседнем городе, а жизнь между городами в географических резервациях имени Кристаллера экономически выгодна.

Но тут ведь есть и еще один интересный философский заход. Каждый раз, когда мы заводим разговор об эволюции систем коммуникации и их влиянии на город, мы оказываемся в очень узком коридоре между двумя большими нарративами: утопическим и антиутопическим.

Утопический нарратив — это разговор про смерть дистанции. Так называлась книжка Фрэнсис Кэрнкросс, появившаяся на самой заре интернета. Кэрнкросс тридцать лет назад предсказывала скорую смерть мегаполисов, потому что «всепроницающая сеть телекоммуникаций» скоро окончательно снимет вас с городской привязи. Буквально: отвяжет. Зачем вам вообще сидеть в Москве с 20 миллионами других таких же заложников своего места работы? Интернет сделает нас мобильными, убьет дистанцию, освободит человека от власти пространства. Это относительно молодая и потому очень незрелая мифологема. Как видим, развитие интернета (до пандемии) действительно повлияло на жизнь больших городов: с его помощью в них стало проще искать жилье и работу. В итоге численность населения мегаполисов за эти тридцать лет возросла, а не снизилась. Сейчас этот нарратив снова поднял голову. Все снова заговорили о смерти больших городов и росте *zoom-towns*, маленьких живописных поселений, куда массово перебираются «удаленщики, обслуживающие своих сетевых лордов» (как написал в последнем романе Пелевин). Вот и Ричард Флорида в этом году рассказал о революции в городской географии США: американцы бегут из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Возможно, во всем этом есть зерно истины. Но лишь до тех пор, пока наша расшифровка происходящего опирается на наблюдение и анализ, а не на большой нарратив о смерти пространства и торжестве удаленки. В Москве, к примеру, влияние локдауна на численность городского населения сравнимо с затянувшимся дачным сезоном.

Второй нарратив — антиутопический. И принадлежит он Мартину Хайдеггеру. Что мы имеем в виду, когда говорим «близкий»? Во-первых, это пространственно близкие места: близко от дома, близко до города. Во-вторых, это близкие люди, близкие темы, близкие вещи. На протяжении большей части истории человечества, говорит Хайдеггер, эти два значения совпадали. Все, что вам было близко экзистенциально, было близко и пространственно. А то, что было удалено от вас на тысячи километров, было вам до лампочки. Эволюция средств связи и средств коммуникации сломали ощущение дали. Сегодня от вас ничего по-настоящему не удалено. Телевидение переносит «далекие становища древнейших культур» в мою квартиру, пишет Хайдеггер (по счастью, не доживший до интернета и тем более до фейсбучных войн и зум-эпидемии). Места, до которых раньше люди плыли месяцами, теперь от нас

на расстоянии нескольких часов полета. Но в мире, где от нас ничего не удалено, нам ничего и не близко. Без дали нет близости. Хайдеггеровская антиутопия недалекого мира — это наш, постапокалиптический мир равноудаленных мест, людей, вещей и тем. Благодаря развитию средств передвижения и связи теперь все связано со всем, мир спекся в недалекое единообразие как после атомной бомбардировки. То, что утописту кажется раем бесконечного разнообразия равнодоступных возможностей, для антиутописта — ад единообразия и безразличия. Хайдеггеровский парадокс: чем меньше далей, тем меньше близостей, чем больше выбора — тем меньше выбора.

Все это, конечно, старческое брюзжание, консервативная критика технического прогресса. Но давайте теперь зададимся вопросом: как локдаун изменил наше восприятие пространства? Один из любопытных эффектов — карантинная дальнзоркость. Запертый в четырех стенах человек не перешел в модус being, о котором мы говорили с вами выше. Нет, он превратился в персонажа песни Высоцкого «Жертва телевидения» (помните, который все время заступался за Анджелу Дэвис, пил на пососок с Жоржем Помпиду, но отказывался выйти из дома, потому что в телевизоре мир интересней). Всех стал живо интересоваться нулевой пациент, новый виток осложнения международных отношений, теория коллективного иммунитета и кто именно в интернете неправ. Посаженные на карантин пользователи соцсетей забывали выгулять собаку и позвонить родителям, но не забывали написать в день пять постов и прокомментировать триста. Для такого эффекта есть специальный термин — «телехирия», действие на расстоянии. Это ситуация оператора-беспилотника, который действует не там, где его тело. Каждый человек, локализованный в бункере, но живущий в соцсети, немного пилот боевого дрона.

Мне кажется, как исследователи мы должны пройти между Сциллой прогрессизма и Харибдой антипрогрессизма. Не дать ни одному из двух мифов увлечь наше воображение. Но это не значит, что мы не можем использовать ресурсы и инструменты, которые в этих нарративах есть. Тем более ситуация к тому располагает.

А.Н.: Очень интересно. Надо над этим дальше думать. Спасибо большое. У нас осталось пять минут. Теперь вопросы из аудитории.

Александр Емелин: Спасибо большое за интересную дискуссию. Александр Емелин, Финансовый университет. Я хотел бы вернуться к теме действий и намерений и их взаимосвязи с пространственным развитием. Как политическое намерение может быть связано с пространственным развитием? В данном случае речь идет о намерении политических субъектов, будь то общество, экономическая элита или представители власти. Как эти намерения и их взаимосвязь с пространственным развитием могут перейти в действие по этому самому пространственному развитию. Спасибо!

А.Н.: Когда вы заговорили о политическом намерении и его пространственном воплощении, я сразу вспомнил о бароне Османе и его парижской реформе. Этот человек потратил пять лет, чтобы договориться с собственниками земли о справедливой компенсации, а с муниципалитетами — об их консолидации в Большой Париж. Будучи приятелем императора, он тем не менее нанял общественного адвоката и действовал через него, так как очень уважал город и горожан и попытался выразить свое политическое намерение в деликатной форме. Он продвигал идею здорового города, боролся со средневековой скученностью.

Сохранилось воспоминание о беседе русского и австрийского генералов на холме Монмартр перед последним броском на Париж в 1814 году. Русский генерал говорит: «Давайте быстро атакуем город, и он падет». Ответ австрийского генерала: «Какой смысл? Город и так умирает от чумы и сифилиса».

До Рамбуто и Османа город действительно умирал от эпидемии. Политическое намерение состояло в том, чтобы создать там другую систему коммуникации, более просторные улицы, другую атмосферу общественных пространств. Проект шел тяжело: Ла-Виллет и несколько других юрисдикций так и не объединились с другими муниципалитетами Парижа. Город напоминал сыр с дырками. Намерение было одно, получилось по-другому, но медленная консолидация Парижа и выкуп земли были сознательным актом уважения к гражданскому обществу, институту собственности и местного самоуправления. Мне кажется, эта история может быть ответом на ваш вопрос. Для градостроителей одно из открытий Османа состоит в том, что политические намерения в отношении городского пространства нельзя реализовать быстро. Медленное движение преобразований — важнейшая добродетель городского планирования.

В.В.: Я думаю, мы имеем в виду очень разные вещи, когда говорим «политическое намерение» и «намерение горожанина». В первом случае речь идет о решениях, планах и их реализации. Это не совсем те намерения, которые мы обсуждали. Впрочем, политические намерения мы тоже узнаем постфактум. Как и намерения горожан, намерения властей мы вынуждены анализировать по их эксплицитным проявлениям, вменяя управленцам некоторые стоящие за этими проявлениями стремления: «Они хотят снести Бадаевскую руину!», «Они хотят построить здесь Охта-центр!» и т.д.

Никита Токарев: Спасибо, уважаемые друзья. Поскольку наша школа все-таки архитектурная, можно ли из темы нашего сегодняшнего разговора перебросить мостик к архитектуре? Мы знаем, что архитектура — дело очень медленное, физическая ткань городов меняется далеко не так быстро, как намерения и ощущения их жителей. В связи с этим у меня есть ощущение, что скорее будет меняться способ использования зданий и городских пространств, чем их физический состав. Что вы думаете об этом?

В.В.: Мне сложно ответить на этот вопрос, потому что социологи города и социологи архитектуры — это патологоанатомы. Когда что-то поменялось, или еще лучше что-то развалилось, или еще лучше что-то поменялось, что-то развалилось, а потом все возмутились, тогда у нас есть предмет исследования. Худшее, что в этот момент можно сделать с позиции исследователя, это сказать, что мы видим, как что-то меняется, скорее всего, будет меняться и дальше, меняться в эту сторону, поэтому архитекторам нужно делать так. Когда что-то умрет, мы придем это изучать. Никаких прогнозов по поводу его смерти и тем более рецептов, как действовать архитекторам, мы точно давать не будем.

А.Н.: Я могу только сказать, что как дата-аналитики, мы видим запрос на нейтральность проектируемого пространства, его безразличие к наполняющей его функции. Такой запрос появляется в технических заданиях на мастер-планирование: жилье должно иметь возможность стать офисом, а торговый центр — спортивным сооружением или складом. Возможная смена функционального профиля определяется как цель проектирования.

Н.Т.: Спасибо большое! Пространство, где мы находимся, как раз является примером примерно того, что вы сейчас сформулировали. Купцы в XIX веке ничего не предполагали про выставку «АРХ Москва» и нашу сегодняшнюю беседу. Мне очень понравилась идея системы готовности, а не планирования. Мне кажется, это некоторый путь, в том числе путь образования. В МАРШ мы видим, что мы действительно не можем запланировать или предвидеть будущее. Оно слишком быстро меняется. Постараться быть готовым к тому, что оно изменится, может быть, еще в наших силах. Так что большое вам спасибо за сегодняшний замечательный диалог.

ALEXEI NOVIKOV, VICTOR VAKHSHTAYN

THE CITY AS A CONTINUUM OF BORDERS. DISCUSSION

Alexei V. Novikov, PhD in Geography, President and co-founder of “Habidatum”.

E-mail: an@habidatum.com

Victor S. Vakhshayn, PhD in Sociology, MA in Sociology (University of Manchester), Dean, Faculty of Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology, Director, Center for Social Studies, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Editor-in-Chief of the “Sociology of Power” Journal; 3-5 bldg. 1 Gazetny Pereulok, Moscow, 125009, Russian Federation.

E-mail: avigdor2@yahoo.com

Abstract

The participants discuss the boundaries and demarcations in the city from sociological and geographical points of view, drawing on research, examples and theories. The discussion is organized around three themes. First, what is the difference between doing and being embodied in the urban space, interpreted differently by the discussants as work and life for themselves, or as a routine and conscious existence. Secondly, the problem is that, in comparison with the actions of the citizens, their intentions are little researched and difficult to register. They still play a significant role in the city's development, either contributing to or hindering it. Third, a redefinition of the opposition between presence and connection in the virtual space and the possible transformations of the city caused by it.

Keywords: border; city; intention; action; geography; sociology; presence

Citation: Novikov A., Vakhshayn V. (2020) The City as a Continuum of Borders. Discussion. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 81–93. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202081-93>

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 12,9
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в филиал «Чеховский печатный
двор» ОАО «Первая образцовая типография»,
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**